

ПЕТРА
ХАРТЛИБ

Мы купили
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

КАК ИСПОЛНИТЬ
МЕЧТУ КНИГОЛЮБА

И (ПОЧТИ) НЕ СОЙТИ С УМА
ОТ СЧАСТЬЯ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Перевод Анны Рахманько

МИОО

**PETRA
HARTLIEB**

**MEINE
WUNDERVOLLE
BUCHHANDLUNG**

Du Mont Buchverlag
Köln
2014

ПЕТРА
ХАРТЛИБ

Мы купили
КНИЖНЫЙ
МАГАЗИН

Как исполнить
мечту книголюба
и (почти) не сойти с ума
от счастья и читателей

Перевод с немецкого
Анны Рахманько

Москва
«Манн, Иванов и Фербер»
2023

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гер)6-44
Х22

На русском языке публикуется впервые

Хартлиб, Петра

Х22 Мы купили книжный магазин. Как исполнить мечту книголюб и (почти) не сойти с ума от счастья и читателей / Петра Хартлиб ; пер. с нем. А. Рахманько. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2023. — 192 с.

ISBN 978-5-00214-238-5

В один день бросить упорядоченную жизнь и карьеру в Гамбурге и, поддавшись спонтанному порыву, купить маленький обанкротившийся книжный магазин в Вене? Почему бы нет!

Это уютная и вдохновляющая история о том, как Петра Хартлиб воплотила в жизнь тайную мечту каждого книголюб и стала владелицей успешного венского книжного. Рассказ Петры пронизан юмором и самоиронией, и каждая строчка в нем — признание в любви к миру книг.

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гер)6-44

В тексте неоднократно упоминаются названия социальных сетей, принадлежащих Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00214-238-5

© DuMont Buchverlag, Köln, 2014
Original German title: „Meine wundervolle Buchhandlung“.
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

*Посвящается моему мужу Оливеру,
старшему ребенку, младшему ребенку,
светловолосому ребенку и его брату.*

*С благодарностью всем, без кого этот
книжный магазин не появился бы*

Мы купили книжный магазин. В Вене. Отправили письмо с каким-то номером, сделали ставку на аукционе с суммой, которой у нас даже не было, и через несколько недель получили ответ: «Вы купили книжный магазин». Такое возможно только на интернет-аукционах, когда вы, увлекшись, ставите больше, чем планировали, ведь ваш ребенок так хочет конструктор лего «Гарри Поттер». Вы всего лишь пишете какую-то сумму наудачу, но никто, черт побери, никто не предлагает больше. Так и мы сделали ставку на книжный магазин в городе, в котором не живем, на сумму, которой у нас нет. И магазин достался нам. И что теперь? Теперь нам предстоит довести дело до конца.

«Довести дело до конца» — значит Оливеру нужно бросить хорошую и высокооплачиваемую работу в крупном немецком издательстве. Мне — попрощаться с идеей стать литературным критиком, вернуть свой пропуск на радиостанцию и сообщить девушкам из модного коворкинга в гамбургском районе Шанцен, что им нужно искать нового арендатора. Объяснить шестнадцатилетнему сыну, северогерманцу до мозга костей, который впервые влюбился, что мы переезжаем в Вену. Позвонить другу с наследством, чтобы спросить, в силе ли его предложение одолжить нам

внушительную сумму. Связаться с друзьями в Вене, чтобы уточнить, в силе ли их предложение временно пожить у них. А все так безобидно начиналось. Дождливое лето в Гамбурге действовало нам на нервы, поэтому мы решили провести две недели у друзей в Вене. В наших планах был ленивый отдых в саду, купание в бассейне на открытом воздухе, террасы, винные погреба, встречи с друзьями.

Но ужин со знакомым представителем одного издательства все изменил. Сплетни из индустрии, вздохи и сожаления, что мы не живем в Вене, ведь только представьте: недавно закрылся небольшой книжный магазин, отличное расположение, постоянные покупатели.

После нескольких бокалов шпритцера становится абсолютно ясно: обыкновенному книжному магазину, который несколько дней назад по какой-то причине просто больше не открылся, предстоит стать нашим будущим. По крайней мере, в теории. Небольшой книжный в Вене — заманчиво, и чем ближе к ночи, тем яснее осознание: он будет нашим!

На следующее утро мы припоминаем ночную эйфорию, хотя и очень смутно, поэтому после завтрака отправляемся не в бассейн.

Просто посмотреть. Ведь это ни к чему не обязывает. Так и есть: книжная лавка с коричневыми витринными рамами семидесятых годов, за грязными стеклами пустые полки, внутри темно, а на двери — записка от руки: «Первого августа магазин закрывается: мы благодарим наших покупателей за многолетнюю преданность».

«Это, конечно, безумная затея, но почему бы тебе не узнать, что к чему и кто его владельцы?» — Оливер всегда точно знает, за какую ниточку потянуть. И я уже на телефоне, обзваниваю всех, кто еще не уехал в отпуск.

Это был обыкновенный книжный магазин — по крайней мере, в семидесятые и восьмидесятые годы. Известно только, что последнему владельцу он достался от родителей. Конечно, мне удастся дозвониться до него и назначить встречу через два дня, чтобы просто посмотреть. Просто посмотреть ни к чему не обязывает. Все равно безумная затея. Но посмотреть все же можно. И вот мы стоим в тускло освещенной комнате площадью сорок квадратных метров: полки до потолка, грязный пластиковый пол, вращающиеся стойки набиты книгами вплотную и беспорядочно, мерцающая неоновая лампа, — и нам все нравится. То есть, конечно, это выглядит безобразно, но все равно... в этом что-то есть. Чугунная винтовая лестница в подсобке ведет в квартиру, занимающую весь второй этаж дома. Правда, квартира — это громко сказано. «Эта недвижимость сдается только целиком», — сообщает хозяин, в ответ я бросаю: «Спасибо, нам это не подходит», а Оливер, не проронив ни слова, с блестящими глазами обходит комнату широким шагом. Склад со шкафчиками для персонала и большим столом, картонные коробки, весы, франкировальная машина, за ней — большая офисная комната с двумя старыми столами, которые, если их почистить и отремонтировать, сойдут за винтажные, далее — копировальное помещение, фотолаборатория и за ней несколько маленьких комнат, до потолка заполненных книгами, коробками и материалами для декора из разных десятилетий. Из-под завала картонных коробок и старых книг гротескно торчит выцветшая пластиковая рождественская елка. «Хорошая квартира», — доносится до меня бормотание мужа, пока я изучаю обои, на которых можно разобрать узоры из детства. Ну, на любителя. Я помалкиваю.

Мы молча стоим перед магазином на улице, и при ярком солнечном свете все кажется абсурдным сном.

- Ну что? — спрашивает муж.
- Что — что? — переспрашиваю я.
- Что ты думаешь?
- Ужасно. А ты?
- Я тоже.
- Ну тогда...

...

- Но из этого можно что-нибудь сделать.
- Да, но квартира никуда не годится.
- Почему? Из этого получится отличная просторная квартира! Смотри, из склада сделаем кухню, из большого офиса со столами — гостиную, в копировальной поставим телевизор. Из фотолaborатории выйдет ванная, и останется несколько маленьких спален для детей.

- Ты рехнулся.
- Да, наверное.

Вот и приходит конец нашему блаженному отдыху. Не могли бы мы... может, нам стоит... а что, если... Наши венские друзья не облегчают ситуации, предложив пожить у них, пока у нас не появится собственное жилье. За просто так. И ко всему прочему один старый друг, точнее мой бывший, который живет на наследство, предлагает занять денег — беспроцентно. Тоже просто так.

Мне это напоминает невозможные фигуры в изображении Эшера: ты с уверенностью распознаешь на картинке определенный объект. Но, посмотрев на него снова, видишь полную противоположность. Зачем что-то менять? Мне повезло встретить лучшего на свете мужчину. Жить в одном из самых крутых городов мира. Наша уютная квартира с высокими потолками находится в гамбургском студенческом районе с приятными соседями. Младший ребенок ходит в один из лучших детских садов, старший — в хорошую школу, где он отлично освоился. У меня

интересная работа на неполную ставку, есть время для детей и, несмотря на это, ощущение финансовой стабильности — впервые в жизни. А Оливер? Он пробился с должности продавца книг в провинции Германии до так называемого директора по маркетингу в одном из самых крупных немецких издательств. Он обожает свою работу, начальник продвигает его и оказывает всяческую поддержку, и нам совершенно не на что жаловаться. Мы и не жалуемся. Но... что, если бы мы начали какое-то общее дело? Стали бы вместе что-то создавать, вместе над чем-то работать. Решились бы на что-то?

Мы делаем расчеты, обсуждаем, говорим по телефону и каждый час меняем свое мнение. Отличная идея. Совершенно нелепая. Неосуществимая. Наше будущее. Наш крах. Как рассчитать, сколько книг нужно продать, чтобы прокормить семью из четырех человек? Кто-то рассказал мне о продавце, который работал в этом книжном магазине много лет назад. Я звоню ему, и он с трудом припоминает то время.

— Гюнтер, а какая у вас тогда была выручка?

— Боже мой, это было более двадцати пяти лет назад! Понятия не имею.

— Пожалуйста, постарайтесь вспомнить! Это важно!

— Ну, помню... что на Рождество... если мы зарабатывали больше ста тысяч шиллингов в день, то начальница угощала нас шампанским.

Уже кое-что. У нас появляется хоть какая-то цифра. Суточный оборот. Двадцать пять лет назад. В другой валюте. И на основе этого мы рассчитываем предполагаемый годовой доход. Несolidно? Вот именно.

Мне далеко не восемнадцать, давно уехала из родительского дома, живу в собственной квартире, замужем и воспитываю двоих детей. Несмотря на это, родители продолжают комментировать мою жизнь, им по-прежнему кажется, что я стою перед ними с плохой оценкой или дерзкими планами на лето. Чего и следовало ожидать: они реагируют с ужасом и недоумением.

Мой отец, бывший топ-менеджер, профи в области корпоративной реструктуризации, на скорую руку набрасывает какие-то цифры на листе бумаги за кухонным столом и решительно качает головой: «Тут ничего не выгорит! Вы сошли с ума, вы не можете пойти на такой риск, только подумайте о будущем своих детей».

С той же твердостью, с которой он несколько лет назад отговаривал меня переезжать в Гамбург ради мужчины, теперь он убеждает того самого мужчину не бросать надежную работу и не браться за такое безумие, как собственный бизнес. Во мне таилась крохотная надежда, что он даст нам немного денег, может, выделит часть будущего наследства, но это не пришло ему в голову, а времена, когда я отваживалась просить у него денег, давно прошли.

Дома в Гамбурге все это кажется нереальным. Кроме того, мы узнаём, что несколько венских книжных

магазинов тоже интересуются объектом, да и здесь у нас все хорошо. Пока у нас есть вино сорта грюнер вельтлингер и хлеб для кнедлей, мы сможем пережить несколько недель в ганзейской мороси: сын спокойно продолжает взрослеть, дочь ходит в крутой детский сад, Оливер по утрам, надев костюм и галстук, отправляется делать карьеру, а я строчу одну статью за другой, время от времени беру интервью у известных авторов и учусь делать репортажи для радио. Во второй половине дня я вожу дочь на гимнастику или пью кофе в районе Шанцен. Ко всему прочему, до Северного и Балтийского морей рукой подать. Так что все не так уж плохо.

Если бы не знакомая журналистка из Вены. Вечером, вернувшись со встреч с гамбургскими коллегами, она расположилась за нашим кухонным столом. Про отпуск рассказали, фотографии посмотрели, затеей поделились. К тому времени нам уже известно, что книжный магазин проходит через процедуру банкротства, поэтому любые предложения будет принимать так называемый ликвидатор.

— Ну что, вы сделали ставку?

— Нет, не сделали.

— Почему?

— Это бессмысленно. И у нас все равно нет шансов.

— Вы словно маленькие дети в игре «Приятель, не сердись»: сначала увлечены, а под конец, если у других получается лучше, стряхиваете фигурки с игрового поля. Трусы!

Она засиживается допоздна, наши запасы австрийского вина изрядно сокращаются.

— Давай сделаем ставку, — предлагает муж, и я включаю компьютер.

Пишем три предложения, в них — сумма, которую, как нам кажется, мы сможем наскрести: «Мы делаем ставку на объект № 45896. Он включает в себя

деревянные полки общей длиной 180 метров, 120 погонных метров книг, кассовый аппарат, различное торговое оборудование, пикап марки Citroen C15 1996 года. Наше предложение действительно до 30 сентября».

Такая дата объясняется просто: открывая книжный магазин, нужно в первую очередь думать о Рождестве и возможности неплохо заработать. Пусть мы и наивны, но вовсе не глупы.

И снова слишком много времени уходит на репортаж для радио. Снова слишком долго я вожусь с интервью. Впрочем, собеседник оказался очень приятным — русский из Берлина с лучезарными голубыми глазами. Как это нередко случается, я увлеклась разговором, в итоге на диктофоне какая-то болтовня вместо пяти лаконичных предложений. И теперь мне предстоит сделать из этого четырехминутный сюжет с тремя вставками из нашего разговора. У меня есть еще час до того, как идти за ребенком в садик, поэтому я бегу домой, чтобы проверить электронную почту. Вдруг австрийское радио решило купить мой материал о дешевых книжных сериях крупных немецких газет. Таким образом хоть как-то окупится мой разговор с высокомерным редактором крупной газеты.

Пока загружается компьютер, я, не разуваясь, делаю себе эспрессо. К сожалению, от радиокomпании вестей нет, зато пришло письмо из Австрии от нотариуса.

Уважаемая госпожа Хартлиб, вы выиграли торги по продаже объекта № 45896 и тем самым приобрели имущество компании-банкрота ХУ. Просьба явиться по адресу вышеуказанного объекта до 15 октября и иметь при себе 40 000 евро наличными.

Кажется, я на грани нервного срыва. Пытаюсь дозвониться в офис мужа.

— Корнелия Майер, слушаю.

— Здравствуйте, это Петра Хартлиб, я бы хотела поговорить со своим мужем.

— Он на встрече с руководством.

— Это важно, пожалуйста, соедините меня. — Я еще ни разу не выдергивала его с совещания, даже когда родился ребенок, а спокойно дожидалась, пока он перезвонит. Меня соединяют. — Ты должен срочно приехать. Мы купили книжный магазин. Черт побери, мы купили книжный магазин!

Вечером к нам приходят близкие друзья: она из Вены, он из Германии. Пара светится от радости: им не терпится поделиться какой-то новостью. Но и нам есть что рассказать. Сложно подобрать слова. Я до сих пор не могу поверить, что это случилось, ведь нам даже не прислали подтверждения, что наша ставка была принята к рассмотрению. Ведь мы не отправляли заказного письма. Ведь мы ничего не подписывали. Как простой имейл может к чему-либо обязать?

— Может, — возражает мне в телефонную трубку отец моей подруги, судья на пенсии из Вены. — Вы сделали ставку, и ее приняли. Теперь вам придется заплатить. Если что, вы сможете снова продать этот объект.

Большое спасибо, именно так мы и поступим.

В тот же вечер Оливер отправляет своему начальнику факс с заявлением об увольнении, мы долго обдумываем, какую дату поставить. И уже ближе к полуночи друзья наконец-то рассказывают, что ждут ребенка. Тоже неплохо.

Оливер встает в шесть и молча надевает свой лучший костюм. Он совершенно не выглядит счастливым. Он хочет прийти в офис первым, чтобы

забрать заявление об уходе из факса, пока его никто не увидел. На работе сегодня особенный день — отмечают тридцатилетний трудовой стаж начальника. Торжественные речи, шведский стол, шампанское, мой муж немного не вовремя со своими новостями, поэтому он дожидается подходящего момента, чтобы подать заявление об уходе. Наконец все речи заканчиваются, руководство прощается и гости собираются расходиться, Оливер протискивается в кабинет начальника.

— Нам нужно кое-что обсудить.

— Вы увольняетесь?

— Откуда вы знаете?

— А что еще можно обсудить со мной в такой день?

— Все верно.

— Кто же вас переманил? Могу я как-нибудь вас переубедить остаться с нами?

— Нет, не можете. И меня никто не переманивал. Мы с женой купили книжный магазин в Вене.

— Вы определенно сошли с ума.

— Да, я знаю.

— Дайте знать, если я могу чем-то помочь.

После бессонной ночи мы готовимся к следующему шагу: как объяснить это детям? С младшей не должно быть никаких проблем. Вена ей знакома по каникулам — своеобразное сочетание из расслабленных родителей и шницеля, уютных посиделок в саду друзей, походов в бассейн и зоопарк. Мы рассказываем ей о Вене, где есть вкусное мороженое, отличная погода и где мы скоро поселимся в книжном магазине с какими только пожелаешь книжками-картинками. И конечно, любыми аудиозаписями про Конни, каких у нее еще нет.

К сожалению, шестнадцатилетнего подростка не впечатляют подобные перспективы. Его жизнь в Гамбурге тесно связана с районом Шанцен, пляжем

Эльбстранд и футбольным клубом «Санкт-Паули». Вени он знает только из воспоминаний восьмилетней давности, другими словами, этот город для него все не круг. Он с радостью и добровольно перебрался вместе со мной из Вены в Гамбург. А теперь нам предстоит заставить его вернуться? Сначала отказ, молчание, отчаяние, конечно же, он сейчас в кого-то влюблен, и переезд совершенно невозможен. Я отлично помню, каково это — шестнадцать лет, и самое важное в мире — друзья, а родители — просто необходимое зло, которое предоставляет жилье, деньги и еду. Переезд совсем некстати. Мне его ужасно жаль. У Оливера осталось шесть месяцев до увольнения, и я уверена, что за это время мы что-нибудь придумаем.

Итак, теперь у нас есть книжный магазин. А когда самые лучшие продажи? Правильно. На Рождество. Сейчас только начало октября, и будет весело, если не успеем открыться до ноября. До этого нужно кое-что сделать. Например, привезти в Вену деньги, которые нам еще только предстоит занять, договориться об аренде магазина и квартиры, найти банк, который без лишних вопросов предоставит кредит на имущество фирмы-банкрота, отыскать место в детском саду для дочери и школу для сына, получить лицензию на торговлю, разобрать старый магазин, заваленный книгами, канцелярскими принадлежностями, украшениями к разным праздникам и упаковочным материалом, покрасить стены и рамы витрин, установить новую электрику, разработать логотип, снять пластиковый пол и так далее. Повторюсь, сегодня всего лишь вторая неделя октября, так что открытие назначаем на четвертое ноября? Ах да, о переезде в Вену мы позаботимся позже. Квартиры там у нас еще нет.

Как удачно совпало, что в октябре проходит Франкфуртская книжная ярмарка, а мы в любом случае планировали туда поехать. Поскольку Оливер отвечает

за монтаж стенда своего все-еще-работодателя, то на нем большая ответственность, и о нашем будущем приходится заботиться мне. В конце концов, у меня лишь несколько интервью, и мне удастся использовать перерывы между ними, чтобы встретиться со всеми людьми, которые могут пригодиться, когда открываешь книжный магазин. Руководители отделов поставок по Австрии и Германии, президенты ассоциаций, главы палат, начальники отделов по продажам крупных издательств, коллеги и так далее. Почему у меня возникает ощущение, что большинство моих собеседников жалостливо улыбаются, глядя на меня? «Очень смелая затея, может, у вас и получится». Спасибо, должно получиться. У нас нет выбора.

Тем временем у нас с Оливером постоянно появляются отличные идеи, которыми мы обмениваемся во время коротких встреч в коридорах книжной ярмарки: «Может, для подписания договора нам нужен адвокат? Может, кто-нибудь из наших знакомых порекомендует банк?» Счет за мобильную связь, вероятно, выйдет выше, чем ожидаемый суточный оборот магазина, но придется потерпеть. У меня есть волшебная карточка под названием «удостоверение журналиста». С ее помощью можно попасть в пресс-центр книжной ярмарки, где коллеги работают над своими материалами о мероприятии. Я же ищу номер адвоката, который когда-то несколько лет назад представлял меня в трудовом процессе, другого я не знаю. Я набираю подругу, имеющую хоть какое-то отношение к экономике и банкам, — по крайней мере, она изучала этот предмет в университете и должна знать банковского служащего, который предоставит нам кредит. «Я знаю кого-то, кто знает кого-то, кто знает кого-то» — этот способ все еще работает в Австрии, мне бы никогда не пришло в голову взять и позвонить в банк напрямую.

Между тем, как и каждый год, объявляют Нобелевскую премию по литературе, и, к моему ужасу, в этом году ее получает Эльфрида Елинек. Разговоры с юристом банка при Экономической палате неожиданно прерывает звонок руководительницы моего отдела с радиостанции: «Вы, как единственная австрийка среди нас, должны сделать этот репортаж». Как будто это мне как-то поможет справиться с радиорепортажем о Елинек! Быстро записать несколько цитат, найти людей, которым есть что сказать о далеко не самой популярной австрийке, — в свое время я осилила несколько ее книг.

Книжная ярмарка подходит к концу, Оливер руководит демонтажем стенда, я собираю чемодан, и около полуночи мы уже катим по трассе в направлении Вены. В моем багаже все книги только что коронованной лауреатки Нобелевской премии и цветной плакат в натуральную величину с надписью: «Нобелевская премия по литературе». Как удобно, что все ее книги вышли в издательстве Оливера. Мы станем первым книжным магазином с витриной, посвященной Елинек. И явно заработаем себе на этом не только друзей.

В Вене нужно быть в первой половине дня. У нас назначена встреча с банком, которому еще из Франкфурта мы отправили факс с солидным бизнес-планом. Как говорят австрийцы, все успеется.

В шесть утра мы объявляемся у наших друзей: Оливер дремлет часок, мы принимаем душ, натягиваем костюмы и ровно в половине девятого уже сидим с усталым видом и скоросшивателем с матовым титульным листом напротив пары серьезных банкиров — кажется, они сошли с рекламы ипотечного кредитования, чтобы предопределить наше будущее. На столе перед ними лежит бизнес-план нашей будущей компании, и мы искренне надеемся, что до

сведения банкиров не дошло, что книжная торговля вымерла много лет назад, если не десятилетий. Они с энтузиазмом рассматривают таблицы и диаграммы, мой муж ничего не упустил из виду: демографическое развитие района, оценочное финансовое положение его жителей, конкурирующие фирмы, ожидаемый оборот в течение следующих десяти лет и так далее по списку. Я наливаю себе третью чашку чуть теплого фильтр-кофе, а в голове крутятся слова: кредит, общая выручка, маржинальная прибыль... Звонок моего мобильного резко выводит меня из этого полусна. Наш адвокат. Я объясняю собравшимся, что это важно, и встаю из-за стола. К сожалению, я не успеваю покинуть комнату, как из трубки раздается голос: «Вот сволочи! Мы точно не будем подписывать договор на аренду квартиры. Они, наверное, принимают нас за полных идиотов!» Осторожно прикрывая за собой дверь, я замечаю приподнятую бровь банковской служащей.

— Пожалуйста, потише! Я еще в банке. Можно я вам перезвоню?

— Нет, я весь день в суде, я вам сам перезвоню! Но мы точно не будем подписывать договор аренды на квартиру! Мы же не дураки!

— Но вы же обещали присутствовать при передаче денег!

— Точно. Хорошо, я приду.

Через сорок пять минут мы стоим на небольшой площади рядом с банком, в руках — кредит размером в семьдесят тысяч. Мой бедный муж-немец разрывается между огромным восхищением и полным презрением:

— Австрия — странное место. Заходишь, кладешь на стол несколько разноцветных листов бумаги, хватаешься многолетним опытом в книжном бизнесе — и тебе просто дают деньги? Просто так?

— Они просто почувствовали, что мы подходим. Мы динамичная успешная парочка.

Оливер осторожно проводит большим пальцем по одному из мешков под моими глазами.

— Так, динамичная половинка успешной парочки, нам нужно поспать.

Дома никого нет: друзья на работе, дети в детском саду. Мы сбрасываем серьезные костюмы и падаем на раскладной диван. Оливер просовывает руку под мою футболку и легонько гладит меня по спине:

— Думаешь, мы правильно поступаем?

Я размышляю над ответом, и к тому времени, как произношу свое «не знаю», он уже спит.

Через три часа мы входим в кассовый зал Почтового сберегательного банка с высокими потолками. Оливер, впечатленный зданием Отто Вагнера, застывает от изумления в центре зала. Мой трепет скорее связан с суммой, которую мы собираемся снять с моего старого студенческого счета: сорок тысяч евро, переведенные наследником и бывшим бойфрендом, официально находятся в моем владении уже как два часа на счете, который фактически всегда был в минусе с момента его открытия. Дадут ли мне вообще столько денег? Не задаются ли они вопросом, откуда они взялись? Разве им не интересно, что я планирую с ними сделать? «Это так, вовсе не деньги. Есть люди, которые постоянно снимают подобные суммы и даже не заметят, если кто-нибудь переведет им полмиллиона».

Мой муж вдруг становится таким обходительным, каким я его еще никогда не видела.

Кассир бросает беглый взгляд на мой паспорт и невозмутимо выкладывает на стойку стопку купюр. Маленький бумажный пакет, квитанция — я прячу их в сумочку и так крепко хватаюсь за ее ручку, что у меня белеют костяшки пальцев. Сделав вид, будто ничего не произошло, будто для меня мотаться

с такой суммой — привычное дело, я постоянно оглядываюсь, перекалдываю сумку из руки в руку.

Следующая остановка: Экономическая палата, консультационная служба для молодых предпринимателей. Куча бумажек, глянцевые брошюры с симпатичными людьми в деловых костюмах и не особенно информативная беседа об открытии бизнеса. Я не совсем поспеваю за словами работника, в конце концов, мне нужно концентрироваться на сорока тысячах в моей сумке. Раньше книготорговля в Австрии была регламентированной сферой, только специально обученные продавцы книг и музыки могли открыть собственный бизнес. После правительственной реформы конца девяностых годов этим может заниматься любой желающий, вероятно, даже если он не умеет читать. Нам это на руку: так как мой муж — немец, а я — австрийка, лицензия на торговлю будет выдана мне, а не Оливеру, который уже двадцать лет работает книготорговцем. Я — никто, поэтому я становлюсь молодым предпринимателем и подаю заявление на получение лицензии на торговлю.

Мы слишком рано приходим на нашу новую улицу: под октябрьским дождем она кажется довольно унылой и безлюдной. Из салона машины мы разглядываем грязные витрины «нашего» книжного магазина. Я все больше и больше нервничаю и через четверть часа уверена: это ошибка всей моей жизни. У нас отнимут эти деньги, договор окажется поддельным, или, даже если этого не случится, у нас совершенно не будет покупателей. Как обычно в таких ситуациях, Оливер с каждой секундой становится все молчаливее, поэтому в какой-то момент я тоже замолкаю и наблюдаю, как хозяин магазина выходит из машины в сопровождении женщины и мужчины и исчезает в здании. Кого не хватает, так это нашего адвоката.

— Если он не объявится, я туда не пойду.

— Я уверен, что он придет. Все будет хорошо.

Конечно, он приходит, хотя и опаздывает на десять минут. Трудно поверить, сколько уверенности внезапно придает мне этот потный, уставший мужчина. Он на месте, значит, все будет хорошо. Никто не исчезнет с нашими деньгами, в договоре не окажется никакого подвоха, напечатанного мелким шрифтом, только вот гарантировать покупателей он нам не может. Прежний владелец, его юрисконсульт, ликвидатор, я с Оливером и наш адвокат — все теснимся в крошечной душной подсобке, подписываем контракты, сорок тысяч евро переходят к новому владельцу, все происходит очень быстро. Нам в руки вкладывают квитанцию. Мы купили книжный магазин.

Оставшись одни, мы проходим по помещению, я отправляюсь за прилавок, пытаюсь представить свое будущее.

«Как же будет хорошо, когда мы вынесем все старье. Положим новый пол, покрасим стены, поменяем освещение. Витрины нужно сделать более открытыми, избавиться от этого стеллажа, убрать перегородку». Оливер готов приступить к ремонту прямо сейчас. Я неожиданно ощущаю сильную усталость и вспоминаю о своей комфортной жизни в Гамбурге. Вместо работы на полставке, шикарной квартиры и свободного распределения рабочего времени теперь мне придется трудиться день и ночь, без собственного жилья, зато с долгами на ближайшие десять лет. Или даже дольше? Как хорошо, что моего воображения не хватает на более далекое будущее.

Прежде чем вернуться в Гамбург, нам предстоит найти место в детском саду в Вене. И чтобы оно было свободно с сегодняшнего дня. У нас всего два

часа, и мы, совершенно наивные, отправляемся в ведомство муниципального управления, отвечающее за детские сады.

— Регистрация закончилась в феврале-марте. Сожалеем, но мест нет.

— Но мы переезжаем в Вену и узнали об этом только в начале октября!

— Что ж, нам очень жаль. Мы ничего не можем сделать.

В нескольких улицах от книжного магазина находится частный католический детский сад, собеседование длится меньше десяти минут, и нашего ребенка с радостью принимают. Из гамбургского сада с его тележками, на которых детей возят на прогулку в парк, воспитателями-неформалами, проходящими альтернативную гражданскую службу, и грязными уголками для отдыха мы теперь переходим в безупречный с точки зрения гигиены детский сад, которым управляют пожилые дамы, где читают молитвы («не беспокойтесь, только по утрам»), а после обеда нужно соблюдать часовой сон.

Еще совсем недавно у нас было время на размышления об идеальной системе воспитания: немецкая, английская, турецкая, Монтессори или традиционная, с вегетарианским питанием, с органической едой, при участии родителей или нет. Эти времена остались позади. У нас больше нет выбора.

И вот мы переезжаем к нашим друзьям, в маленький домик в Шафберге*, естественно, не официально, потому что он в самый раз для семьи из четырех человек, но всемером там немного тесно. В детскую комнату добавляется третья кровать, и наш избалованный почти-единственный-ребенок внезапно остается без собственных игрушек, зато обретает брата и сестру, мы переезжаем в сырую гостевую комнату площадью семь квадратных метров с раскладным диваном и полкой из «Икеи» для одежды. Секрет мирного существования в том, что все жильцы редко бывают дома: наши хозяева — врачи с плавающим расписанием дежурства, а мы проводим целый день в книжном магазине. На помощь приходят недавно приобретенная сушилка для белья и многочисленные помощники. К словацкой уборщице и двум сменяющим друг друга няням, ее соотечественницам, вскоре присоединяется их «мамочка», которая берет на себя стирку. Нам не остается ничего другого, как наблюдать за тем, как ловко прислуга из Словакии управляет домом: из книг по медицине убираются все закладки, после чего их расставляют по цветам на книжной полке, место компакт-дисков

---

* Район Вены. *Прим. ред.*

занимают различные безделушки, и в феврале мы все еще натываемся на рождественские украшения, а на окнах до сих пор красуется искусственный снег. Главное, чтобы детям было весело.

Оливер снова отправляется по маршруту Гамбург — Вена на машине, до отказа набитой инструментами и всем необходимым. Сын пока поживет у друзей в Гамбурге.

Мы даем себе две недели, чтобы превратить старую пыльную лавку в новый книжный магазин. Ведь каждый день простоя означает отсутствие дохода, а следовательно, катастрофу для нашей кучи долгов. Крайний срок — четвертое ноября. Я снова принимаюсь расспрашивать всех своих знакомых, потому что, даже если мы оставим старые полки, а остальное докупим по дешевке в «Баумаркте» и «Икее», нам все равно понадобятся деньги на ремонт, которых у нас нет. Мы только что выложили сорок тысяч евро за сам магазин. Домовладелец хочет, чтобы мы заплатили вперед за аренду квартиры, в которой пока не живем, а ведь нам еще нужно заполнить полки книгами. И снова не проходит и нескольких часов, как уже набирается достаточно людей, готовых помочь нам выбраться из затруднительного положения. Друг Кати делает «что-то с компьютерами» и одалживает нам десять тысяч, пара радиологов предлагает не только жилье, но и краткосрочный беспроцентный кредит, друзья из Верхней Австрии, мои бывшие учителя, берут на себя все остальное. В первый же рождественский период нам нужно заработать столько, чтобы все вернуть. А если нет? Тогда мы пропали.

Те, кто не может одолжить денег, предлагают себя в качестве рабочей силы, и им беспощадно раздаются задания: Петер разбирается в электричестве, Улла — в покраске, Гвидо — во всем, а те, кто не спец в ремонте, но у кого есть время, могут

разбирать полки, очищать их, а потом снова собирать. Две недели подряд мы вместе с радиологами, журналистами, торговыми представителями, учителями танцев, графическими дизайнерами, педагогами и психологами упаковываем книги по коробкам, а потом снова оттуда достаем, красим стены, стелем ковры. Ярко-оранжевый рабочий комбинезон я снимаю, только чтобы поспать, хотя, может, и тогда не стоит. Когда я вступаю в контакт с потенциальными покупателями, меня принимают за сотрудника службы вывоза мусора, в Вене известной как МА48*, в их оранжевой спецодежде. Я крашу внутренние рамы витрин, несколько прохожих останавливается.

— Кому теперь принадлежит книжный? — интересуется пожилой мужчина в сером пальто.

— Мне, — отвечаю я. — Точнее, мне и моему мужу.

— Дожили, — только и произносит он, с недоумением разглядывая мой запятнанный комбинезон.

Дожили. Он произнес вслух мои мысли.

За эти две недели Оливер многому научился, в особенности тому, что иногда полезно позволить кому-нибудь помочь тебе. Он всегда был готов проглотить язык, лишь бы не просить об одолжении, был готов в одиночку построить целый дом, но вдруг начал привыкать к тому, что люди предлагают нам свою помощь безвозмездно. Им просто хочется участвовать во всем этом, хочется помочь вернуть книжный магазин к жизни.

Четвертого ноября в три часа ночи Гвидо приклеивает последнюю ковровую плитку, а Катя расставляет справочники. Это кажется чудом, но это похоже

---

* МА48 — сокращенно Муниципальный департамент управления отходами, очистки улиц и автопарков, порядковый номер департамента 48. Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.

на книжный магазин. Теплый свет новых ламп падает на вычищенные деревянные полки, две из них мы демонтировали, поэтому комната кажется воздушнее и просторнее, серый ковер придает изящества, и самое главное — у нас есть книги. Новые книги. Из текущих осенних каталогов. Ночами мы перелопачивали груды брошюр с новинками от издательств, которые шлют на адрес наших друзей. С компетентной помощью радиологов мы делаем все покупки, и всем необходимым нас снабжают австрийские дистрибьюторы: на более чем тридцать тысяч евро, без торговой лицензии, без банковской гарантии, просто потому, что они меня знают. Это Австрия, и снова мой правильный немецкий муж разрывается между восхищением и презрением к этой стране.

И вот наступает важный день. Четвертое ноября, девять часов утра. Мы отпираем дверь и в ожидании стоим за прилавком. Радиолог получает короткие наставления на кассе, журналистка последние несколько дней помогала убирать магазин, так что по крайней мере знает, где что лежит, торговая представительница хотя бы может рассказать о книгах издательств, с которыми она сотрудничает.

Так, должно быть, чувствует себя актриса перед первым важным выступлением. Я стою в своем книжном магазине перед своими книгами и стараюсь выглядеть так, как будто в этом для меня нет ничего особенного.

Покупатели идут толпами. Как будто магазин и не закрывался, как будто мы всегда были здесь; стоит двери отвориться, как сразу заходят люди, которые и не подозревают, что мы почти в обморок падаем от волнения. Мы принимаем заказы, ищем книги, которые перебирали накануне вечером, записываем имена и номера телефонов. В какой-то момент посреди всей этой суеты передо мной возникает

светловолосая девушка, она уже заходила несколько дней назад, в самый разгар ремонта, и спрашивала, нет ли у нас для нее работы. В тот раз еще в дверях она поинтересовалась, кто тут за главного, и, объяснив ей, я тут же вычеркнула ее из своего воображаемого списка. Отправила девушку домой, даже не записав ее номер телефона.

— Извините, я заходила на прошлой неделе, спрашивала про работу. Я живу рядом, очень люблю читать и всегда хотела работать в книжном мага...

— Когда вы можете приступить?

— В понедельник?

— Хорошо, значит, в понедельник в девять.

Нет ничего лучше, чем тщательный отбор сотрудников.

Есть один фильм, в котором Харви Кейтель каждое утро отпирает свою табачную лавку, подметает тротуар и фотографирует улицу.

Именно так мы представляли себе это в те длинные вечера позднего лета в Гамбурге, когда заливали алкоголем наше решение: каждый день расправлять навес от солнца, отпирать магазин и делать фотографии, одну — с видом вниз по улице, другую — вверх по улице. И к нашему десятому дню рождения мы организуем небольшую выставку «Наша улица сквозь времена» или что-нибудь в таком роде.

Этот отличный план рушится в самом начале из-за того, что Оливеру приходится отрабатывать в Гамбурге полгода до увольнения, поэтому в воскресенье после открытия магазина он садится в машину и уезжает. Я остаюсь одна, новоиспеченная предпринимательница-мать-одиночка и в придачу без собственного жилья. Я никогда не планировала воспитывать детей одна. И никогда не планировала заниматься бизнесом. И продавец книг из меня никакой. Хорошо, что у меня нет времени на раздумья о том, что я совершенно не готова ко всему этому. Хорошо, что у меня нет своей квартиры, потому что проживание с радиологами и их детьми — единственный способ совместить ребенка и новую работу.

Когда я возвращаюсь после шести вечера, кто-нибудь уже забрал детей из сада и приготовил ужин. Часа два мы играем в семью: едим, купаемся, чистим зубы, читаем вслух и обнимаемся в разном составе. Я ставлю будильник на полдевятого вечера и, когда ребенок засыпает, снова возвращаюсь в магазин и вместе с новоиспеченной помощницей обрабатываю заказы клиентов, пополняю запасы на складе, готовлюсь к следующему дню.

Если судьба и существует, то она действительно к нам благосклонна — чудесным образом нам на пути встречаются добрые люди. Ева на второй неделе в качестве студентки, подрабатывающей на стороне, решает бросить учебу и начать настоящую жизнь, то есть устроиться к нам на стажировку. Соседка с образованием в области книжных продаж, которая временно не работает из-за троих детей, с радостью делится своими знаниями. И я в них очень нуждаюсь. Остро нуждаюсь.

Эти первые недели затягиваются рассеянным туманом постоянной усталости, чрезмерного напряжения и угрызений совести. Часы работы детского сада используются по максимуму, организовывается целая эстафета «кто заберет ребенка и посидит с ним», и иногда Катька, словацкая няня, следит за детьми, пока кто-нибудь из нас не вернется домой. Так получилось, что у всех нас из головы вылетело, что в пятницу детский сад закрывается в два, и тут неожиданно на пороге магазина появляется помощница воспитательницы. Она с презрением сообщает, что ребенок уже целый час дожидается в кабинете директрисы, пока за ним кто-нибудь придет. Я одна в магазине и не могу отыскать заказ покупательницы,

которой предстоит стать свидетельницей моих беззвучных слез.

«Девушка, не расстраивайтесь, все не так страшно. Идите быстро заберите ребенка, а я пока посмотрю за магазином и объясню все покупателям». Я в слезах мчусь в детский сад, моя дочь сидит в кабинете директрисы и светится от счастья, что наконец-то получила задания для дошколят, для которых она, по мнению тетеньки из детского сада, еще не доросла. Слава богу, она еще не разбирается во времени.

Кое-какие лица уже примелькались: некоторые клиенты приходят во второй раз — за новой покупкой или забрать свой заказ. Несмотря на сильную усталость, я замечаю, как становлюсь спокойнее, меня все больше и больше охватывает чувство, что все более-менее под контролем. Я запоминаю имена и удивляю людей тем, что узнаю их. Своим коллегам я рассказываю о дружелюбной традиции обслуживания на севере Германии, которое резко контрастирует со знаменитой венской ворчливостью, и мы решаем стать самым приветливым магазином Вены. Огромное количество заказов сначала страшно перегружает нас; мы рассчитывали на несколько в день — столько, чтобы каждый из них можно было запомнить и сразу же узнать клиентов. Именно поэтому у нас нет отработанной системы приема заказов, никакой автоматической передачи данных или чего-то подобного. А значит, каждый заказ приходится записывать в блокнот с копиркой, один листок — клиенту, один — нам. Годы спустя мы все еще будем находить маленькие зеленые бумажки в глубине наших ящиков. Дважды в день кто-нибудь из нас берется за телефон, чтобы сделать заказы

у трех крупнейших австрийских дистрибьюторов. И чудесным образом уже на следующий день книги оказываются у нас. Пара книготорговцев — друзья из соседнего района — помогают с заказами с немецкого оптового склада: по их идентификационному номеру мы получаем книги, которые не достать в Австрии, и шестнадцатилетний сын наших соседей дважды в неделю отправляется на трамвае на Альсерштрассе, откуда возвращается с двумя пластиковыми пакетами, набитыми заказами. Вскоре этого уже недостаточно, и приходится забирать коробки на машине. «Что ж, неплохое начало», — с ухмылкой замечает коллега, вручая мне товар.

Со временем ошибок становится меньше, но мы по-прежнему радуемся каждой книге, которая оказывается под соответствующим именем в ящике для сбора. Спрашиваем имя покупателя, нерешительно поворачиваемся, осторожно заглядываем на полку с нужной буквой — и с твердой рукой и радостным волнением в голосе: «Ага, она здесь!»

Через несколько дней мы разрабатываем новую стратегию: «Делаем вид, что это совершенно нормально, что книга на своем месте, хорошо? Никакого удивления в голосе, просто спокойно поворачиваемся, достаем книгу из ящика и пробиваем на кассе. Это выглядит более профессионально». Ева невозмутимо исполняет новую роль.

Оливер использует любую переработку и оставшийся отпуск, чтобы приезжать в Вену как можно чаще. Хотя я и радуюсь его визитам и ощущаю, что могу немного расслабиться, одновременно все не так просто: своими профессиональными советами он нарушает установившийся порядок. Так, должно быть, чувствуют себя женщины, чьи мужья работают вдали от дома, на нефтяной вышке или в море, — после долгого периода независимости им вдруг снова

указывают, почему и как нужно что-либо делать. Кроме того, до этих пор наша совместная работа ограничивалась уборкой квартиры, воспитанием детей, приготовлением еды и ремонтом — всем тем, в чем мы не видели друг в друге соперников. Однако теперь я с двумя сотрудницами, одна из которых без какого-либо опыта, но очень креативна, а другая, наоборот, опытная, но своеобразная, выстроила процесс работы, который все еще напоминает «игру в магазин», но, по крайней мере, приносит хоть какой-то результат. И вдруг объявляется книготорговец с многолетним опытом и очаровательно, но твердо объясняет нам, как нужно правильно делать. Тот факт, что он немец, не облегчает ситуации.

Первый рождественский сезон продаж начинается вяло, тогда Еве приходит в голову заказать несколько адвент-календарей в середине ноября — и ежедневные продажи начинают расти, прием товара затягивается далеко за полночь. Мы украшаем витрины ватой и блестками, и одна из сотрудниц одалживает нам свой рождественский вертеп в вальдорфском стиле в обмен на гарантию, что мы вернем его в канун Рождества. Я так много часов провожу в магазине, что теряю всякое представление о внешнем мире. Иногда по утрам, когда покупателей не так много, я тайком отправляюсь в большой магазин косметики через дорогу от нас, не спеша прогуливаясь между рядами с товарами, покупаю какую-нибудь мелочь и чувствую себя словно на спа-курорте. Гель для душа, зубная паста, новая тушь для ресниц — шопинг делает нас счастливыми. И вот однажды воскресным вечером другу-радиологу удастся уговорить меня не возвращаться так поздно на работу. Мы сидим на диване, открываем бутылку красного вина и смотрим «Место преступления». Я чуть не плачу от счастья.

За две недели до Рождества Оливер берет весь свой оставшийся отпуск и приезжает в Вену. Самое время: я на грани срыва. Между тем мы осознаем, что почти не справляемся с потоком заказов. Каждый день кто-нибудь из нас проводит целый час на телефоне, оформляя их. Я вспоминаю, что много лет назад познакомилась с человеком, который продавал электронные системы для книжных магазинов. Тут же набираю его, и его уровня преданности своему делу оказывается достаточно, чтобы продать нам эту штуку, установить и объяснить, как ею пользоваться, — всего за одну ночь. Мы вдруг ощущаем себя настоящими профессионалами.

Продажи неуклонно растут, люди покупают и заказывают, а мы консультируем, рекомендуем, находим, кладем деньги в кассу, упаковываем подарки, принимаем товар, выписываем счета и делаем это все с хорошим настроением и удовольствием. По крайней мере, до шести вечера. Потом мы плетемся в наше общежитие в надежде, что кто-нибудь приготовил ужин, и молимся, чтобы ребенок не поспал в детском саду, а значит, на ночь ляжет пораньше. С помощью красного вина мы погружаемся в глубокий сон. Мне снится, что я ищу книги, пытаюсь вспомнить имена покупателей и постоянно ошибаюсь со сдачей.

Мой день рождения как раз перед Рождеством, и, конечно, никто о нем не вспоминает, и уж тем более я. В небольшое обеденное затишье Оливер спрашивает меня:

— Как бы тебе хотелось отпраздновать свой день рождения?

— В тишине.

Я очень общительный человек, истинная душа компании, но в этот вечер от одной лишь мысли

о том, что придется с кем-то разговаривать, у меня на лбу проступает пот. К счастью, в нашем магазине есть DVD-диски, а в окрестностях — неплохой китайский ресторан. «Приди, сладкая смерть»*, теплое шерстяное одеяло, подушки и много коробочек азиатской еды — это одно из лучших празднований дня рождения в жизни.

За два дня до кануна Рождества я отправляюсь в аэропорт встречать сына. Те несколько слов, которые он бросает в мою сторону с соседнего сиденья, звучат еще более по-северогермански, чем я помню. А он вырос на полголовы, волосы скатались в дикие дреды, рядом со мной в машине сидит незнакомый юноша. Я осторожно перевожу разговор на предстоящий учебный год — мы договаривались, когда оставляли его одного в октябре в Гамбурге, что он доучится год и переедет в Вену, чтобы окончить последние два года в гимназии на Шопенгауэрштрассе. «Ага...» Он никогда не отличался разговорчивостью.

Я отвожу его вместе с багажом к бабушке, которая ему почти как родная**, потому что в маленьком домике радиологов ему негде спать. Бабушка — мать одного моего бывшего парня. Когда мой сын был маленьким, она практически усыновила его, и с тех пор он оставался ее единственным внуком: она забирала его из детского сада, проверяла домашнее задание, выделила ему собственную детскую комнату с игрушками и подписала накопительный договор со строительно-сберегательным банком. Она не смогла

---

* Австрийский фильм по одноименному роману Вольфа Хааса.

** На немецком Wahloma — пожилая женщина, взявшая на себя роль бабушки по уходу за ребенком в семье при посредничестве социального работника.

мне простить, что я забрала его в Гамбург, и теперь радовалась возможности баловать «внука» на протяжении целой недели.

В канун Рождества мы закрываем магазин в два дня, разбираем одолженный рождественский вертеп, возвращаем его и усталые, но счастливые едем в маленький домик в Шафберге. Заканчиваем украшать елку, и друг-радиолог отправляется в кинотеатр со всеми детьми на «Петтсона и Финдуса», а значит, мы можем позволить себе вздремнуть. Вечером приезжает старший сын, и мы все вместе сидим под елкой — большая счастливая семья. В качестве подарков — книги, аудиокниги и парочка игр — исключительно то, что можно достать через системы заказов книжных магазинов. У кого сейчас есть время ходить за покупками? Мы с Оливером ничего не дарим друг другу, два выходных дня — чего еще мы могли бы пожелать.

Я публичный человек. У меня нет часов приема, ко мне не нужно записываться, с девяти утра до шести вечера я в магазине и доступна для всех, и даже в обеденный перерыв мои коллеги часто звонят мне, потому что кто-то меня ищет. В моем маленьком магазинчике всегда появляются люди из моего прошлого: сияют от радости и немного недоумевают, если я их не сразу узнаю. Одноклассники, университетские друзья с разных факультетов, бывшие возлюбленные, друзья по детским кружкам теперь уже великовозрастного сына.

— Здравствуйте, мы знакомы!

— Да?

— Правда, не уверена откуда. Университет?

— А, точно! Забастовка в универе в 1987 году.

Я замираю на мгновение: это было недолгое время распушенности, бурных ночей, постоянно меняющихся любовников, период, очевидно необходимый для того, чтобы вырвать меня из консервативного родительского гнезда. Как раз тогда у меня родился сын. Я смутно помню человека, стоящего напротив меня: он учился на юридическом и был одним из немногих с этого факультета, кто придерживался правильной политической стороны — моей. Думаю, мы общались всего несколько раз, заседали вместе

в комитетах. А теперь он покупает подарки на Рождество, радуется книжному магазину в своем районе и приглашает нас на новогоднюю вечеринку. На вечеринку! И на следующий день не нужно открывать магазин! Алкоголь! Не работать! В мои прекрасные мысли врывается Оливер: «Конец года, и нам нужно провести инвентаризацию. Но если мы закончим пораньше, то сможем прийти». Инвентаризация. То есть нам придется достать с полки каждую книгу, которую мы туда поставили всего два месяца назад, внести ее в список и вернуть на место? Хорошо, кое-что продали, кое-что добавили. Но я совершенно не понимаю, для чего это нужно делать. Но я и не дипломированный книготорговец.

Каким-то чудом мы заканчиваем в одиннадцать вечера, наспех переодеваемся и идем на нашу первую вечеринку в Вене. Кроме хозяев, мы никого не знаем, но это нас не смущает. Мы счастливы, что на шведском столе еще достаточно того, на что можно наброситься. Мы не выпускаем из рук бокалы с вином и наконец устало валимся на диван.

Пока мы дни напролет проводим в книжном магазине, прямо у нас над головами наш новый дом приводится в пригодное для жилья состояние. Благодаря винтовой лестнице, которая соединяет подсобку книжного магазина с верхним этажом, мы непрерывно присутствуем при этом процессе, и даже покупателям иногда приходится «наслаждаться» звуками громких шлифовальных машин и ударного бура. Время от времени, заперев дверь магазина, мы крадемся по лестнице, и я пытаюсь представить, каково это будет, когда я поменяю сырую комнату для гостей в маленьком доме в Шафберге на квартиру площадью сто пятьдесят квадратных метров. Тем временем кухня и ванная уже выложены плиткой, а из-под ПВХ-настила, словно чудо, глядит великолепный паркет. Мне не терпится обрести простор, и одновременно не могу себе представить, как я поменяю нашу большую коммунальную семью на модель «отец — мать — ребенок». Дом радиологов стал для нас не просто крышей над головой: мы превратились в эффективно функционирующую общину — с совместными огромными закупками, расписанием ухода за детьми и идеальным разделением обязанностей. А наша дочь, привыкшая быть одна, удивительно быстро превратилась в сестренку.

Друзьям-врачам больше не приходилось согласовывать друг с другом ночные дежурства, ведь ночью в доме всегда нахожусь я. Вообще-то, я всегда хотела много детей, но теперь, когда мне придется работать круглосуточно на протяжении следующих нескольких лет, я могу попрощаться с этой мечтой. Ко всему прочему, у предпринимателей не бывает декретного отпуска, так что я довольствуюсь коммунальной семьей. По крайней мере, большую часть времени. По сравнению с работой даже приготовление горы бутербродов на завтрак и регулярные истерики младшей, включая швыряние тарелок со шпинатом об стену, кажутся приятным отдыхом. Единственное, от чего бы я точно могла отказаться, так это от ротавируса, который бушует в детской. Остальные взрослые отрабатывают ночную смену, и она по сравнению с моим дежурством кажется сплошным развлечением. К четырем часам утра у меня не остается чистого постельного белья, а на следующий день, пока я стою за прилавком, к горлу подступает тошнота.

Мы с нетерпением ждем последнего рабочего дня Оливера в издательстве. С марта он будет только книготорговцем, переедет к нам в Вену, и мы будем работать вместе. Больше не станет зарплаты директора по маркетингу, и нам придется жить на то, что зарабатывает магазин.

Пока идет ремонт квартиры, хотя бы не нужно платить за аренду, ведь в доме радиологов мы живем бесплатно.

В Вене выдалась необычайно снежная зима, иногда не ходят трамваи, и мы играем в Бюллербю — развозим детей в детские учреждения на санках. Когда в начале февраля друзья-врачи решают устроить себе

недельные лыжные каникулы, одна няня болеет, а другой почему-то срочно нужно ехать в Словакию, я впадаю в панику. Детский сад закрывается в четыре часа, а в пятницу, как мы уже выяснили, в два. В отчаянии я прошу прилететь свекровь, хотя до сих пор она как бабушка не отличалась особенным рвением. Но, в конце концов, ничего невыполнимого не требуется: забирать внуку из детского сада, заниматься ее чем-нибудь два часа и, возможно, готовить что-нибудь поесть к моему приходу. Она соглашается, все должно получиться. Более или менее все так и выходит, и лишь однажды она отправляется вечером за покупками, теряется и возвращается через три часа на такси. В другой раз она решает не идти в магазин и разогревает мне на ужин горстку лапши со вчерашнего вечера. На мое вырвавшееся возмущение: «Я весь день работала, мне нужно нормально поесть!» — она отвечает недоуменным молчанием. Ребенок радуется непривычному количеству часов перед телевизором. Проходит еще неделя, свекровь с огромным удовольствием сортирует каталоги от издателей, относит деньги в банк и набрасывается на новые экземпляры для чтения. Каждый делает то, что ему под силу.

И вот наконец наступает долгожданный день! Оливер загружает все необходимое в машину, снова сидит за рулем на протяжении более тысячи километров и приезжает ко мне. На этот раз, чтобы остаться. Наконец-то мы воссоединяемся и проводим столько времени вместе, как никогда раньше. Днем нам приходится делить книжный магазин площадью сорок квадратных метров, ночью — раскладной диван шириной 1,3 метра в небольшой комнатухе, иногда с ребенком или даже двумя между нами. Но у нас есть мечта, и она сбудется, и все получится! Никаких сомнений. Ремонт в квартире над магазином

продвигается медленно, а друзьям-врачам не хватает смелости, чтобы поинтересоваться, как обстоят дела с нашим собственным жильем. Кажется, все совершенно забыли, что срок предложения пожить у них истек уже несколько недель назад. Тем временем мы празднуем четвертый день рождения дочери — в доме с садом гораздо удобнее прятать пасхальные яйца. В любом случае наш младший ребенок даже представить себе не может, что ему когда-нибудь придется переехать и стать единственным ребенком в квартире. Когда приходит письмо от владельца дома, который снимают наши друзья-врачи, мы немного нервничаем.

Помимо всего прочего, в последнее время у меня сложилось впечатление, что визит ваших знакомых стал носить длительный характер и фактически в доме проживают две семьи вместо одной, что является грубым нарушением договора аренды со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Поэтому я прошу вас в течение ближайших двух-трех недель сообщить, когда данная семья покинет дом.

С уважением...

К этому времени работа в книжном магазине стала почти рутинной. Я больше не обсчитываюсь при выдаче сдачи, а у Оливера почти без акцента получается произнести: «Вам нужен пакет?» Мы стараемся казаться бодрыми и веселыми, замазываем круги под глазами, и стоит в мою голову пробраться мыслям о том, что это теперь моя жизнь на следующие тридцать лет, и сомнениям, что я сделала правильный выбор, — я тут же гоню их прочь. Всегда перед тем, как заснуть, я думаю о том, что пути назад нет.

Жители района принимают нас с распростертыми объятиями, по крайней мере те, кто покупает книги, с другими я и не знакома. Многие беспрестанно повторяют, как рады, что у них в районе снова заработал книжный магазин и что пятьдесят лет назад они приобретали свои школьные учебники именно здесь. Если чего-то нет в наличии, то они заказывают это у нас. Далеко не многим приходит в голову мысль поискать в другом месте: «Ну уж нет, в город я не поеду! Лучше вернусь к вам завтра и заберу». Должно быть, существует какая-то волшебная

граница: так называемый город находится ровно в семи минутах и пяти трамвайных остановках, но, видимо, для жителей нашего района это словно другая планета. Нам это только на руку, и через несколько месяцев я ловлю себя на этой же фразе: «Ну уж нет, в город я не поеду», когда в магазине инструментов через дорогу не оказывается в наличии нужной запчасты.

Конечно, Оливер не только, соблюдая все формальности, передал свою работу в Гамбурге и поселил нашего сына у друзей, но и упаковал квартиру в коробки. Среди прочих вещей — несколько тысяч книг, которые мы собирали всю нашу жизнь. Переезд из Гамбурга в Вену стоит целое состояние, и сэкономить можно, только забронировав дату за несколько недель. Но ее уже нельзя перенести. Даже если новая квартира еще совсем не готова: не отшлифованы сто тридцать квадратных метров паркетного пола. Поэтому триста пятьдесят коробок две недели побудут на лестничной клетке, а остальные — в будущей столовой. Мы себе так красиво представляли наш переезд в готовую квартиру. Собранные книжные полки, шкафы и комоды. Точно подписанные коробки, которые крепкие рабочие разнесут по нужным комнатам. Нам только и останется, что распаковать, разложить вещи по ящикам, а книги — по полкам. На это уйдет много времени: книги должны быть отсортированы по алфавиту. Одна комната — с литературой до 1900 года, другая — с литературой на немецком языке, третья — с иностранной, нехудожественная, несколько полок с французской, «Прочее» и декоративная полка с книгами издательства «Манесе»* в столовой. Пока что все наше имущество хранится на лестничной

---

* Известное немецкое издательство классической литературы.

клетке, а мы живем у радиологов, но когда-нибудь паркет будет готов.

Потихоньку налаживаем связи в новом районе, где нам предстоит не только работать, но и жить. Например, однажды передо мной в магазине появляется приятная женщина лет сорока и, сияя от радости, протягивает руку: «Здравствуйте, я живу напротив, и наши дочери — погодки. Нужно познакомиться поближе». В нашем возрасте уже не нужно много времени на то, чтобы присмотреться к человеку. Если еще есть силы на знакомства с новыми людьми и встречается кто-то интересный, то сразу заявляешь об этом напрямую, и всё. За фразой «Нужно познакомиться поближе» следует приобретение совместного абонеента в театр, взаимная помощь с детьми, для дочерей — два года совместного посещения начальной школы, а для нас — множество часов за винным шпритцером в большом саду через дорогу.

Роберта нам тоже послали свыше. Незадолго до открытия мы пытаемся растянуть над входом вывеску нашего книжного магазина в виде большого тканевого баннера, и кто-то рассказывает нам о живущем неподалеку окружном советнике от партии зеленых, у которого должна быть большая лестница. Мы находим Роберта, вместе несем лестницу к нам, и он тут же помогает повесить баннер.

Роберт — строитель по профессии, и при знакомстве мы даже не подозреваем, что в некоторые периоды нашей жизни он будет самым важным человеком. Прежде всего, он помогает Оливеру построить метры книжных полок, которые я потом крашу вместе с девушкой Роберта. Оливер научился совершенно спокойно принимать помощь, наконец-то осознав, что наша новая жизнь не может обойтись без нее.

И вот наступает этот день. Мы переезжаем из квартиры радиологов в нашу собственную. С семи квадратных метров — в сто пятьдесят, вместо полки из «Икеи» — встроенный шкаф, вместо большой семьи — снова «отец — мать — ребенок». Поначалу я чувствую себя счастливой: раскладываю вещи в шкаф и заполняю полочки в ванной, у дочери появляется своя маленькая кровать-чердак с местом под ней, а не раскладной диван между другими детьми. Но неожиданно перед сном ребенок чувствует себя одиноким, скучает по вечерним разговорам и объятиям и не знает, что делать со своими игрушками из коробок. Приходится снова доставать соску. И я понимаю дочь: мне тоже кажется странным остаться наедине с мужем и ребенком. Мы так привыкли друг к другу, что уже договорились о двух днях в неделю: одну ночь дети радиологов будут оставаться у нас, другую — наша дочка будет проводить в доме в Шафберге, и еще мы бронируем совместный недельный отпуск летом.

А что же мы? Внезапно мы живем на работе. Винтовая лестница, соединяющая подсобку книжного магазина с прихожей нашей квартиры, становится стержнем нашей жизни. Вначале мы переживали, что мы или дочь свернем себе шею, но вскоре уже носимся вверх и вниз по металлической конструкции. Утром с чашкой кофе в руке, а днем то и дело поднимаемся, чтобы сварить еще кофе, включить стиральную машину или пообедать. Когда Оливер отводит дочь в детский сад или она ночует у друзей, то обычно до полудня я даже не знаю, какая на улице погода, мне не нужны ни куртка, ни транспорт, чтобы добраться до работы, и один или два раза я даже забывала надеть обувь. Когда в духовке жарится курица,

запах разносится по всему магазину, и покупатели кажутся особенно счастливыми и расслабленными. А когда раз в неделю у нас ночуют дети радиологов, существует ритуал, в котором винтовая лестница играет важную роль. После ужина, почистив зубы и натянув пижамы и толстые носки, вместе с тремя детьми мы спускаемся в книжный магазин. При свете маленького ночника они пробираются в детский отдел. Каждому из них разрешается выбрать одну книгу для чтения на ночь: книга одалживается, читается вслух и утром возвращается. Крутая, в розово-красных цветах, познавательная — выбор часто занимает больше времени, чем само чтение вслух.

Сейчас дети уже выросли, превратились в подростков с прочно приросшими к ним наушниками и смартфонами. Они прочитали все книги о Гарри Поттере, Эрагоне и Перси Джексоне, наша дочь открывает для себя Виктора Гюго, увлекается сигаретами и «Дурной кармой», а винтовая лестница давно осталась в прошлом. Но все трое до сих пор вспоминают пижамные чтения в нашем магазине. Возможно, эти вечера как-то повлияли на то, что из них выросли книжные черви.

У такой близости дома к работе есть и недостаток: ты либо работаешь, либо мучаешься совестью, что не работаешь, потому что ты практически ощущаешь, как оставленная работа лежит под тобой. Выбрав такую жизнь и книжный магазин, мы — сами того не осознавая — так или иначе сделали выбор постоянно работать, и такая близость все упрощает. Поужинав все вместе и уложив ребенка спать, мы включаем радионяню и оба спускаемся «в шахту», как прозвали место, где теперь проводим более шестидесяти часов в неделю.

И на нашем пути снова встречается добрая душа, что облегчает нам жизнь: студентка из Чили, которая живет над нами в крошечной квартирке с туалетом в коридоре. У нее нет стиральной машинки и слабое отопление, наша машинка спокойно стирает на четверых, а наша кухня достаточно велика, чтобы заниматься в ней днем в тепле. Лорена умеет печь, а я — готовить, у нее нет телевизора, а нам часто нужна няня. Беспроигрышная ситуация.

Мы постепенно осознаем, что наш концепт спокойной «маленькой, дивной книжной лавки» не удался. Конечно, мы маленькие и дивные, но это имеет мало общего со спокойствием, по крайней мере не для нас, работающих здесь. Практически нет ни минуты, когда в магазине не было бы покупателей: с девяти утра до шести вечера сюда стекаются люди, для которых, видимо, кажется естественным спрашивать нас о книгах на любую тему, которая только может прийти им в голову. Справочники по животным, ответы к заданиям по математике, Библия, руководство по обрезке фруктовых деревьев, изящно оформленное издание Джейн Остин, книги по вязанию крючком шляп, новые романы Кельмана, подарок для отца, который вообще-то не читает, путеводитель по Кикладам («Что, вы не знаете, где это находится?»). Мы стараемся иметь в наличии все, что вам может понадобиться, потому что хотим быть лучшими и клиентоориентированными и в идеале — предложить любую книгу, о которой могут спросить. Это требует воображения, потому что сорок квадратных метров не так уж и много. На таком крошечном пространстве мы воображаем себя большим книжным магазином, и найденное нами решение может послужить отличным примером, как не стоит организовывать торговое помещение: двигаться наверх.

Старые книжные полки доходят до потолка, и мы их беспощадно набиваем. Добраться до самых верхних можно только с помощью длинных лестниц, которые закреплены наверху, и их по рельсам можно протащить через половину книжного магазина. Нам повезло, что над магазином не живет никто, кроме нас. Потому что если вы сидите в нашей столовой, а внизу просят путеводитель по Африке (А — на самом верху, конечно) или Томаса Бернхарда (полка карманных книг под потолком), то пол трясется, как при землетрясении средней силы, и в те редкие часы, когда мы находимся наверху в часы открытия магазина, этот шум радует наш слух: каждая проданная книга — это хорошая книга. Конечно, и наоборот: когда трое детей резвятся в квартире или тарабаны по старому пианино, это доносится до слуха наших покупателей.

Воображение не знает границ, если речь заходит о хранении некоторых особенных книг: странные места сами находятся для них, не во всем должна присутствовать логика, главное — знать, где они стоят. Так что есть уголок «Маленького принца», секция «Собака — лошадь — йога — гольф», отдельный уголок для детских книг Брецины, а еще книги, которые нужно иметь в наличии, но не хочется выставлять напоказ, например популярные «Порно с мумиями» или «Германия. Самоликвидация» Саррацина. Стоит только спросить, и такие книги тут же вытягиваются из какого-нибудь угла. Самая странная полка, наверно, это полка с эротикой и историческими романами: так как там еще оставалось место, мы устроили между ними секцию Глаттауэра.

И конечно, в магазине есть уголок поклонения Додереру, ведь Оливер вступил в общество «Хаймито фон Додерер», когда еще был северогерманцем. Над большой черно-белой фотографией в рамке, на

которой Додерер яростно жестикулирует во время чтения, висят полки с бесчисленными книгами Додерера и о Додерере, от научных до антикварных. Не все сразу узнают великого поэта, и, как и положено истинному жителю Вены, покупатель вслух говорит то, что у него на уме: «Кто это так по-дурацки размахивает руками?» К счастью, Оливера в этот момент не оказывается рядом, ему и так нелегко приходится, ведь он немец среди австрийцев. На самом деле он быстро освоился в пучинах австрийской литературы: он знает каждую новую книгу Георга Маркуса, узнает Дитмара Гризера, может без ошибки написать фамилию Седлачек, а когда в магазине появляется фрау Лёвингер, хотя он и не знает точно, кто она такая, но уверен, что нужно притворяться, будто это не так. Лишь однажды, когда нетерпеливый покупатель требует новые работы «Холлабека», Оливер покрывается потом. Австрийский политик? Актер из Йозефштадта? Камерный певец, которого он не знает? «Да разве вы не знаете этого француза? Он как-то написал что-то об острове». Хорошо, что мы все в свое время выучили наизусть, как пишется фамилия Уэльбека*.

Самое приятное в роли Оливера то, что она четко определена клиентами. «Немец для меня заказывал!» — чаще всего слышим мы, когда книгу не удастся найти сразу, и эти же покупатели спрашивают лстивым голосом: «Разве начальница сегодня не здесь?» Но когда пожилой мужчина рассказывает о «недружелюбном сотруднике с немецким имперским акцентом», нам становится не до смеха.

---

* Здесь речь о Мишеле Уэльбеке. Его фамилия Houellebecq на немецкий манер произносится как «Холлабек», в то время как по французским правилам — Уэльбек.

Приветливый родитель, которого я иногда встречаю, забирая дочку из детского сада, раньше работал продавцом в большом книжном магазине в центре города. Сейчас у него трое маленьких детей, жена вышла на работу, а он по вечерам поет в одном из лучших хоров Вены. «Вы планируете вернуться к книжному бизнесу?» — интересуюсь я, когда он проходит мимо с младшим ребенком в коляске, и он усмехается: «Да, если вы возьмете меня на работу». Вот уже много лет он стоит за прилавком два утра в неделю, он что-то вроде вольной птички книжного магазина: у него нет административных задач, он не занимается заказами или другими скучными офисными делами, из девяти недель летних каникул он отрабатывает семь дней, а затем берет восемь недель отпуска, ему не приходится работать по субботам, в свою смену он вечно висит на телефоне, общаясь с детскими учреждениями своих отпрысков, напевает себе под нос, и его все любят. Да, даже коллеги. Он полон энергии, лучезарно улыбается даже самым недружелюбным покупателям и обладает терпением, которое, вероятно, можно обрести, только воспитывая троих детей с небольшой разницей в возрасте. Лишь когда приходит фрау М., мы оба проклинаяем ее, потому что тогда обсуждение последней оперы заполняет все помещение, дирижер препарируется, сценография подвергается критике, а все остальные зануды, которые просто хотят сделать заказ или забрать книгу, могут подождать. В конце концов, искусство превыше всего, и коллега слишком любезен, чтобы перебивать любительницу оперы. Она с трудом переживает те долгие месяцы, когда Петера нет на работе, и ее потребление книг резко снижается. Сердца пожилых дам просто тянутся к нему, и он готов их всех выслушивать. Хорошо,

что Петер разбирается в деревьях, потому что фрау Г. хочет купить новое абрикосовое дерево и не доверяет ни одному садовнику. Сначала ей нужна была всего одна книга о фруктовых деревьях, но несколько экспертных бесед с книготорговцем, которому она доверяет, приносят плоды.

Поскольку продажи продолжают расти и работы становится все больше, нам не остается ничего другого, как продолжать расширять нашу команду. В какой-то момент у нас в магазине появляется молодая девушка и спрашивает, не возьмем ли мы на стажировку ее сестру. Простите, сестру! Что это значит? А она не может прийти сама? Сестра оказывается юной девушкой с растрепанными длинными волосами, в нескольких слоях одежды всех оттенков черного. Она из так называемого неблагополучного слоя общества, в детстве эмигрировала из Польши вместе с родителями, бросила школу до получения аттестата зрелости, а ее стажировка в другом книжном магазине завершилась перед самым окончанием испытательного срока. Она сидит напротив нас, молчаливая и застенчивая, и говорит, что больше всего на свете хочет работать в книжном, и мы не знаем почему, но верим ей. Я в курсе, что есть коллеги, которые берут стажеров в сентябре и избавляются от них после рождественских распродаж, прежде чем успевают закончиться трехмесячный испытательный срок. Дешевая рабочая сила на Рождество. Именно это произошло с девушкой, что сидит напротив меня. В ее пользу говорит тот факт, что она, несмотря на происшедшее, продолжила посещать профессиональное

училище, и мы решаемся дать ей шанс. Сейчас пошел восьмой год, как она работает у нас. За это время она болела ровно три раза и в периоды сильного стресса держится как скала. При знакомстве она не рассказала нам о своей другой жизни, видимо, не решилась. Дважды в неделю она спешит уйти с работы: ей нужно на репетицию группы. Девушка играет на бас-гитаре в дэт-метал-группе, я же более сорока лет понятия не имела об этом музыкальном направлении. Однако в какой-то момент я узнаю, что все мои коллеги ходят на ее концерты, поэтому мы с Оливером решаем познакомиться с другой стороной жизни нашей сотрудницы.

Концерт в пятницу, где-то в седьмом районе, начало — не раньше десяти вечера.

Мы паркуем машину в переулке. Дождь льет как из ведра, и мы бежим по Лерхенфельдерштрассе. По указанному адресу находится небольшой бар с несколькими столиками, в основном свободными, и крутой лестницей в подвал. Перед дверью с толстой обивкой — громила в черной кожанке, вход — пять евро. Когда он открывает дверь, громкость музыки едва не сбивает меня с ног, мы, объясняя на пальцах, заказываем пиво и шпритцер и оглядываем наполовину заполненный зал. На сцене — четверо огромных мужчин с волосами по пояс и различными музыкальными инструментами. Самый высокий из них трясет космами и неритмично вопит в микрофон. В зале собрался почти весь персонал нашего магазина, даже артист хора покачивает головой в такт, мы машем друг другу, разговаривать невозможно. Вдруг появляется она, смотрит в нашу сторону, бледнеет и со словами «Блин, это ж мои начальники!» бросается нас обнимать.

После чего на сцену выходит группа Void Creation, парень у микрофона ростом не менее двух метров,

наша сотрудница — единственная женщина на сцене, и, прежде чем достать бас-гитару, чтобы взять первый аккорд, она улыбается зрителям и машет нам. Это напоминает школьное выступление, как будто она собирается исполнить рождественскую песню на блокфлейте и перед этим быстро машет рукой своим родителям.

Пока она продолжает метать свои невероятные волосы из стороны в сторону — «хедбэнгинг», как объясняют мне, — я думаю о том, кем она является днем: как она с ангельским терпением в нашем магазине показывает мамам картонные книжки с клапанами и без, рассказывает о книжках с блестками и книжках для первого чтения с пони.

Через три четверти часа этот гвалт прекращается, в ушах звенит, и так приятно, когда мы далеко за полночь все вместе сидим в баре с теплым пивом: встреча сотрудников в хеви-метал-баре, почему бы и нет?

Всю свою жизнь я состояла в профсоюзе, даже в студенческие годы. Я выросла в крайне консервативной семье. Мой отец зарабатывал на семью и никогда не голосовал ни за кого, кроме Австрийской народной партии, а моя мать была домохозяйкой и голосовала как мой отец.

Я же всегда отдавала свой голос «зеленым» и только один раз — коммунистической партии, несколько раз из тактических соображений — социал-демократам, как будто моя тактика могла что-то изменить в их выхолощенной политике. И повторюсь, я всегда была в профсоюзе, всегда занималась трудовыми отношениями. А теперь я владелица бизнеса и неожиданно оказалась по другую сторону. По какую, собственно? Когда я решаюсь взять на работу для начала на временной основе нашу практикантку, чтобы не допустить ошибок, я звоню в Экономическую палату. Дружелюбный сотрудник объясняет все о срочных контрактах и дает еще несколько полезных советов: «Знаете что? Не нанимайте женщину моложе тридцати. Даже на срочный контракт. Она забеременеет, а вам только хлопоты». Я благодарю его за совет и очень рада, что в моей жизни всегда находились работодатели, которые нанимали меня — женщину моложе или старше тридцати, детородного

возраста, которая, даже имея одного ребенка, подавала сигналы о готовности родить еще.

Несколько раз я была старостой класса, кроме того, мне нравилось заявлять о себе в университетской политике, по крайней мере на вторых ролях. В детстве я мечтала стать актрисой или хотя бы податься в цирк, в студенческие годы я хотела стать известным историком. Но кем я точно никогда не хотела стать, так это предпринимателем. Купив книжный магазин и получив лицензию на торговлю, я вдруг оказалась именно им. Какое странное слово. Я что-то предпринимаю, ладно, вполне нейтральное, но в моей политической карьере предприниматели всегда были теми, кто загребал себе добавленную стоимость, кто зарабатывал в десять раз больше, чем их сотрудники, потому что они «шли на риск». Слово «предприниматель» ассоциируется у меня с бывшим начальником моего отца, которого я ни разу не видела, но в моем воображении он все еще представляет собой нечто среднее между Скруджем Макдаком и мистером Бёрнсом, владельцем атомной электростанции, на которой работает Гомер Симпсон. Раздражительный маленький человек, он регулярно заставляет своих сотрудников чувствовать себя ничтожеством без какой-либо на это причины и невероятно богат.

Так что теперь мы с Оливером идем на риски, работаем как минимум вдвое больше, чем наши сотрудники, и записываем «предприниматель» в графе «должность» в анкетах. Я ни разу никого не отчитала, даже если были причины, и уж тем более без них, и мы не безумно богаты. Тем не менее нас мучит совесть, потому что мы имеем с фирмы больше, чем платим сотрудникам. Все это непросто, потому что никогда не знаешь заранее, действительно ли закончишь текущий год в плюсе, действительно ли

заработаешь то, что запланировал, себе на жизнь. Когда я еще была наемным работником, то всегда точно знала еще в начале месяца, что и в этот раз денег не хватит, но моя зарплата была реальной цифрой, с которой можно было делать расчеты. Каждый вечер мы относим деньги в банк, ежедневно через мои руки проходит множество купюр. Мы примерно подсчитываем, сколько нам нужно на жизнь, переводим со счета на счет, и все, кажется, очень просто. В первый год работы книжного магазина главным был вопрос: хватит ли нам, чтобы заплатить за аренду? Сможем ли выдать зарплаты сотрудникам? Тратим ли мы в течение года деньги, которых у нас нет? Сможем ли мы рассчитаться с долгами? И в какой-то момент я спрашиваю мужа, знатного счетовода, который всегда все подводит под статистику и почти крутит романы с таблицами Excel:

— Скажи мне, мы на самом деле бедные или богатые?

Он с недоумением смотрит на меня и медленно отвечает:

— Я пока сам не знаю. Но мы точно не богатые.

Мои сотрудницы, квалифицированные продавцы книг, получают зарплату в соответствии с тарифным соглашением в сфере торговли. Это означает, что теоретически книготорговец зарабатывает не больше, чем продавщица булочной через дорогу. И на практике тоже. Не имею ничего против работников булочной, но что требуется уметь хорошему продавцу хлеба? Перечислить все ингредиенты цельнозерновой булочки, точно знать, откуда зерно и как его молоть, как приготовить закваску и сколько калорий в рогалике с джемом или без? Хороший книготорговец должен знать, в каком из двадцати имеющихся в наличии путеводителей по США можно найти исчерпывающую информацию о городе Орlando,

к какому литературному периоду принадлежит Георг Гейм, как сравнить новые книги Кельмана с работами Свена Регенера, какую книгу можно осилить в середине первого класса и так далее и тому подобное. Нередко мои коллеги берутся за подбор литературы для научных работ, часами напролет ищут криминальные романы с местным колоритом, действие которых должно происходить на далеких Карибских островах, а иногда их обвиняют, если в проданном нами путеводителе продолжительность пути не соответствует действительности. Но всех переплюнула одна клиентка с просьбой перевести испанскую детскую книжку, купленную ею на каникулах для своего внука. Внук ведь не знает испанского. Коллега отвечает, что тоже не знает, и дамочка покидает магазин в расстроенных чувствах.

И все это сотрудникам приходится делать за почасовую оплату труда, которую бы многие постеснялись предложить даже уборщице. Теоретически мы могли бы платить им больше, но на практике, к сожалению, не можем. И каждый день меня мучит совесть, потому что то, что знают и умеют мои сотрудники, никак не соответствует их зарплате. Знание литературы и любых других тем, правильное написание английских и французских названий, географические и политические знания, развлекательные программы для одиноких, пожилых людей, помощь во всех жизненных вопросах, будь то развод, дети с СДВГ или не приученные к туалету собаки, которых не выгуливают, — для всего есть книга, и мы ее достанем для вас, бесплатная консультация прилагается. И хотя наш книжный магазин — настоящая история успеха, оборот постоянно растет и помещение никогда не пустует, мы все равно можем себе позволить платить лишь немного выше требуемой по тарифу зарплаты. И даже спустя десять лет мы с мужем по-прежнему получаем одну

и ту же сумму, и если рассчитать, то наша почасовая оплата практически совпадает с установленной тарифом. По крайней мере, нам не приходится покупать книги, плюс наша машина — это служебный фургон, и его стоимость вычитается из налогов, что уже хоть какое-то облегчение для семейного бюджета.

И объяснить все это можно, наверное, только словом «призвание». Хотя можно назвать и безумием. Потому что, наверное, сложно считать нормальным, когда после десятичасового рабочего дня, за который успеваешь пересказать книг двести — всевозможных жанров, — ты за кухонным столом возбужденно разрываешь пачки с превью Роуолта и Хансера и радуешься новому Остеру или Т. К. Бойлу, как будто на прикроватной тумбочке еще осталось место. Это болезненное пристрастие, и мы оба попали в его сети и заразили ребенка — дочка набрасывается на пакеты с обзорами от крупных издательств детских книг. В свои пять лет она наконец-то читает сама и больше не зависит от редкого свободного времени родителей. За чтением следуют обсуждения, и, хотя она продолжает отрицать, что когда-нибудь тоже станет продавать книги, в ней уже есть миссионерские задатки. Если ей нравится какое-либо произведение, она хочет, чтобы мы продавали его в большом количестве и всем, кому оно хоть как-то подходит. Это не всегда легко, потому что у дочери специфический вкус. Хотя она и девочка, но принципиально не читает того, что даже отдаленно напоминает литературу для девочек. Она выбирает книги не совсем по возрасту и в семь лет пристрастилась к романам для подростков. Разводы, лоскутные семьи, непростые истории дружбы. «Ну что, ты уже продала ее?» — ежедневный вопрос за ужином.

— Знаешь, это не так просто. Всякий раз, когда я начинаю рассказывать сюжет и говорю, что

повествуется о девочке, родители которой разводятся, а потом... большинство покупателей перебивают меня и не хотят ее брать.

— Почему?

— Не хотят, чтобы их дети читали подобное, про развод и все такое.

— Почему?

— Потому что считают, что детям неинтересно то, что никак не связано с их жизнью.

— Но взрослые ведь читают книги, которые не имеют ничего общего с их жизнью.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, они ведь покупают криминальные истории и при этом не собираются на следующий день кого-нибудь убить?

Она, пожалуй, права, и я задумываюсь о том, какой скучной была бы литература, если бы люди покупали только книги, которые имеют что-либо общее с их жизнью. Получается, я финансовый бухгалтер, не замужем, работаю с девяти до пяти каждый день и у меня есть кошка. Мне бы хотелось приобрести книгу о моей жизни? Ведь мы хотим спрятаться в другом мире, хотим драмы и приключений, так почему же дети должны читать то, что соответствует их опыту?

Сейчас дочери уже тринадцать лет, и она читает все, что попадает в руки, а советы по продаже ограничиваются фразами типа: «Классная книга, но не давайте ее никому младше четырнадцати. Она довольно тяжелая».

Иногда нам трудно поверить в свою удачу. Мы неожиданно купили книжный магазин, перевернули свою жизнь с ног на голову по большой глупости и совершенно без денег, и уже в первый год магазин заработал так, что нам хватает на аренду, пропитание и даже на недельный отпуск. Мы с Оливером пребываем в состоянии постоянного изнеможения, но, по крайней мере, мы отлично понимаем, что чувствует другой, и бережно относимся друг к другу. У дочери, кажется, все хорошо, особенно после того, как она перешла в другой детский сад. Частный католический с красивой прилегающей территорией все-таки оказался для нас слишком ограничивающим, и мы посчитали немного странным, что, по рассказам дочери, они выходят в сад по двое и почти никогда, даже когда в тени больше двадцати пяти градусов, им не разрешали снять хотя бы обувь. Она уже плохо помнила альтернативный садик в Гамбурге, где они возились голыми в грязи при температуре двадцать градусов, а после обеда детей везли в ручной тележке на пикник в парк. Кажется, она не скучает по этому. А вот мы — скучаем. Мы всё отлично помним и теперь страдаем от строгого распорядка дня нашего ребенка. Снова никаких шансов получить место в муниципальном

детском саду: мы опять упустили время регистрации. Следующий частный детский сад — это небольшая ассоциация, в которой дополнительно работает носитель английского языка. Комнаты темные, сад крошечный, но зато милые воспитатели и родители. Дочь растет, напевает песенки «Голова, плечи, колени и пальчики» и «Инси-Винси паучок»^{*} и проводит много времени на коленях у воспитательниц. Единственное, на что она иногда жалуется, — это вегетарианское питание.

Мы много работаем, а в те редкие моменты, когда не работаем, пытаемся создать для нашего младшего ребенка хотя бы какое-то подобие нормальной семейной жизни. Угрызения совести — наше постоянное состояние. Особенно в декабре: из-за сильной перегруженности нам лишь изредка удастся вместе поужинать. Только благодаря уборщице у нас хоть как-то поддерживается порядок.

И все же непохоже, чтобы это как-то травмировало дочь: она кажется веселой, открытой и независимой, хорошо спит, позже хорошо учится в школе, с ней легко найти общий язык. Прочитав книгу о семье, усыновившей ребенка из Китая, она заинтересовалась этой темой.

— Как усыновляют ребенка?

— Ну, ребенка, у которого нет родителей, берут к себе жить. Заботятся о нем как о собственном.

— И это может сделать любой?

— Да, но будут проверять, как чувствует себя ребенок в новом доме.

— А вы? Ты и папа? Вы бы завели еще одного ребенка?

— Скорей всего, нет.

---

^{*} Популярные детские английские песни Head Shoulders, Knees and Toes и Incy Wincy Spider.

— Почему?

— Потому что мы много работаем. Наверное, посчитают, что у нас нет времени на ребенка.

— Ну они могут спросить меня! У меня все хорошо.

На этом тема усыновления для нашей дочери исчерпана, и, к счастью, она не замечает слезы на моих глазах.

Она настолько повзрослела, что сама организует свою жизнь, по крайней мере в преддверии Рождества, зная, что не может рассчитывать на нас. Дочка не стесняется napроситься на ужин к друзьям-врачам и сохраняет номер артиста кабаре и по совместительству талантливого повара, который живет в десяти домах от нас, в ее телефоне он среди «избранных».

Последние две недели декабря нас кормят доставка пиццы и милые азиаты, что находятся всего в двух улицах от нашего магазина. Иногда для нас готовят друзья, и они с пониманием относятся к тому, что мы почти не разговариваем, а только едим и пьем, после чего отправляемся домой. Я обслуживаю четверых клиентов одновременно, телефон звонит без перебоя, коллега сражается со мной за рулон упаковочной бумаги, и тут я замечаю свою дочь на кассе: неужели уже обед? Школа уже закончилась?

— Что у нас на обед? — шепотом спрашивает она.

— Ничего, — шепчу я в ответ.

Она бормочет что-то про Эдит и исчезает. Через десять минут она проскальзывает в магазин и громко сообщает, что пойдет к подруге. У ее мамы была ночная смена, но в отличие от меня она что-то приготовила.

Работа, работа, сплошная работа, а в перерывах — попытки не забрасывать домашние дела полностью; свободное время, которого у нас совсем мало, мы посвящаем младшему ребенку, и иногда случается так, что мы просто забываем о старшем. Нередко проходит несколько дней без созвона с сыном, и иногда в ночи я вспоминаю: у нас есть несовершеннолетний сын и он живет без нас в Гамбурге. Мы договорились с ним, что он закончит учебный год и переедет жить в Вену, и чем ближе дата, тем более северогерманским и неразговорчивым становится юноша. Он предпочитает остаться в Гамбурге, я точно знаю, но, в конце концов, ему всего шестнадцать, в этом возрасте нельзя жить в тысяче километров от родителей, если только у тебя нет денег на дорожную школу-интернат.

И вот пришло время, учебный год заканчивается, и, как и договаривались, сын переезжает в Вену. Он повзрослел, стал еще молчаливее, и нам стоило бы заметить, что он путешествует со слишком маленьким багажом, оставив остальные вещи на хранение у друзей в Гамбурге. Как будто он скоро туда вернется.

Мы записываем его в венскую гимназию, все вроде бы как надо, приятный директор, довольно классный староста класса, только сын становится все

более подавленным и тихим. Он страдает. Скучает по друзьям, по своей свободе, по Гамбургу. И я могу его понять. Если бы мне было семнадцать лет и у меня не было никаких привязок в Вене, я бы тоже предпочла Гамбург. В Вене все кажется провинциальным: политика уморительна до слез, одноклассники скучные, австрийский диалект смешон. И вот в самый разгар рождественской суеты он представляет своим неподготовленным, совершенно измученным родителям довольно хорошо продуманный план: он возвращается в Гамбург. Поселится у своего лучшего друга, его родители уже предупреждены, и у них есть свободная комната, так как второй сын учится год за границей. Директриса гамбургской школы уже поставлена в известность и готова принять его обратно — даже в середине учебного года. Семейное пособие будут продолжать выплачивать, и медицинская страховка тоже не проблема, если ребенок проживает в другой стране. Необходимая ему сумма денег детально расписана в электронной таблице Excel в соответствии с хорошо продуманным планом. Даже Оливер впечатлен. Мой сын, который обычно не может заставить себя пойти в булочную, когда в доме не остается хлеба, который ни разу не пытался подработать летом, чьи школьные тетради и учебники всегда выглядят так, как будто он случайно нашел их в контейнере для макулатуры, — он представляет нам эту бумагу, читает лекцию и приводит доводы, как консультант компании McKinsey на презентации по реструктуризации бизнеса. И конечно же, мы соглашаемся. Скрепя сердце и переживая, мы соглашаемся. Я слишком хорошо помню, каково это, когда тебе семнадцать и ты убежден в чем-то, а твои родители даже не думают разрешить это просто потому, что они родители, власть в их руках и они считают ерундой все, что тебе нравится. Нам бы ни за что не

хотелось быть такими родителями, и именно поэтому мы соглашаемся. И еще потому, что ситуация вышла у нас из-под контроля.

Я много думаю о маленьком светловолосом мальчике, которого я родила слишком рано и вырастила в одиночку. О первых годах жизни в общей комнате, о его кровати рядом с моей, о том, как он засыпал только тогда, когда кто-то держал его за руку. Как он всегда был самостоятелен и как мы гордились друг другом: я — им, потому что он сам все понимал, а он — мной, потому что я была молодой классной мамой, которая не держалась за него из корыстных побуждений. Как легко он переехал в Гамбург, когда я познакомилась с Оливером, как быстро вписался в незнакомую ему жизнь обыкновенной семьи с отцом, матерью, ребенком. Я не могла не вспомнить нашу свадьбу, где он позировал для фотографии с нами перед загсом: в тесном костюме и со слишком коротко остриженными волосами он напоминал румынского сироту. И я отлично помню его первый день в школе в Гамбурге, когда мы оба с большим волнением ехали на незнакомом метро через незнакомый город в незнакомую школу. Как хорошо он со всем справлялся, и не к чему было придираться. Несмотря на то что зачастую быть моим сыном — это сплошное приключение.

Когда мы вечером закрываем магазин, это вовсе не значит, что мы заканчиваем работать. Кроме приема товаров, с которыми мы не справились в течение дня, пополнения запасов и бухгалтерских дел, вечером, конечно, всегда есть возможность немного увеличить суточный оборот. На мероприятии под названием «книжный стол»^{*}.

Чем чаще я участвую в подобных мероприятиях, тем страннее они мне кажутся. Почему люди отрываются вечером со своего уютного дивана, чтобы кто-то прочитал им книгу? На неудобных стульях, при резком освещении и посредственном качестве звука. Да и вино после этого обычно хуже, чем то, что есть дома. Кроме того, нужно признаться, что не все авторы хорошо читают вслух. Конечно, таких людей, как Свен Регенер или Рогер Виллемсен, можно слушать часами, даже если они зачитывают телефонный справочник Дюссельдорфа, и, конечно, есть писатели, которых истинные фанаты просто обязаны увидеть вживую, — известных, тех, кем вы

---

^{*} Довольно популярный формат проведения литературных вечеров в Австрии, где, кроме чтения отрывка произведения, на отдельном столе выложены для продажи книги автора. Подобный формат мероприятий и получил название «книжный стол».

восхищались всю свою читательскую жизнь, — но их можно пересчитать по пальцам одной руки.

Поскольку цель чтения состоит также в том, чтобы автор продал книги, то, конечно, оно не обходится без книжного стола. За ним, как правило, присматривает книготорговец.

Так как книжные столы редко приносят прибыль, а сверхурочная работа стоит дорого, то вечерние мероприятия обычно являются делом начальника, точнее начальницы. В конце концов, я ничего не стою. Именно так я провожу много вечеров в году: сижу в самом продуваемом углу зала для мероприятий за столом с книгами и маленьким ящичком для денег. У меня нет ни имени, ни должности. Я обслуживаю книжный стол.

Потому что, как только книготорговец оказывается вне стен своего книжного магазина и встает за стол, его положение сильно меняется. В собственном магазине я выступаю компетентным контактным лицом, экспертом и начальницей, и многим покупателям очень нравятся мои рекомендации.

Но стоит мне оказаться в неестественной среде обитания, например за книжным столом в ресторане, галерее, фойе театра и так далее, то я превращаюсь в безликое существо, в простую продавщицу. И снова и снова убеждаюсь в том, что на чтениях, где я стою за книжным столом, меня не замечают вообще или замечают, только хорошо приглядевшись. Книжный стол словно встает стеной между мной и участниками вечера. Авторы и издатели, с которыми мы до этого вели интересные беседы на вечеринках, теперь проходят мимо меня, как будто мы не знакомы. Когда я подхожу к ним и здороваюсь, большинство смущается, ведь я только что застала их за тем, как они обходятся с подчиненными.

В основном мы различаем два типа книжных столов. Предпочтение отдается тем, которые предназначены

для так называемых конечных потребителей. Заинтересованные люди, которые хотят хоть раз увидеть своего любимого автора вживую, покупают представленную книгу на месте и приходят в восторг от автографа. Другие презентации рассчитаны почти исключительно на друзей автора или издателя, на прессу, книготорговцев, просветителей — другими словами, на людей, которых интересует не сама книга, а событие, поэтому они редко делают покупку. Для них книжный стол — это декорация, а книготорговец — в лучшем случае тот, кто за ней присматривает; в конце концов, ведь нужен кто-то, кто привезет как можно больше книг, аккуратно разложит их и после не оставит никаких следов.

Обычно на таких мероприятиях мне приходится объяснять гостям, почему они не могут бесплатно получить книгу, даже если они друзья детства жены автора. Книга принадлежит мне. Я покупаю ее у издателя, чтобы перепродать в книжном магазине или на книжном столе. Я не могу отдавать ее даром, потому что плачу за нее. Многим это сложно понять, и на некоторых мероприятиях мне приходится следить, чтобы книга не оказалась в чьей-то сумке Prada и не исчезла.

Легенда австропопа* празднует публикацию своих мемуаров в известном пафосном хойригере**. Уже на стоянке мой грязный фургон Dacia сильно выделяется среди всех роскошных спортивных машин

---

* Жанр австрийской поп-музыки, получивший особую популярность в 70-е и начале 80-х. Включает в себя несколько музыкальных стилей, от традиционной поп-музыки до рока, и иногда традиционные народные элементы, например йодлинг.

** Традиционный для восточной части Австрии «винный погреб», в котором хозяева подают молодое вино собственного изготовления. Дословно «хойригер» означает «молодое вино».

и автомобилей премиум-класса. К этому времени у меня уже есть некоторый опыт, и, как всегда, я держусь поближе к обслуживающему персоналу. Правило номер один — установить контакт с другими подчиненными, такими как комендант, техник, официант, потому что есть шанс, что именно они помогут с тяжелыми грудami книг, возможно, выделяют секретное парковочное место во дворе, обеспечат напитками и не выгонят, выключив свет, едва мероприятие успеет закончиться. Итак, мы с коллегой протаскиваем наши книжные горы сквозь праздную толпу, никто не пропускает нас, никто не придерживает нам дверь, зато мы ощущаем на себе неодобрительные взгляды, потому что наша тележка и пластиковые контейнеры портят вид. В конце концов, попивая апероль, вы вряд ли захотите видеть перед собой рабочих. Находится любезный официант, который проводит к месту, выделенному нам в центре ресторана, и наливает два белых шпритцера. Мы даже не успеваем разложиться, как уже выхватывают первые книги. Сотый раз я повторяю: «Мы книжный магазин и продаем книги. Если вы хотите получить экземпляр бесплатно, вам нужно обратиться в издательство».

Уже немолодой, но, вероятно, когда-то очень эффектный седовласый мужчина смотрит на меня проницательным взглядом:

- Да ты понятия не имеешь, кто я такой.
- Так и есть.
- Я был его барабанщиком с 1985 по 1992 год! На странице двести тридцать четыре есть моя фотография.
- Чудесно.
- Теперь-то я могу взять книгу?
- Да, с вас двадцать пять евро шестьдесят центов.

Я вспоминаю свою подругу Хайди, которая много лет проработала в музыкальной индустрии. Там на

вечеринке по случаю выхода альбома принято дарить каждому гостю по диску. Просто так. Каждому. Суют в руки. Никакого достоинства и уважения. Рынок дисков совершенно на дне, пусть и не только по вине многочисленных вечеринок, на которых раздавали компакт-диски, но это, вероятно, тоже внесло свою лепту.

Предвидя плохие продажи, мы от отчаяния пускаем слух, что звезда подпишет книгу после своего выступления, и в конце концов продаем несколько экземпляров. Люди все еще возмущены фактом, что за них нужно платить, но не хотят остаться ни с чем: кто знает, доведется ли еще увидеть легенду и получить автограф.

Обиженная дама с ботоксными щеками и в короткой меховой шубке поспешно уходит, оставив бокал с красным вином на одной из книг и широко улыбнувшись мне: «Как мне получить такую книгу?» К этому моменту я произнесла связку «книжный магазин — товар — купить» около сотни раз и больше не могу. Я тоже умею мило улыбаться: «Ну, знаете, все те же правила игры: мне — деньги, вам — товар».

Когда менеджер намекает, что музыкант, возможно, слишком устал, чтобы подписывать книги, мы начинаем оглядываться в поисках путей отступления. И конечно, все хотят полистать книги, и чтобы одновременно. «Не могли бы вы их распаковать?» — и одновременно за десять книг берутся жирными от трамещины пальцами, а младший менеджер издательства ставит сверху бокал. То, что не продается, книготорговец, конечно, может вернуть обратно. Теоретически, по крайней мере. На практике же ответ из отдела доставки звучит так: «Товар не подлежит возврату из-за нанесенных повреждений».

Книжный стол на тему образовательной политики проходит в одном из зданий местного управления Вены. Два стола отведены для вина и булочек, поэтому я размещаюсь у гардероба. Это практично, я помогаю вешать верхнюю одежду, и мне даже оставляют чаевые.

Книжный стол в Фольксопере — всеми любимый тучный баварский актер в честь своего дня рождения устраивает выступления кабаре. Ответственная за маркетинг Фольксоперы предвкушает: «Приносите побольше книг, мы продали восемьсот билетов». Я заказываю все, что только есть в наличии у австрийских дистрибьюторов, и привожу несколько набитых коробок, которые расставляю, прикрыв, в фойе. После окончания двери зала открываются, и первые посетители проносятся мимо стола с книгами и исчезают в холодной ночи. Я предчувствую что-то ужасное. В какой-то момент звезда усаживается рядом со мной, достает ручку, чтобы подписывать книги. И люди подкладывают ему все что угодно — программки, билеты, чистые листы бумаги, — но не книги. Орда фотографов использует горы экземпляров в качестве штативов, чтобы разместить камеры в нужное положение, и через двадцать минут все стихает: продано десять книг, ни одна коробка не опустела.

Конечно, нам, книготорговцам, хочется организовывать книжные столы! Как бы мы жаловались, если бы издатели продавали книги в обход нас! Несколько раз в год случаются даже такие, на которых удастся заработать. И если со мной здороваются, если мне предоставляют приличное место, если не обходятся

как с жалкой попрошайкой, то я охотно принимаю участие в книжных столах. Конечно, бывают приятные моменты и не только на тех нескольких книжных столах в год, когда за два часа удастся сделать дневную выручку. Например, встреча с автором бестселлера, который после часа раздачи автографов делится остатками фуршета со мной и моими коллегами. А есть места, где нам просто нравится бывать, независимо от того, как идут продажи. Например, в венском кабаре «Штадтсааль», где нам и нашим коробкам всегда рады и где мы чувствуем себя частью команды. Или как в Центральной библиотеке на улице Гюртель, где начальник приветствует работников книжного стола по крайней мере так же радушно, как и выступающих авторов. Нам так легко угодить, ведь книготорговцы, в конце концов, довольно неприхотливые существа и интересуются практически любой темой. Книжные столы — это часть нашей работы, и если нам придержат дверь, укажут кратчайший путь к лифту и не посадят в самый дальний угол зала, то мы с большим удовольствием выполним свою работу.

Особая разновидность книжного стола — рождественские книжные выставки в школах. Мы развозим внушительную часть детских изданий, подходящих для младшего школьного возраста, по учебным заведениям, где выделяется комната и два дня, чтобы дети посетили книжную выставку со своими учителями и написали списки пожеланий. В день родительского собрания один из сотрудников магазина сидит в этой комнате, обычно в кабинете труда, религии или музыки, и принимает заказы. Первые несколько лет этим занималась я, но теперь, слава богу, меня сменила Ева, и, похоже, ей это нравится. Приходится сидеть с позднего обеда до вечера: к тебе врываются уставшие родители, которые пытаются скоротать время между встречами с классным руководителем

и учителем религии. Либо они с детьми, которые с сияющими глазами показывают свои любимые книги, либо с обрывками бумажек, на которых их отпрыски нацарапали номера любимых книг. Я с первого взгляда могу определить, считают ли они книги чем-то важным или нет, видят ли в продавце книг и его товаре помеху или помощь. Иногда заглядывает кто-нибудь из родительского комитета, снабжая продавца бутербродами и домашней выпечкой из школьного буфета. С шести вечера наливают игристое. В полвосьмого впопыхах собираешь все заказы, прячешь книги по коробкам. Лишь в немногих венских школах есть лифт, поэтому зачастую приходится тащить на себе три-четыре тяжелые коробки и набивать ими машину. Любимые школы — с парковкой прямо у входа и равнодушными папами, которые помогают с коробками!

Оборот книжного магазина медленно, но неуклонно растет, и поэтому мы можем официально принять в команду первого сотрудника, прошедшего у нас стажировку. Ева устраивается к нам на работу, польская басистка уже на втором году стажировки, и так как мы теперь знаем, как это работает, то ищем нового стажера. И снова собеседование за кухонным столом, молодая женщина — дочь коллеги одной из наших покупательниц, учительницы по профессии. Она уже немолода, перепробовала многое в жизни, но говорит, что книготорговля — ее мечта. Знаю, надо бы внимательно изучить ее резюме, надо бы дать ей поработать на испытательном сроке, надо бы поразмыслить. Но зачем это делать, если я уверена, что она подходит? Не нужно лавировать, не нужно блефовать и притворяться, что у меня есть пять других подходящих кандидатур. Мы допиваем кофе, и она уходит уже нашим стажером.

Иногда я просыпаюсь и сразу устаю от одной только мысли о том, что надо спуститься на первый этаж, отпереть дверь, повесить табличку «Открыто» и весь

день пересказывать книги. Я убедилась, что могу это делать и неплохо с этим справляюсь, и очарование чего-то нового исчезло, превратилось в рутину и иногда наводит на меня ужас.

За это время мы так разрослись, что у нас появилось что-то вроде утренней смены. Нужно включить компьютеры, открыть все программы, запустить кассовый аппарат, убрать следы предыдущего дня в детском уголке, выкинуть мусор и проверить запасы на складе. Нередко это единственное время, когда есть возможность обменяться парой слов без того, чтобы тебя прервали. Но чаще всего каждый крепко держится за свою кружку с кофе, движения четко отработаны, и говорить в это время суток не о чем.

Когда вы открываете дверь и начинаете вывозить многочисленные вращающиеся стеллажи, первый покупатель обычно проскальзывает между стендами с путеводителями ADAC и полками с книгами издательства «Грефе-унд-Унцер». Обычно это пожилые люди, которые торопятся: им хочется расправиться с покупками за пять минут. Иногда так продолжается целый день — ни секунды без посетителей в магазине. Представители издательств, которые приезжают к нам два раза в год, чтобы рассказать о новых книгах, видят наш постоянно растущий оборот и пытаются продать все, что только можно. А мы — легкая добыча. Они увлекают нас новыми историями, красивыми кулинарными книгами, необычными темами или изысканным дизайном. При этом мы зачастую забываем, что в нашем распоряжении всего сорок квадратных метров, и, когда через несколько недель приходит заявленный товар, мы впадаем в отчаяние, потому что не знаем, куда его поставить. Книги расставлены по всем углам, а поскольку в книжной торговле все еще существует

так называемая натуральная скидка*, имеет смысл заказывать много книг одного наименования, если мы уверены, что продадим их в таком количестве. Покупаем одиннадцать — платим за десять, покупаем двадцать три — платим за двадцать и так далее. Это означает, что с середины октября наша столовая превращается в склад. Никаких гостей в это время года, кроме очень близких друзей, перед которыми нам не стыдно сидеть за столом между гор из коробок. Поэтому по несколько раз в день нам приходится подниматься по винтовой лестнице за книгами, которые раскупили. К вечеру ноги тяжелеют, а наша квартира напоминает книжный склад, правда, очень беспорядочный.

И вот в один из редких тихих вечерних часов мы сидим над тарелкой спагетти на нашем складе, который когда-то был столовой, и Оливер говорит: «Нам нужно сделать перепланировку». Я ничего не отвечаю, потому что знаю своего мужа. Прежде чем произнести подобное предложение вслух, он продумывал все на протяжении нескольких недель, возможно, уже перечислил расходы в аккуратной таблице Excel и втайне сделал наброски того, как может выглядеть подобная перепланировка. На самом деле все оказывается еще хуже: он уже поговорил с нашим другом, строителем, они уже обсудили, какую стену снести и какого размера должен быть офис, который мы пристроим на заднем дворе.

---

* Система скидок от поставщика при заказе большого количества экземпляров.

И снова встреча в банке, консультант уже знает нас, покупает у нас кулинарные книги и путеводители, видит вечно переполненный магазин и хорошие показатели продаж. Кредит? Без проблем. Меня страшит перепланировка, новые долги, еще больший объем работы, но эти двое мужчин уже все решили. Аргументы Оливера: книжный магазин на самом деле в его нынешнем виде совершенно устарел. Тесный и немного мрачный,ходишь и сразу оказываешься перед прилавком, который загромождает путь и не позволяет самостоятельно покопаться в книгах. Как в газетном киоске или аптеке, вы сообщаете, что именно ищете, и книготорговец достает нужное с высоты или из глубины полок. Нам даже приходится хранить книги на полу: новые издания складываются вдоль стены на ковре. Это по-прежнему очаровывает покупателей, и они приходят к нам, потому что мы компетентны и дружелюбны, но очень скоро это может надоест, и всем покажется у нас мрачно, тесно и непривлекательно, и тогда они поедут в центр в просторные и светлые магазины или, что еще хуже, купят книги на «Амазоне». А Роберт, который не любит разбрасываться словами, просто произносит: «Не беспокойся, я возьму это на себя».

И вот уже рисуются схемы, изучаются сметы, и снова становится ясно: у меня нет ни малейшего воображения для подобных вещей. Что вы имеете в виду, нужно убрать целую стену? На ней же держится дом. И офис превратится в торговый зал, а часть двора — в офис? И в какой-то момент произносится ключевое слово — «винтовая лестница». К сожалению, дочь была рядом. Согласно нашим расчетам, единственный способ расширить магазин — это объединить помещение офиса с торговым залом, убрав стену. К сожалению, винтовая лестница, ведущая

наверх к нам домой, выходит именно в эту комнату. Если лестницу не убрать, то после перепланировки к нам на кухню будут заходить покупатели или, подняв взгляд кверху, они смогут наблюдать, как я брожу по квартире в пижамных штанах, когда мне доведется быть свободной в рабочие часы магазина. Чугунную лестницу жалко, но, конечно, друг-строитель прав. Дочь придерживается другого мнения. Винтовая лестница должна остаться, иначе она съедет, вернется жить в маленький домик в Шафберге, без этой лестницы ее жизнь потеряет смысл, ей станет ужасно одиноко, она наверху, мы внизу, что совершенно невозможно, и нам стоит оставить эту затею. Маленькая демонстрация подросткового периода в исполнении шестилетнего ребенка. Мы умело обходим этот вопрос стороной, и в моем воображении я вижу, как ребенок приковывает себя к перилам лестницы, чтобы предотвратить демонтаж, должно быть, мы слишком часто смотрели «Барбапапа строит дом».

Буря утихает, ведь нам для начала нужно получить разрешение на строительство. Прежде всего на пристройку во дворе, ведь это уменьшит место для мусорных контейнеров, а затем на внутреннюю перепланировку, потому что нужно снести несущую стену, и это нужно рассчитать и согласовать. Роберт подает нужную документацию, и остается только ждать. Ждать приходится так долго, что младший ребенок забывает о драме с винтовой лестницей, и я тоже лишь иногда вспоминаю о предстоящем ремонте. Пока к нему не приступают: во дворе сооружается небольшой домик, ему предстоит стать нашим новым офисом. Все это происходит позади книжного магазина, мы никак в этом не участвуем, и все действительно так, как было обещано: Роберт берет это на себя. Время от времени мы заходим

туда и приходим в восторг от одной только мысли о том, как будет выглядеть наш будущий офис. Новое место — специально созданное для нас, с новыми столами и достаточным количеством розеток, стальными полками и высоким столом, чтобы не стоять согнувшись каждый раз, когда распаковываешь книги. Домик готов, но нам снова приходится ждать. Все должно высохнуть, прежде чем приступить к перепланировке внутреннего помещения, кроме того, для этого до сих пор не пришло решение.

И неожиданно звонок из Мюнхена: какая-то женщина просит Оливера к телефону, и он исчезает. Вернувшись, он объявляет сдавленным голосом: «Мне предложили работу». Крупное немецкое издательство с филиалом в Вене. Предыдущий директор по продажам уволился, и теперь им нужен мой муж.

И снова ночи напролет обсуждаются, взвешиваются все за и против. Работа привлекает его: это именно то, чем он занимался в Гамбурге, в другой жизни, когда еще ходил в офис в костюме, галстук и с портфелем, когда он еще был кем-то вроде «руководителя», а не простым продавцом книг — в джинсах и с вечно грязными руками. Я могу его понять: если бы мне предложили работу, думаю, я бы тоже согласилась, ну, не на любую, я бы никогда не смогла работать в шумном торговом центре, но, если бы мне предложили работу литературного редактора в газете или директора программ в Литературном доме, я бы, наверное, не смогла отказаться. Но мне не предлагают, поэтому я продолжаю продавать книги. И бросить это было бы обидно: у меня наконец-то появилось ощущение, что я действительно могу это делать, а не притворяюсь, что могу. И в рабочем предложении Оливеру, конечно, есть еще один

интересный аспект: финансовый. Не то чтобы издатели так уж хорошо платили, уровень зарплат в этой сфере довольно низкий, но гарантированный доход четырнадцать раз в год и пять недель отпуска — звучит довольно заманчиво. А тут еще этот маленький домик в пригороде Вайнфиртель, который мы обнаружили летом и сразу же в него влюбились. Вообще-то, наш семейный бюджет не позволяет никаких дополнительных платежей по кредиту, но мы умеем уговаривать друг друга на то, что нам нравится, поэтому решаемся. У жизни на своей работе, когда офис от дома отделяет лишь тонкая стенка, есть не только преимущества, поэтому мы позволяем себе это местечко для уединения за городом. Просто взять и сорваться на выходные, не планируя заранее, поваляться в саду, провести время там, где тебя никто не знает и не интересуется тобой. Банк тоже ни на секунду не сомневается: в конце концов, дела у книжного магазина с момента основания идут в гору, а маленький домик в умирающей деревушке Вайнфиртель стоит меньше, чем служебная машина бывшего босса Оливера.

Правда, дело не ограничивается одной лишь выплатой кредита. Нужно покрасить окна, водосточные трубы протекают, а последняя буря сдула несколько черепиц с крыши. Денег постоянно не хватает, и кто знает, как будет складываться с книжным магазином, а поскольку мы с Оливером всегда принимали важные решения в нашей жизни быстро и интуитивно, то и на новую работу соглашаемся второпях. В конце концов, устроиться в четвертом районе — это не так радикально, как спонтанно сыграть свадьбу, за одну ночь переехать с ребенком в Гамбург, случайно купить книжный магазин и перебраться с дочерью в Вену, не имея никакого жилья. Поскольку у меня есть ощущение, что ему

этого хочется и даже необходимо в данный момент, то мы совместно решаем: Оливер принимает предложение о новой работе.

Что, в свою очередь, означает, что нам придется искать новых сотрудников: работать за двоих я не в силах. Я вспоминаю, что на дне рождения соседского ребенка в саду мы разговорились с молодой женщиной, что сидела напротив нас, как оказалось, продавцом в книжном магазине. Я практически ничего не запомнила, кроме того, что с ней весело и у нее есть дочь одного возраста с нашей. А еще что она работает в книжном, где ей не всегда удастся реализовать свой вкус в книгах: он слишком консервативный. Консервативный магазин, а не ее вкус. Телефонный номер находится быстро, она еще помнит меня.

— Вы хотели бы работать у нас?

— Что, так просто?

— Нет, не просто, а как полагается. Увольняйтесь с работы и приходите к нам!

Она просит ночь на раздумья и на следующее утро сообщает о своем согласии. Слава богу.

И так у нас в магазине появляется Анна, единственная сотрудница, которая не стажировалась у нас, но уже все знает, потому что с шестнадцати лет работает продавцом книг. Сотрудница, которая все видит и помнит и определенно разбирается в этом деле больше, чем я. Конечно, я играю важную роль в нашем магазине и тоже причастна к его успеху, но теперь вдруг появляется человек, который выполняет эту работу уже на протяжении четырнадцати лет. Анна, безусловно, умеет делать больше, чем я, но я ее начальница, и в конечном счете решения принимаю я. Это довольно странное ощущение: до сих пор у меня были только стажеры — любознательные и податливые,

многому мы учились вместе. И вдруг появляется человек с четкими представлениями о том, как нужно делать, и пониманием дела и для которого некоторые вещи являются очевидными. Первые несколько недель мы осторожно присматриваемся друг к другу. Я думаю, у нас вместе все отлично получается.

И вот, когда этого уже никто не ожидает, приходит разрешение на строительство, и после почти годичного ожидания нам можно приступить к дальнейшему переустройству книжного магазина.

Роберт и Оливер тщательно все продумывают, ведь мы не можем просто закрыться на несколько недель на перепланировку, это не входит в наш бюджет. Поэтому в выходные мы складываем половину книг в коробки, снова храним их на лестничной площадке и демонтируем книжные полки на одной стене. Затем возводится так называемая пылезащитная стенка — перегородка из ДСП, перед которой снова собираются книжные полки и снова расставляются книги. Теперь площадь книжного магазина — всего тридцать квадратных метров вместо сорока, и все это напоминает мне детскую книгу Акселя Шеффлера «Если в домике тесно».

Могу только позавидовать моему мужу, который по утрам в своем элегантном костюме отправляется в офис, я же остаюсь в магазине со строителями. Али, бригадир, Юсуф и Драган, рабочие, Фасгавич, электрик, еще один слесарь из Каринтии и плотник из Штирии*. Теперь мы разделены надвое: одна часть —

---

* Каринтия и Штирия — федеративные земли Австрии, граничащие друг с другом.

по одну сторону пылезащитной стенки, где мы пытаемся делать вид, что это обычный книжный магазин, другая — за этой стенкой, где трое крепких мужчин с помощью тяжелого оборудования пытаются избавиться от стены толщиной семьдесят сантиметров. Мир с покупателями берет на себя Анна, а я разрываюсь между двумя мирами. Шум стоит оглушительный, невозможно разобрать даже собственные слова, не говоря уже о том, что просят клиенты. Не понимаю, за что пылезащитная перегородка получила свое название: пыль без особых проблем распространяется по всему книжному магазину и окутывает покупателей, задумчиво остановившихся перед книжной полкой. Офис и магазин больше никак не связаны между собой, а это значит, что кому-то из нас приходится работать в недавно пристроенном домике без какой-либо связи с остальными. Если нам что-то нужно в офисе, то нужно выйти через дверь магазина, подняться по лестнице и зайти туда со двора. В один прекрасный летний день, пока ребенок плескается в бассейне со своими друзьями, винтовую лестницу демонтируют. Она лежит целая и невредимая в глубине двора, от ее вида мне становится грустно, а вечером дочь долго плачет, пока наконец не засыпает. Это ее первая большая утрата. Не переезд из квартиры в Гамбурге, не смена детского сада, не отъезд бабушки и дедушки, когда те возвращаются домой после каникул, нет, большой кусок старого металла причиняет нашей дочери первую большую боль расставания.

И я вновь открываю для себя новый навык, который до сих пор дремал где-то глубоко внутри: легкость в общении с рабочими. Поскольку мужа нет дома, то им приходится довольствоваться коммуникацией

со мной, и после нескольких дней осторожной приладки это отлично получается. Стоит Роберту представить меня заказчицей работ, «боссом», как все вдруг уважительно обращаются ко мне. И там, за пылезащитной стенкой, мне неожиданно начинает нравиться быть за главную. «Слушай, босс, где сделаем розетку?» «Босс, какая ширина двери?» И тихий, дружелюбный Роберт становится самым важным человеком в моей жизни. Его номер возглавляет список контактов быстрого набора, один только его голос заставляет меня успокоиться, и я звоню ему бесчисленное количество раз в день. Я понимаю, что все хорошо распланировано, но времени у нас совсем в обрез, и, если что-то пойдет не так, я единственная, кто должен это заметить, ведь я единственная, кто находится рядом.

— Роберт, они сделали дыру в стене.

— В какой стене?

— Между офисом и новой частью магазина.

— Большую?

— Ну так, сантиметров десять.

— Где именно?

— Сантиметров двадцать над полом.

В итоге подобных созвонов я получала один из трех возможных ответов: «Все в порядке»; «Передай телефон Али»; «Я буду через десять минут».

На стене, которую снесли, держался весь дом, и мы постоянно проверяем, не пошли ли трещины в кухне и столовой. Все это держится на трех временных опорах до тех пор, пока не установят железную поперечную балку. Али, Юсуф, Драган и я очень сближаемся: утром я готовлю для всех кофе, Али показывает мне фотографии своих детей, даже моя дочь мирится с «убийцами» винтовой лестницы и общается с ними, вернувшись из школы. А потом привозят эту штуку, стальную раму,

три метра в высоту, четыре метра в длину, весом две тысячи девятьсот семьдесят семь килограммов, и поскольку наша строительная площадка — не просторный чердак, а узкая подсобка, то ни краном, ни чем-то подобным это чудовище не затащить под потолок. Трое рабочих делают это вручную, с помощью примитивного полиспаста, и я боюсь на это смотреть, опасаясь за их здоровье. Их стоны и крикание, конечно, доносятся сквозь стену пыли в книжном магазине, и я втайне молюсь, чтобы с ними ничего не случилось. И всякий раз, когда мне начинает казаться, что у меня слишком тяжелая жизнь и я слишком много работаю, я на мгновение заглядываю на стройку за стеной, смотрю на грязных, потных строителей и думаю, какая у меня спокойная, приятная работа.

Мы хотим закончить к первой учебной неделе после летних каникул, тогда все должно быть чисто и аккуратно, а поскольку в помещении кое-что нужно поменять, то придется закрыть магазин на три недели. Новая проводка, новый потолок, новое освещение, новая мебель для небольшого детского отдела, и все это за три недели — амбициозный план. Все точно рассчитано по минутам, и если один-единственный рабочий не приходит в назначенное время, то он задерживает всех остальных, кто приходит после него. У меня три недели отпуска! За четыре года у меня не было больше пяти выходных подряд. Точнее, две недели отпуска, потому что на третьей нам придется наводить порядок в новом магазине. Но три недели без покупателей. Не открывать магазин по утрам, не вытаскивать вращающиеся стеллажи, не заворачивать подарки, не выписывать квитанции на специальную

литературу, не рассказывать истории. Так что это, так сказать, отпуск. Не считая того, что мне приходится по двадцать раз в день разговаривать по телефону с Али и Робертом и принимать решения, особо не разбираясь в деле. Домик на природе уже настолько пригоден для жилья — когда мы это только успели? — что в какой-то момент мы решаем уехать из города на несколько дней, несмотря на стройку. На лестничной клетке организуется место, где разные рабочие оставляют ключи, и я сбрасываю с себя эту обязанность. Но как электрик узнает, что вовнутрь заходить нельзя, так как там только что закончили укладку деревянного пола? Узнает. Роберт никуда не уезжает, всегда доступен, не позволяет себе нервничать ни из-за жесткого графика, ни из-за истеричной заказчицы. А я — связующее звено, координирую стройку из сада в Вайнфиртеле, потому что, в конце концов, у Роберта есть и другие проекты, крупные проекты, на которых он зарабатывает деньги. И однажды, когда я забываю позвонить одному мастеру и дать зеленый свет другому, звонок от двух растерянных рабочих выводит меня из мечтаний за завтраком. Я пытаюсь все уладить, и меня поддерживают язвительные замечания мужа. «Ну, подумаешь, всего лишь не откроемся через две недели», — поддразнивает он с поднятыми бровями, ковыряясь ложкой в яйце всмятку. За столом виснет неловкая тишина, свекры, приехавшие из Германии, воздерживаются от комментариев, но это уже не имеет значения. Я забираю свою полупустую кружку с кофе, по пути захватываю какую-то книгу и исчезаю в нашей крошечной спальне. Я просто лягу и больше никогда не встану с кровати. Никогда. Я не буду готовить, не буду играть с ребенком, не буду гулять с бабушкой и дедушкой, и самое главное: я не буду заниматься стройкой. Это все равно мужская работа,

а бабушка и дедушка — его родители, а дочка — больше папин ребенок, и готовит он гораздо лучше меня. Мне сложно наслаждаться в постели этими часами, которые я выкрала для себя: я слишком злюсь, слишком жалею себя. Трудно поверить, но это наша первая ссора, не очень-то уж и зрелищная, скорее тихая и сдержанная. Оливер достаточно дипломатичен, чтобы оставить меня в покое: он отправляет родителей в лес за грибами, а ребенка везет в кино в районный центр. После нескольких сотен страниц шведского кровавого детектива и часа сна я решаю встать с постели. Роберт тем временем решил все проблемы на строительной площадке, а Оливер приготовил спагетти. Теперь все не так уж плохо, пусть другие проводят отпуск на юге Франции. У меня есть книжный магазин!

И конечно, Роберт и его команда умудряются не отставать от графика, и у нас есть ровно одни выходные, чтобы снова расставить все книги. Все наши друзья либо дежурят по выходным, либо в отпуске, и я немного в отчаянии. Чтобы поднять себе настроение, иногда я отправляюсь с дочкой за мороженым и, как обычно, встречаю наших покупателей. Она — фармацевт, он — доктор традиционной китайской медицины, у них, видимо, наметан глаз на отчаявшихся людей, и они спонтанно решают не проводить вторую половину дня в бассейне, а присоединиться к нам, чтобы навести порядок в магазине. Оливер немного раздражен, когда я возвращаюсь с ними, но к этому времени он, вероятно, уже привык к тому, что я никогда не отказываюсь от помощи.

Мы заканчиваем в воскресенье поздно вечером — последняя книга ставится на полку, все чисто и аккуратно, теплый потолочный свет заполняет наше новое большое пространство. Измученные, но очень гордые, мы отгоняем мысли о кредите, который

нам предстоит выплачивать в течение следующих десяти лет.

Когда через несколько недель приходит пожилая дама и, пробежавшись взглядом по магазину, замечает: «Вы переставили мебель?» — мне хочется громко прокричать в ответ: «Мы взяли шестизначную сумму в кредит, все лето дышали пылью, работали с берущими, а есть люди, которые этого даже не замечают?» «Нет, мы всего лишь пропылесосили», — бормочет Ева, и, когда клиентка уходит, нас охватывает истерический приступ смеха.

Перепланировка дает возможность ликвидировать несколько наших абсурдных уголков и создать что-то вроде «отделов» литературы. Хранение книг на полу также остается в прошлом, теперь у нас появился огромный предмет мебели, который мы ласково называем «гробом», — на него складываются новые издания, и мы замечаем, что большинство покупателей, немного поколебавшись, с удовольствием ищут книги самостоятельно, читают аннотации и без нашей помощи выбирают подходящее издание. Нам больше не приходится бегать в другой конец магазина ради одной-единственной книги и пересказывать каждую историю от начала до конца — это упрощает дело для всех.

Видимо, быстро разнеслись новости о том, что в нашем книжном стало просторнее, потому что на следующее Рождество покупателей прибавляется. С девяти утра до шести вечера магазин набит людьми, которые, кажется, не возражают, что здесь тесно, что им

приходится стоять в очереди, что у нас только одна касса и здесь ты у всех на виду. Все присматриваются к тому, что покупают другие, и зачастую мы рассказываем кому-то о книге, а другие, подслушав, тоже приобретают ее. Некоторые покупатели беседуют друг с другом, рекомендуют авторов, а когда миловидная фрау Л. листает поваренную книгу, которую хочет купить и херр Примар, я предлагаю им приобрести единственный экземпляр на двоих. Он немного разочарован, когда узнает, что фрау Л. замужем и у нее четверо детей. Покупатели постоянно угощают нас шоколадом и домашним печеньем, а те, кто заглядывает к нам в субботу после рынка, иногда приносят цветы, фрукты или бутылку вина. В какой-то момент мама Евы тоже устраивается к нам на работу: ей далеко за шестьдесят, последние тридцать лет она была домохозяйкой и присматривала за детьми. В течение года она управляет складом, упаковывает в пленку порванные книги, а в декабре дни напролет заворачивает десятки книг в рождественскую бумагу в подсобке. И раз в неделю готовит для всех картофельный гуляш.

Наша главная проблема на Рождество: мы делаем слишком большой оборот на слишком малом количестве квадратных метров. Это просто означает, что за день мы продаем так много книг, которых у нас и так всего один-два экземпляра, что нам приходится тут же снова заказывать. Три поставщика ежедневно привозят книжные горы высотой в человеческий рост, которые приходится принимать и распределять, включая заказы клиентов. Мы стараемся справиться днем, но, когда Оливер вечером возвращается из офиса домой, гора ничуть не уменьшается. Ежедневно он стоит в подсобке до глубокой ночи и под радиопьесы по произведениям Томаса Манна или Хаймито фон Додерера распаковывает книги.

Я пользуюсь привилегией заканчивать работу в девятнадцать часов, потому что на следующий день мне нужно снова быть в хорошем настроении, рассказывать бесчисленные истории и сиять от радости. Эти декабрьские вечера — единственное время в году, когда я радуюсь тридцати пяти телевизионным программам, в которых не показывают ничего, кроме ерунды. Вместе с несколькими бокалами красного вина они мало-мальски гарантируют, что я смогу заснуть без звона в ушах и навязчивых мыслей о том, какую именно книгу я забыла заказать и для какого клиента.

Когда перед нами двадцать человек и никто не хочет ждать, при этом все хотят получить индивидуальную консультацию, нам надо быть в лучшей форме, потому что если мы потеряем чувство юмора, то тут же забьемся в какой-нибудь угол, где моментально заснем. Большинство покупателей терпеливы, да и когда приходится ждать, в магазине не заскучаешь: помимо огромного количества книг, которые здесь можно найти, даже если их не искать, здесь всегда кто-нибудь устраивает театр. Наш магазин — это не священный храм изящных искусств, а место, где громко кричат и смеются, где мы перебрасываем друг другу названия через головы людей, нередко находясь в этот момент на лестнице.

- Где лежит Нёстлингер?
- А «Зайца с янтарными глазами» дозаказали?
- Ты добавила в партию заказа «Миллионера»?
- У нас еще есть Кельман с автографом?
- Кто-нибудь знает, кто был в программе у Штёкль на прошлой неделе?

А если кто-то и жалуется, что в нашем магазине все очень медленно, то все обычно разрешается само собой: одни покупатели начинают смеяться, а не терпеливые — злиться, и нам не приходится ничего

отвечать. Правда, иногда мы не знаем, смеяться нам или плакать, когда кто-нибудь объявляется перед прилавком со словами: «Я вчера заказал книгу. Она уже пришла?» Без имени, без названия, просто так. С примерно тремя сотнями заказов в день можно бы было и запомнить, а еще иногда кто-нибудь действительно сердится, потому что у нас не находится в наличии приходно-расходного журнала двухлетней давности. Большинство покупателей, однако, в восторге оттого, что у нас есть все и мы можем достать практически все, даже если это иногда требует времени. Если учетная система показывает наличие экземпляра на складе, но на положенном месте его нет, то весь персонал, а нередко и покупатели бросаются на его поиски, пока кто-нибудь не находит его. Обычно это делает самая молодая сотрудница, которую мы прозвали «ищейкой». Ей достаточно беглого взгляда на изображение обложки на компьютере, и она решительно и, как правило, молча поднимается по лестнице и достает нужную книгу с полки.

И каждый год 23 декабря я практически падаю на колени от счастья: все почти закончилось, — и у нас есть маленький домик за городом, куда мы теперь всегда ездим 24 декабря. Отправление: 24 декабря в 15:22, вокзал Франца-Йосифа. Отличные решения — купить этот домик и завести сына в двадцать лет, который уже настолько повзрослел, что хочет встречать Рождество с родителями и имеет водительские права. Это значит, что 23 декабря он загружает свою младшую сестру, собаку, рождественские подарки, покупки и материалы для чтения на неделю в наш фургон и едет в Вайнфиртель. Вечером 23 декабря мы закрываем магазин, предварительно немного приведя его в порядок — то есть заполняем пустые места на полках, — и отправляемся ужинать в ресторан к Георгу, в двух улицах от нашего

магазина. Это, наверное, самый счастливый день в году, но из-за усталости мы этого не осознаем. Мы очень вкусно едим, очень много пьем и очень поздно ложимся спать, потому что завтра все уже будет позади! Последние пять часов в канун Рождества наполнены всепоглощающим чувством «а нам все равно». Товары больше не доставляют, а значит, не нужно ничего распаковывать. Покупатели, которые все еще приходят, сейчас смиренны и скромны. Они настолько отчаялись, что даже не могут себе представить, что найдут у нас желанную книгу. Поэтому нет никаких разговоров на тему: «Что значит, у вас нет в наличии?» или «„Амазон“ бы мгновенно доставил». Покупатели 24 декабря благодарны и покупают все, что есть. Если они хотят путеводитель по горам, то могут уйти с изданием о велосипедах; биография может превратиться в кулинарную книгу. Главное — завернуть в рождественскую бумагу. В час дня мы закрываемся, сотрудники, у которых нет детей — именно поэтому им пришлось работать в этот день, — выпускают громкий возглас, мы все кидаемся друг другу в объятия, как только табличка на двери меняется на «Закрыто». Откупоривается бутылка шампанского, раздаются небольшие подарки, после чего все хотят как можно быстрее покинуть место, где провели большую часть своего времени на протяжении последних недель. Мы с Оливером бежим на вокзал, по пути запасаемся едой и большой кружкой кофе в ресторане быстрого питания. Поезд еще не успевает покинуть черту города, как я уже дремлю на плече супруга.

А на станции в Вайнфиртеле нас встречают дети и собака, на улице холодно и почти стемнело, но окна маленького домика освещены, и в обеих печах горит огонь. Нельзя сказать, что внутри прибрано, да и елка украшена только спереди, у детей было

мало времени, ведь нужно было успеть посмотреть два фильма о Гарри Поттере. На ужин — лазанья, потому что у сына она особенно хорошо получается. Небольшой сон на диване, растянутый выгул собаки, подарки, еда, игры. И каждые пять минут я напоминаю сама себе: завтра не нужно открывать магазин. Завтра не нужно пересказывать кому-нибудь целый роман. Завтра не нужно заворачивать подарки. Я самый счастливый человек на свете.

Кто бы мог себе представить, что старший сын когда-нибудь снова захочет отмечать Рождество в нашей компании? Что он согласится сидеть под елкой вместе с нами в Вайнфиртеле и быть частью нашей маленькой семьи?

Он считался самым крутым в классе, без родителей, несколько месяцев он даже жил самостоятельно в квартире в районе Санкт-Паули, всего в нескольких минутах ходьбы от Репербан*. Большая ошибка с нашей стороны, но мы слишком поздно это осознали, что привело к куче прогулов. Он сам нажал на аварийный тормоз, переехав к друзьям.

Я вспоминаю телефонный разговор, который состоялся несколько лет назад: он в Гамбурге, я в Вене, он один в своей съемной комнате в квартире в Альтоне, я в переполненном книжном магазине, облепленная покупателями, которые ищут рождественские подарки. И вдруг звучит фраза, которая затмевает все остальное, заставляет толпу людей раствориться в тумане. «Я бросаю школу». Н-да. Ты замираешь, и мир рушится у тебя на глазах. Сколько времени и энергии вложили в воспитание и обучение этого ребенка? Пусть я и не мать-наседка, для этого я была слишком

---

* «Улица красных фонарей» в Гамбурге.

молода, и мне никогда не хотелось вкладывать всю свою энергию исключительно в воспитание ребенка, но, конечно, я тоже вечно ломала голову над тем, что будет лучше для него: правильный детский сад, подготовка к школе, здоровый перекус, Монтессори или обычная школа? Слишком много телевизора, слишком много Game Boy, слишком много свободы, слишком мало занимаюсь с ним или слишком много опекаю?

Хотя рождественский сезон продаж в самом разгаре, я беру билет на самолет до Гамбурга и без лишних слов отправляюсь в квартиру, где он живет со своим другом Лео. Я впервые навещаю сына и настаиваю на свежем постельном белье. Он приглашает нескольких приятелей, и мы вместе готовим кнедлики с грибным соусом, и никакого напряжения в воздухе. Друзья у него крутые — в йоговских разноцветных шароварах, девочки — с платками на голове, мальчики — с длинными волосами или дредами. Если бы такое было доступно в моей молодости, я бы выглядела в точности так же. Они чудаковатые, милые, интересуются политикой и, в отличие от моего сына, хотят получить школьный аттестат зрелости. Одна девочка планирует стать врачом, другая — экспертом по помощи развивающимся странам, Лео хочет изучать искусство, а Якоб — стать учителем. Только мой сын не желает прогибаться под «капиталистический мир», как он однажды метко выразился, и, конечно, поэтому ему не нужен школьный аттестат. В тот вечер мы много разговариваем, и, к моей большой радости, его друзья разделяют мое мнение. Бросить школу — это круто, но, пожалуйста, с аттестатом в кармане. Постепенно я понимаю, что к этому решению его подтолкнул не отказ поддаваться капиталистическому миру, а скорее множество пропущенных уроков и пробелов в материале, которые он накопил

за время, проведенное без родителей в Гамбурге. Разговоры с учителями, с родителями его друзей, составление расписания, кто из его приятелей и когда с ним учился, и нам удастся его убедить. Он будет сдавать экзамен на аттестат зрелости! Он старается. Все помогают. Конечно, у него получается. А теперь? Сегодня он учится в университете на педагогическом факультете.

Дочь умная и, в отличие от сына, очень амбициозная. В своем юном возрасте она уже успела помечтать о разных профессиях: в четыре — стать актрисой, в пять — скрипачкой в Венской Фольксопере, в семь — чемпионкой мира по карате, а в последнее время — архитектором или пилотом. Но она уверена абсолютно точно: продавцом книг не станет ни за что. Это, конечно, совсем не значит, что она не хочет владеть книжным магазином, просто она не хочет в нем работать. Может, когда-нибудь, а пока она желает посмотреть мир, поучиться, найти классную работу. И после того как перепробует все захватывающие занятия, может, и станет продавцом книг, но к этому моменту, возможно, и магазина уже не будет. Ведь иначе нам с Оливером придется работать там, пока мы не свалимся с лестницы замертво. Несомненно, она гордится, что у ее родителей есть книжный магазин, что учителя из школы делают заказы у нас, что она может взять любую книгу просто так, что может давать советы своей преподавательнице немецкого языка о том, что почитать на уроках чтения в седьмом классе. В школе ее знают как девочку, которая живет над книжным. Конечно, быть знакомой с авторами — тоже круто: поболтать с Даниэлем Глаттауэром о его утках-бегунах, похвастаться девушке

Арно Гайгера своим новым сноубордом, поговорить с Веа Кайзер о латыни, сходить с мамой на премьеру артистов кабаре, которых остальные видели только по телевизору. Менее круто — работа, которая стоит за всем этим и которую ей, конечно, приходится видеть каждый день. Родители, которые уже за завтраком обсуждают объемы продаж, графики дежурств и повторные заказы; пустой холодильник и холодная кухня в канун Рождества, коробки с книгами, заполонившие всю столовую комнату в ноябре и декабре. Клиенты, с которыми надо быть приветливым, даже если прошлой ночью ты вернулся домой в три часа или борешься с желудочным вирусом. У этого нет ничего общего с видимым успехом или с фантазиями «о, я обожаю читать и всегда мечтала стать книготорговцем».

Так что, пока мы в состоянии подниматься по лестнице, нам придется работать, а потом мы закроемся лет на двадцать. Как раз тогда дочери надоеет безумная жизнь и головокружительная карьера и она снова откроет двери магазина, смахнет паутину, убьет помещение и станет продавцом книг.

Поскольку мы все больше напоминаем крупный книжный магазин, то нельзя оставить в стороне вопрос организации труда. До этих пор всем приходилось делать все и все уметь, всем было все позволено. Мы часами ломаем голову над хоть сколько-нибудь справедливым графиком дежурств: никто не должен работать сверхурочно, все пожелания касаясь отпуска надо учесть, и каждый должен работать только одну субботу в месяц. Незадолго до того, как мы отправляемся на книжную ярмарку, Анна застигает нас врасплох: «Босс, мне нужно указать мою должность». В других компаниях, где должно-сти в порядке вещей, она называется «управляющей магазином», но для нас, все еще придерживающихся идеалов университетской группы, основанной на принципах низовой демократии, иерархия — это настоящее кощунство.

Теперь ее требуют сами сотрудники, и мы не можем противиться. Анна хочет иметь должность, чтобы, когда меня нет рядом, она могла распоряжаться. И в этом есть смысл: Анна имеет представление обо всем, все замечает, знает больше всех, у нее больше опыта в этой сфере. «Мозг», как мы ее иногда называем. Остальные тоже подхватывают эту идею и без проблем принимают новый статус Анны. И раз уж

речь зашла о распределении обязанностей, то теперь каждый из сотрудников будет отвечать за определенный отдел. Это привычная практика в других книжных магазинах, просто до сих пор нам казалось, что мы настолько маленькие, что это не для нас. Но все давно уже не так, поэтому решено поделить зоны ответственности.

Анна занимается англоязычной литературой и ас-сортиментом в целом. Басистка дэт-метал-группы берет на себя раздел детективов, но вместе с этим ей приходится взять под свое крыло так нелюбимые ею пособия по саморазвитию. Пособия по счастливому браку и рецепты шлахплатте* на самом деле неплохо сочетаются. Барбаре, нашей сотруднице, отвечающей за гендерные вопросы, достается специальная литература, а на раздел путеводителей она соглашается только после того, как мы обещаем ей графические романы. Стажер еще учится и пробует себя во всем, а я — начальница. Еще есть отдельный уголок Оливера — книги по истории литературы, собрания издательства «Манессе», подборка так называемых изданий на любителя — книги, на которых точно не заработаешь, но один-два покупателя обрадуются, если случайно на них наткнутся.

Работу Оливера в издательстве мы представляли себе совсем иначе. Конечно, постоянный и гарантированный доход идет на пользу нашим нервам, зато вредит семейной жизни. Я безвылазно нахожусь в магазине, и создается ощущение, что работе нет ни конца ни

---

* Сытное блюдо, которое большей частью состоит из свиной грудинки или свиных ребер, свиной домашней колбасы, капусты и картофеля.

края, вместе с тем мне нужно заботиться о младшем ребенке, и раз уж я все равно не покидаю здания, где живу, то могу заодно поставить стирку и сварить тыквенный суп. Оливер, в отличие от меня, каждое утро надевает свой модный костюм, сначала едет в офис, проводя в пути полчаса за неспешным чтением, а потом весь день сидит за письменным столом. Вечером он возвращается домой, встречает раздраженную жену и после короткого совместного ужина отправляется в книжный магазин, чтобы сделать все то, что мы не успели за смену.

Книжный магазин растет так быстро, что нам едва удается справляться с работой, и на дела в офисе времени совсем не остается.

Но кто-то должен оплачивать груды счетов, готовить документы для налоговой, отправлять напоминания о задолженности, да и просто разгребать все эти бумаги. Мы оказываемся перед выбором: либо Оливер возвращается, либо мы кого-то нанимаем. И после второго Рождества, когда ему приходится проводить ночи за разбором книг и в восемь утра снова отправляться на работу (а в последнюю неделю перед сочельником он даже взял отпуск, чтобы хоть как-то справиться со всеми делами), мы принимаем решение не нанимать нового сотрудника: Оливер возвращается в магазин. Он увольняется после рождественских праздников, и я вздыхаю с облегчением.

Поскольку Оливер определенно любит книги больше, чем людей, то он заправляет внутренними делами и берет на себя управление помещением. Документы, планы дежурств, прием товара в канун Рождества, замена лампочек и картриджей для принтера. А еще наполнить наш сайт, отнимающий много сил, новым содержанием. Ах да, сайт: первые три года мы упорно отказывались от чего-либо подобного. Мы старая добрая книжная лавка, в новомодных штучках

не нуждаемся. Какой смысл в интернет-странице? Люди должны приходить в наш магазин, где могут познакомиться с литературой, прикоснуться к ней, ощутить ее запах. Но один из наших завсегдатаев регулярно повторял: «Порядочному книжному магазину просто необходим сайт. Я хочу знать о ваших новинках не выходя из дома. Сегодня не иметь сайта — это прошлый век». В какой-то момент покупатель разоблачает себя: он веб-дизайнер, хотя скорее похож на социального работника. Через несколько месяцев мы сдаемся и заказываем ему дизайн. Старомодный и уникальный — наши единственные требования к сайту, и если кто и понимает это, так это он. Этот веб-дизайнер сам настолько уникален и старомоден, что таких, как он, больше не сыскать, и после нескольких попыток и довольно конфликтных встреч у нас наконец-то есть сайт, который нам подходит. Он выглядит как старая тетрадь, которая открывается, если по ней кликнуть, в которой о наших любимых книгах написано старомодным шрифтом печатной машинки, у каждого сотрудника — своя страница. Это настоящее испытание для посетителей и уж точно никак не отражает быстро меняющегося книжного рынка: ничего из наших рекомендаций не удаляется, потому что если мы сейчас считаем книгу хорошей, то она останется такой и через год, и через пять лет, даже если она уже давно не бестселлер или вообще исчезнет с полок магазинов. И точно так же, как работает наш бизнес — вы приходите в поисках одной книги, а в итоге находите три или четыре, которые вовсе не искали, — работает и наш сайт.

Первые несколько лет я и Оливер ездим в отпуск по очереди; не жалуясь, делим между собой девять бесконечных недель летних каникул дочери, но есть одна дата в году, которую мы не позволяем себе пропустить. Четыре дня в октябре сотрудникам приходится справляться без нас, потому что нас ждет путешествие в большой мир литературы — на Франкфуртскую книжную ярмарку.

От первой ярмарки в роли книготорговца остается двойственное впечатление. На мероприятии, посвященном Австрии, на нас смотрят с подозрением и осторожно спрашивают: «Как можно открывать новый книжный магазин в такие времена, когда над независимой книжной торговлей нависла туча? Как можно быть настолько дерзкими, чтобы переехать из Германии и думать, что можно ни с того ни с сего открыть книжный магазин?»

Немецкие коллеги, будь то издатели или журналисты, напротив, одобрительно похлопывают нас по плечу, во взглядах некоторых из них я могу прочесть, что они на самом деле думают: «Какая милота. Маленький книжный. В Вене. В городе тортиков „Захер“, где все вечно сидят в кофейнях, а часы тикают медленнее». И литературный редактор одной австрийской газеты спрашивает у меня каждый год

одно и то же: «Что вы здесь делаете? Вы на ярмарке как частное лицо?» Что значит частное? Мы пытаемся продать все, что здесь публикуется и о чем вы пишете или не пишете. Без книжной торговли всему этому бизнесу наступит конец, так почему бы нам не присутствовать на книжной ярмарке?

Времена, когда мы ночевали в дорогих гостиницах, потому что издатель Оливера платил за проживание, к сожалению, остались позади, и началась бесконечная череда убогих хостелов. В первый год мы просто забыли, что нам нужно где-то ночевать, поэтому в последний момент я вспоминаю о старой подруге с университетских времен. Она не с особым восторгом относится к моему звонку за две недели до ярмарки с моей просьбой остановиться у нее: «Это очень сложно для меня. Мне нужно будет кое-что убрать, чтобы вы могли остаться на ночь». И что? Я ничего не говорю в ответ, убрать — это не так уж сложно, я всегда стараюсь прибраться перед приходом гостей. Она не отказывает, и мы приезжаем. Когда она отворяет дверь, мы с трудом протискиваем чемодан через небольшую щель в прихожую. Дверь почему-то не открывается до конца, и, когда я заглядываю внутрь, у меня перехватывает дыхание. Мы оказались в квартире хордера*. Повсюду навалены книги и газеты, листовки, всевозможные бумаги. В одной крошечной комнате на полу расчищено узкое пространство, где лежит сероватый матрас с помятым шерстяным одеялом. Я готова расплакаться: как же здесь спать? Принимать душ? Это совершенно невозможно. Оливер относится к этому более прагматично: у нас нет выбора. Снять комнату во Франкфурте сейчас, во время ярмарки, совершенно

---

* Человек, страдающий навязчивым накопительством, синдромом Плюшкина.

невозможно, даже если бы у нас были деньги. Мы решаем ходить на любые вечеринки, куда бы нас только ни позвали, пить так много и сидеть так долго, чтобы в этой вони нам оставалось провести в отключке лишь несколько часов.

И когда мы приезжаем на ярмарку на следующий день, все почти налаживается. Я позволяю шуму ярмарки поглотить меня, бывшие коллеги Оливера встречают нас как навестивших отчий дом детей, повсюду знакомые лица, и у нас есть еще шестнадцать часов до возвращения в место, где нам придется ночевать. Время от времени я ловлю себя на желании броситься на шею симпатичному коллеге, может быть, у него есть шикарный номер в гостинице. Конечно, я бы ни за что на это не осмелилась, мы с мужем переживем, в моей прошлой жизни бедной студентки в Будапеште я спала в спальном мешке в разрушенном доме с крысами, так что ничего со мной не станет от газетных кип вокруг матраса.

Благоухание большого, далекого мира после еще одного года в тесном, маленьком книжном магазине. Как на вечере, где среди гостей были Детлев Бак и Даниэль Кельман, или когда Роджер Виллемсен неожиданно подбежал ко мне на входе книжной ярмарки и обнял со словами: «Мой любимый продавец книг из Вены!» — в эти моменты я сожалею, что у меня нет скрытой камеры, чтобы заснять такие сцены для наших покупателей. Мы ходим на все вечеринки, слава богу, нас приглашают почти везде и бесплатно угощают вином.

Из года в год я обедаю с журналистом из Берлина. Мы познакомились, кажется, сто лет назад, он уже тогда был великим литературным критиком, а я — маленькой пиарщицей в еще более маленьком австрийском издательстве. Именно он ввел меня в благородный мир литературы, приглашал на ужины для узкого

круга во «Франкфуртер хоф», где во время беседы мне надо было приложить немало усилий, чтобы сделать вид, что я тоже важная персона и имею право находиться здесь. Сейчас меня уже приглашают лично, но мы по-прежнему сохраняем традицию совместных обедов во время ярмарки. И не просто наспех перекусить у киоска с хот-догами между третьим и четвертым залами, нет, по-настоящему: мы покидаем здание мероприятия и отправляемся в хороший итальянский ресторан с закуской, основным блюдом и панакотой. И бокал-другой вина в придачу, хотя я никогда не пью алкоголь днем. Ну, почти никогда. За исключением периода ярмарки. За таким обедом и возникла идея написать книгу.

— Все подряд издательства печатают детективы. Значит, они хорошо продаются.

— Точно, все без исключения, даже «Суркамп».

— Мы бы могли тоже написать что-нибудь в этом духе.

— Почему бы и нет? Придумаем комиссаров из Вены и Берлина, им приходится расследовать одно дело, которое по случайности разворачивается в обоих городах.

— Отличная идея. И труп... — берлинец пробегает взглядом по гостям ресторана, очевидно, представителям литературного мира, — писатель. Венский сноб, который так привык к успеху, а убийца, он может быть...

— Его агентом!

— Замечательно придумано! Вот как мы это делаем?! И конечно, история идеально подходит для экранизации! Представьте себе, как это привлечет туристов! Вена и Берлин — беспроектный вариант!

— И мы напишем двадцать разных расследований, в год по одному, разбогатеет и станем известными.

На листке бумаги мы быстро, за десять минут, набрасываем первое дело — и все ясно. Он возьмется за первую главу, и если мне понравится, то я напишу вторую.

Нам удалось выдержать несколько ночей в захлавленной квартире, правда, еще несколько недель после этого в груди ощущалось легкое сдавливание. Дальше следовали годы изобретательных поисков жилья на время ярмарки: новая знакомая из Вены, сотрудница ООН, случайно рассказывает нам о друзьях из Франкфурта — а не могли бы мы... думаешь, было бы возможным — мы с радостью заплатим... Мы остаемся у них во время очередной книжной ярмарки: хорошая квартира, хорошее расположение, хорошая семья, которая, к сожалению, в следующем году переезжает в Марокко. Несколько лет в переоборудованном гараже, немного затхлом, но дешевом и рядом с метро, и один раз — в очень дорогой комнате на мансарде рядом с ярмаркой, с туалетом в коридоре, а душ с громким насосом прямо у кровати, и все застелено коричневым ковровым покрытием в пятнах. И когда одна из моих самых давних подруг звонит прошлым летом и взволнованно сообщает, что ей предлагают место профессора математики на выбор в университетах Франкфурта или Хельсинки, я, не задумываясь и не совсем бескорыстно, кричу в трубку телефона: «Франкфурт!» С тех пор три дня в октябре диван в ее гостиной принадлежит нам, и если я вдруг не стану автором бестселлеров, то есть если издательство не начнет оплачивать для меня номер в гостинице, то на ближайшие несколько лет проблема решена — у моей подруги бессрочный рабочий контракт.

И когда я возвращаюсь с огромной сумкой, набитой книгами, и с прекрасными воспоминаниями, я стараюсь перенести атмосферу ярмарки в наш книжный магазин. Небольшие забавные истории для персонала и покупателей, одна-две классные книги, обнаруженные на ярмарке, знакомство с большим количеством интересных авторов. С Томасом Главиничем скурили одну на двоих сигарету, со Свеном Регенером обсудили австрийские небольшие издательства, с Владимиром Каминером обменялись сообщениями о том, как лучше пережить ярмарочную вечеринку («Нужно пить много воды на протяжении дня и по крайней мере один стакан воды с каждым бокалом вина»), с Экартом фон Хиршхаузенем проехали в такси и поспорили, кто будет платить. И я стояла так близко к Полу Остеру, мне кажется, он даже посмотрел на меня. Я нахожусь внутри этого мира, и наши клиенты, конечно же, тоже.

Торговый представитель — это странная профессия. Поневоле само слово «представитель» наводит вас на мысль о пылесосах, посуде Tupperware или какой-то страховке, которую вам хотят навязать с порога вашего дома. Не самая уважаемая работа, если только вы, конечно, не явились с книгами. Представитель в книжном бизнесе — это один из наиболее компетентных сотрудников издательства, который обычно реалистично оценивает ситуацию и, несмотря на свою любовь к книгам, твердо стоит обеими ногами на земле. Он работает на передовой, должен с одинаковым рвением представлять одни и те же книги всем книготорговцам из своего региона, даже если книги плохие, а книготорговцам скучно его слушать.

Когда я познакомилась с Оливером, он работал таким представителем. От крупного немецкого издательства. Тогда я была на книжной ярмарке с подругой, она — продавец книг, он — представитель. И она знакомит нас, Оливер дарит мне новый роман Филипа Рота и футболку своего издательства. Мы сближаемся, отправляем бумажные и электронные письма между Гамбургом и Веной по несколько раз в день, а через два месяца он приезжает в гости. В то время он катался на красном универсале Volvo, багажник

которого был вечно забит новыми изданиями и брошюрами издательства, столь же заманчивыми для меня, как пряничный домик для Гензеля и Гретель.

Теперь я сама продаю книги, и дважды в год процессия из тридцати представителей проходит через нашу подсобку, пытаясь продать нам новинки. Еще бы, ведь их зарплата зависит от того, сколько они продадут, но в то же время они не могут неприкрыто лгать, рассказывать о величайшей книге автора или о маркетинговой кампании на миллион долларов, если это не так. Иначе на следующей нашей встрече им придется несладко.

Это всегда напоминает приятную беседу: за небольшим столиком тебе рассказывают бесчисленные истории; но в основном это тяжелая работа, и самое трудное — то, что ты не знаешь, как отказать собеседнику, при этом не обидев его.

Один из первых представителей, заявившийся к нам, просто ушел посреди разговора: он не смог вынести полнейшего хаоса в нашем магазине. Ева ушла домой из-за желудочного вируса, поэтому мне приходилось постоянно выходить к прилавку, чтобы обслужить покупателей. Телефон разрывался от звонков, и, вероятно, мне не хватало энтузиазма для его обзоров. Когда Оливер привел ребенка из детского сада и дочь гордо скакала туда-сюда между мной и представителем, хвастаясь своим новым рисунком, мужчина неожиданно захлопнул свой ноутбук и поднялся со стула: «Так невозможно работать!» Он в ярости вылетел из книжного, и надо заметить, что на протяжении года мы не покупали книги его издательства и не очень-то по ним скучали.

Но есть и такие, кто приносит с собой печенье и шоколад, кто иногда отговаривает покупать книгу, потому что она «вообще-то никчемная», чей визит становится семейным событием, потому что дочери

демонстрируются смешные трейлеры книг на ноутбуке, а встреча перетекает в совместный ужин с пищей.

И чаще всего они хорошо знают, что нам нравится, хорошо чувствуют, какими историями могут зацепить наше внимание, и все мы понимаем, что многие книги становятся бестселлерами только на полках книжного магазина, а не благодаря маркетинговым бюджетам или рецензиям.

И вот представитель, который отлично знает мои предпочтения, возбужденно размахивает перед моим лицом пачкой бумаги со словами: «Ты просто обязана это прочитать! Это великолепно!» Я из сочувствия берусь за текст, но совсем не прихожу в восторг от содержания. Странно слепленные отрывки, между ними сплошные абзацы и пробелы. Автор рукописи — мой старый знакомый Даниэль Глаттауэр. Его первая книга вышла в небольшом издательстве, где я работала в девяностые. Я тогда была неопытной сотрудницей отдела по связям с общественностью, а он был известным журналистом — в интеллектуальных кругах, но точно не известным писателем. Мы с ним тогда неплохо сработались, я сопровождала его в поездках на презентации книг в австрийских провинциях и организовывала автограф-сессии на рождественских базарах. Мы не теряли друг друга из виду, всегда поддерживали контакт. И вот: роман на основе онлайн-переписки в известном издательстве. Хочется ли мне читать что-то подобное? Не особо.

В этот же день я отправляюсь в Клагенфурт на вручение премии Бахмана, беру с собой рукопись Глаттауэра и на всякий случай покупаю несколько газет на вокзале. Когда поезд подходит к Винер-Нойштадт, я все-таки начинаю читать и после нескольких

страниц втягиваюсь. И еще как. Дорога от Вены до Клагенфурта на поезде занимает ровно четыре часа. Хорошо, что я быстро читаю, иначе бы просто не сошла на нужной станции и укатила в Италию: невозможно было оторваться. В Клагенфурте я набираю Даниэля, номер редакции его газеты я до сих пор знаю наизусть.

— Я прочитала текст!

— Да?

— Ты разбогатеешь на нем!

— Ты серьезно так считаешь?

— Я уверена. Мы все отлично на нем заработаем.

И я уверена, что это сравнению не подлежит, то есть нельзя сравнивать божий дар с яичницей, но в этом году тексты на Днях немецкоязычной литературы — так еще несколько лет назад называлась премия Бахмана — не вдохновляют меня и кажутся совершенно оторванными от реальности. Я понимаю, одно дело — литература, а другое — развлечение. Два совершенно разных рынка и разные целевые аудитории, но в итоге это просто книги, которые мы сможем продать или нет, которые вызывают эмоции у читателя, неважно, благодаря красочному языку или захватывающему сюжету.

И когда представитель возвращается, чтобы принять мой заказ на новый роман Глаттауэра, я с ходу заявляю: «Беру триста экземпляров». А он смотрит на меня как на сумасшедшую. И триста — это только начало.

Именно такие книги заставляют забыть о том, что ты слишком много работаешь и слишком мало зарабатываешь, зато мы продаем самый прекрасный продукт на свете. Мы продаем истории. Легкие развлекательные романы могут восхитить меня так же, как и так называемая серьезная литература, и нередко это разделение доставляет мне немало

хлопот. Каждый раз приходится лавировать, чтобы подобрать книгу покупательнице, которая приходит к нам с просьбой: «Порекомендуйте хорошую книгу». Что бы это могло быть? Что такое хорошая книга в представлении этой женщины? Что-то среднее между Эльфридой Елинек и Сесилией Ахерн, но как мне спросить, не затронув чувств клиентки? «Что-нибудь посерьезнее или поувлекательнее?» Какой дурацкий вопрос! Почему серьезное не может быть увлекательным? Но, конечно, важно получить ответ на этот вопрос, потому что есть книги, которые некоторым людям точно не понравятся. Правда, еще сложнее, когда ищут что-нибудь в подарок. Иногда к нам приходят словно в цветочный или винный магазин и просят завернуть книгу в подарок. Но без понятия какую.

— Подарок на день рождения для пятидесятилетней женщины.

— Чем она интересуется?

Я пытаюсь объяснить клиенту, что это все равно что войти в четырехэтажный магазин одежды и сказать охранникам: «Мне бы что-нибудь надеть». Что — шубу, носки, бюстгальтер, мужской костюм, бикини? Выбор велик, и не все взаимозаменяемо. То же самое и с книгами, и нужно постараться хотя бы приблизительно понять вкус человека, которому предназначается подарок. И это не имеет ничего общего с «купившие это также интересуются...»

Кроме того, есть книги, которые я считаю замечательными, но пересказать их не получается. Это просто невозможно. Я пробую несколько раз и уже ко второму предложению замечаю, как внимание слушателя рассеивается, его взгляд скользит по следующей книге, и зачастую я не понимаю, почему так происходит. Это можно выяснить только при первой попытке продажи: книги сложены в стопку,

вы заранее ознакомились с содержанием, оно вам понравилось, и заказан большой тираж. Но продать его не получается. К счастью, у нас есть замечательные постоянные покупатели, которые настолько нам доверяют, что иногда достаточно лишь сказать: «Надо брать. Отличная книга».

Приятная фрау Д., которая ищет хорошую книгу для своего отпуска, просит что-нибудь посоветовать. Я в восторге от романа, который сейчас читаю, и рекомендую его. Ингредиенты: глухой ребенок, ферма где-то в США, разводят собак. На самом деле меня ничего из этого особо не интересует, но тем не менее роман захватывает и увлекает. Фрау Д. настроена скептически, ее тоже не очень интересует разведение собак на американском Среднем Западе, но она поддается моему энтузиазму. Единственное, что важно для нее, — чтобы не было трагедий; в конце концов, она в отпуске и не хочет расстраиваться. Фрау Д. работает в хосписе.

На выходных я дочитываю толстую книгу до конца. Меня охватывает паника. И речи не может быть о счастливом конце! Полный депрессняк! В свой выходной я спускаюсь в темный книжный магазин, ищу номер мобильного телефона фрау Д. в файле клиентов на компьютере и отправляю ей СМС-сообщение: «Пожалуйста, не читайте дальше! Все умрут. Даже собака!» Ответ не заставляет себя ждать: слишком поздно.

И каждые несколько лет попадаете книга, первые двадцать страниц которой я читаю, затаив дыхание. Я заставляю себя читать медленно, впитывая язык, хотя и предпочла бы проглотить разом, чтобы быстрее понять, продолжится ли в том же ключе, как

началось. Совпадает ли заявленное с содержимым. И если совпадает, то я превращаюсь в миссионера: хочу, чтобы люди, которые мне небезразличны, да и все остальные тоже немедленно прочитали эту книгу. Немедленно. В такие моменты я совершенно уверена, что выбрала правильную профессию, что другой и быть не может и что нет ничего важнее, чем донести эту историю до как можно большего количества людей. Я бы с удовольствием раздавала такие книги бесплатно, иногда мне не хочется их продавать, зарабатывать на них деньги. «Здесь не страшно» — неприметная книга с деревьями на обложке, автор мне незнакома — Моника Хельд, но я прочитываю роман за одну ночь. Тема нелегкая: история любви между человеком, пережившим Освенцим, и человеком, родившимся после войны. Нам нередко приходится слышать от покупателей что-нибудь наподобие «Ну сколько можно с этими старыми байками» или что книга слишком трагична и, вероятно, не подойдет для чтения на зимних каникулах в перерывах между лыжными трассами и вечеринками в горной хижине. Первым, кому приходится ее прочитать, становится Оливер. Не совсем по своей воле: с его стороны кровати возвышается груда непрочитанных книг, и этого романа определенно не было в списке. Но иногда я могу быть очень напористой, и тогда он понимает, что ему не остается ничего другого, как исполнить мою просьбу. Примерно на полпути он признается, что на такие темы скорее предпочитает нехудожественную литературу, но дочитывает роман, и слезы бегут по его лицу. Это работает.

Мне нужно обязательно познакомиться с автором. У меня получится. И мне можно. Это еще одна из тех возможностей, за которые я обожаю свою работу. Я приглашаю ее в Вену на чтение, организую

мероприятие, преследуя только собственные интересы, потому что прежде всего я хочу познакомиться с автором этой замечательной книги. Что это за женщина, которая пишет такие истории, одновременно настолько смешные и грустные, нежные и безжалостные, что вызывают у меня ощущение, будто каждый, кто мне дорог, должен выйти из магазина, неважно, моего или другого, — главное, с этой книгой в руках.

Я пишу рецензию в литературный раздел крупной австрийской ежедневной газеты, она получается очень личной, но я согласовываю ее с редактором. В конце концов, книга затронула меня настолько глубоко, что мне бы ни за что не удалось написать «обычную» рецензию, и я все-таки больше не литературный критик, а книготорговец, так что написать рецензию для меня — что-то из ряда вон. Все хорошо, пока я не открываю свою страницу в «Фейсбуке»[◇] в воскресенье утром: какая-то женщина недовольна субъективной статьей «самовозглашенного литературного критика» и злобно обвиняет меня в том, что моя рецензия — это откровенная реклама мероприятия, которое должно состояться на следующий день. «Почему редакторы так упорно воздерживаются от того, чтобы указать новоиспеченному рецензенту, что литературная критика — это не просто анонсы мероприятий и лайки в социальных сетях?» И это у всех на виду. В «Фейсбуке»[◇]. В воскресенье утром.

На глаза наворачиваются слезы: не потому, что ей не нравится мой текст, а потому, что она, по всей видимости, совсем не поняла, что я хотела сказать. Речь совсем не обо мне, не о моей репутации

[◇] Здесь и далее: название социальной сети, принадлежащей Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ. *Прим. ред.*

рецензента и не о предстоящем мероприятии. Для меня речь идет о самой трогательной книге о холокосте, которую я когда-либо читала, не считая, пожалуй, «Прощания с Сидонией» Хакля, но мне тогда было восемнадцать лет. Я не заработала на этом ни цента, мне было бы абсолютно все равно, если бы мое имя нигде не появилось, а сорок человек, которые придут в этот раз, приходят на каждое чтение — даже на те, на которых выступают неизвестные авторы и о которых заранее не сообщается в газетах.

С Моникой мы встречаемся за день до мероприятия. На встречу она является вместе со своим редактором, и с первой минуты я влюбляюсь в обеих. Кажется, как будто я давно знакома с этими двумя яркими, остроумными женщинами, и, хотя я работаю по графику с девяти до шести, решаю провести весь день с ними: показываю им Вену, мы пьем кофе в «Браунерхоф», гуляем по центру города, затем отправляемся есть шницель.

Когда вечером мы сидим перед публикой, набившейся в наш небольшой магазин, у меня возникает ощущение, что мы с Моникой Хельд знакомы целую вечность. Она зачитывает отрывки текста, я задаю несколько вопросов, после чего уступаю место собравшейся аудитории. Наступает мертвая тишина. И держится довольно долго. Пока один джентльмен не поднимается — он с дрожью в голосе благодарит за эту встречу, женщина с последнего ряда присоединяется к нему. Оба выражают признательность автору за то, что она написала эту книгу и прочитала им! И когда через несколько дней одна покупательница рассказывает, что записалась в своем приходе на поездку в Освенцим, что раньше никак не могла на это решиться, а из-за встречи, с поддержкой этой книги, она сможет увидеть все это, и когда через неделю один учитель говорит, что включит книгу

в список экзаменационных вопросов для выпускных экзаменов, и когда через полгода пожилая женщина благодарит меня за статью в газете, потому что именно через нее она наткнулась на эту книгу и с тех пор подарила ее десяткам друзей, — именно тогда у меня снова возникает ощущение, что я выбрала единственно правильную для меня работу. Понимание, зачем мы все это делаем, зачем работаем круглые сутки и постоянно, даже в свободное время, пытаемся сделать магазин лучше, оформляем витрины по выходным и печатаем списки для школьных книжных столов по вечерам. Как раз ради подобных моментов и встреч.

Известный американский писатель Джонатан Франзен приезжает в Вену! На театральной сцене он прочитает свою новую книгу, и издательство предлагает нам совместно организовать мероприятие. Нам! Не кому-нибудь из крупных сетевых книжных магазинов, нет, именно нам, и, конечно, мы не можем отказаться. Большая честь. Это же Франзен! Его известный роман «Поправки» — одна из немногих книг, которая одинаково нравится и мне, и Оливеру. А тут — Вена! У нас! Все судорожно спланировано и просчитано: издатель берет на себя оплату автору, нам нужно найти ведущего и актера, который прочитает текст на немецком. Часть денег с продажи билетов и книг достанется нам, но, возможно, даже не покроет все расходы. В конце концов, такое мероприятие — большая честь для нас.

Нам удастся уговорить литературного редактора крупной немецкой газеты стать ведущей, соглашается и актер «Бургтеатра», которым я очень восхищаюсь, правда, выходит гораздо дороже, чем планировалось, но это неважно, потому что мы работаем над самым важным литературным событием года.

С самого начала все идет не по плану. Автору не приходит в голову прислать заранее выбранные им отрывки текста, чтобы актер подготовился к чтению.

Актер возмущается, потому что он профессионал и не хочет выходить на сцену не прорепетировав. И хотя с ведущей мы уже договорились о гонораре и сняли для нее номер в дешевой гостинице, мы все равно не можем набраться смелости узнать у актера его почасовую оплату. В какой-то момент все это кажется маловажным, потому что я стою перед заполненным до отказа театром и жду Джонатана Франзена. Он уже опаздывает на полчаса, а нам еще нужно обсудить отрывки текста, которые он прислал по электронной почте несколько часов назад и которые оказались слишком длинными, ведущая тоже хотела бы у него кое-что уточнить. В тот момент, когда я начинаю сомневаться в уровне своего английского для встречи лицом к лицу со звездным автором, он выходит из такси, направляется ко мне длинными шагами и на довольно хорошем немецком извиняется за опоздание: он встречался с родственниками и не заметил, как пролетело время. Я бормочу что-то про отрывки текста, веду его к актеру и пытаюсь объяснить, что выбранные главы слишком длинные и нужно быстро внести правки. Актер лишь подмигивает мне, хватая Джонатана Франзена за руку, и они исчезают в гримерке. Я уже не помню точного хода событий в тот вечер, знаю только, что никаких серьезных катастроф не произошло. Ведущая была великолепно подготовлена, Франзен очарователен, актер — намного больше, чем просто «немецкий голос текста». Мы без конца продаем книги, Франзен целый час раздает автографы, я осторожно спрашиваю актера, не желает ли он получить свой гонорар прямо сейчас.

— Мне заплатит издательство!

— Нет, это нужно сделать нам.

— Но вы же всего лишь небольшой книжный магазин!

— Да, мы всего лишь небольшой книжный магазин.

— Ну и всё тогда.

— В каком смысле всё?

— Именно всё. Можно мне одну книгу с подписью автора?

И такие люди встречаются. Талантливые актеры, знаменитые и дорогостоящие. Но иногда они просто классные. И когда я вижу его в роли Гамлета в «Бург-театре», у меня возникает ощущение, что на сцене стоит мой друг, даже если он меня вовсе не помнит.

Вечер заканчивается дорогим ужином, слава богу, за счет городского совета по культуре. Издатель, ведущая, несколько человек из театра и два австрийских писателя, один из которых действительно большой поклонник Франзена. Этот вечер прекрасно описан в романе Томаса Главинича «Это же я».

Я совершенно не разбираюсь в музыке. Знаю только, что то, что играет наша басистка дэт-метал-группы, слишком громко для меня и что мне нравятся низкие, хрипловатые женские голоса. Я слушаю классическую музыку, The Beatles, Wir sind Helden и иногда даже радиостанцию хитов Ö3. Моя коллега Барби понимает, что мне может понравиться, и дарит мне на день рождения диски со сборниками музыки, из которых я с удовольствием переслушиваю по крайней мере две трети. В этом она хорошо разбирается. И у нее есть свои кумиры, большинства из которых я не знаю, только иногда слышу, как коллеги обсуждают концерты в подсобке, и замечаю мешки под глазами после долгих вечеров в Arena или WUK*. Однажды она волнуется: австрийское издательство выпускает книгу Бликсы Баргельда. Это имя я уже где-то слышала, да и название группы Einstürzende Neubauten мне знакомо. «Я очень, очень хочу устроить книжный стол, когда он приедет в Австрию. Сможешь организовать это для меня?» Такое случается редко, чтобы кто-нибудь проявил желание провести книжный стол, поэтому я сразу же передаю ее пожелание издателю. Конечно, без проблем.

---

* Места проведения концертов.

Через несколько недель появляется не только дата проведения книжного стола, но и приглашение на чтение в Санкт-Пёльтене, включая ужин с Бликсой Баргельдом. Коллега вовсе не радуется: личная встреча с кумиром иногда может не оправдать ожиданий. Если уж она и отправится туда, то точно не одна. Поэтому мы идем вместе. Я работаю до вечера, быстро забираю ребенка с тренировки по карате, подвожу до дома, и вот уже мы с коллегой мчимся в сильный снегопад по магистрали. Барби берет в дорогу диски, у нее есть сорок минут, чтобы познакомить меня с музыкой *Einstürzende Neubauten*. Это отчасти удастся.

Зал кинотеатра Paradiso переполнен, на сцене один-единственный стул и микрофон. Появляется Бликса Баргельд. Высокий мужчина, он чем-то напоминает Мика Джаггера, его вид говорит, что «когда-то он был очень хорош собой и жил на полную катушку». Музыкант начинает выступать со своим текстом, и я замираю. «Через Европу. Литания». На самом деле это дневник тура, не очень захватывающий, важное место занимает потребление пищи. В конце концов, Баргельд не только известный исполнитель, но и большой гурман: поесть после концерта для него, похоже, не менее важно, чем сам концерт.

Он читает отрывисто, и я поражена, насколько увлекательным может быть чтение меню.

Выступление заканчивается, Бликса Баргельд подписывает бесчисленное количество книг, уже глубокая ночь, и теперь звезда хочет пойти поужинать. В Санкт-Пёльтене. В одиннадцать вечера. Издатель заранее оповестил ресторан, что мы придем, поэтому кухня еще работает. В столице Нижней Австрии все равно чрезвычайное положение: сегодня проходят первые заседания по делу Фрицля. В Санкт-Пёльтен съехалась вся европейская пресса, чтобы посмотреть

на «амштеттенского монстра», который на протяжении десятилетий держал в подвале свою семью. Бликса злится, что не может найти номер в гостинице в Санкт-Пёльтене. Ему приходится остановиться в двадцати километрах от города, в какой-то лесной глуши, но там, по крайней мере, есть очень хороший шоколад, который можно привезти своей семье. Сотрудница издательства не в восторге от этого: ей придется сопровождать его туда сегодня, а значит, надо сидеть в ресторане до тех пор, пока не будет опустошен последний бокал вина. И конечно, опустошит его не она, потому что ей лучше оставаться трезвой.

И вот мы сидим в дальней комнате единственного фешенебельного ресторана Санкт-Пёльтена, и он выглядит именно так, как можно представить себе фешенебельный ресторан в Санкт-Пёльтене: при декорировании заведения не упустили ни одного клише. Хозяин подходит к столу, слегка откашливается в попытке привлечь к себе внимание, наконец приветствует нашу компанию и выглядит слегка напряженным. Кажется, он пытается понять, кто из гостей за столом — знаменитость. Поскольку Бликса — единственный в костюме и за последние десятилетия уже по привычке быть в центре внимания, то хозяин наконец признает в нем почетного гостя и радушно приветствует.

После чего нам предлагают выбрать аперитив: пиво — для мужчин, игристое с чем-то фруктовым — для женщин, чтобы это не слишком напоминало выпивку. Барбара, которая отвечает за гендерные вопросы в нашем книжном магазине, бормочет что-то себе под нос и заказывает пиво. В меню — мясо с мясом и с мясным соусом, и, когда Барби спрашивает, есть ли что-нибудь для вегетарианцев, разговор переводится на эту тему. Бликса, похоже,

давно оставил этот этап жизни позади и заказывает огромный стейк.

За столом собралась небольшая компания. Кроме Барби и меня, еще несколько человек из издательства, и через четверть часа я осознаю нашу роль: нам нужно развлекать звезду. Сотрудники издательства возятся со своими кусками мяса и выглядят измученными. Неудивительно, ведь они уже несколько дней разъезжают в турне со своим автором. Всё уже обсуждали, каждая история рассказана, и, в конце концов, такая звезда может прилично утомить. К счастью, сегодня присоединились мы. Свежая кровь в марафоне светских бесед, да к тому же истинные фанаты. Точнее, я не фанат, но не думаю, что он это замечает. Барби оттаивает, по большей части разговаривают только она и маэстро, сотрудники издательства ослабленно разваливаются на стульях, и красное вино льется рекой. Я же пью галлоны минеральной воды, потому что мне еще вести машину сорок минут по заснеженной магистрали.

Конечно же, речь заходит и о книжном магазине. Бликса и Барби в восторге от идеи создать огромную, похожую на сеть витрину любимых книг и украсить ее греческими колоннами. Молчаливый молодой человек напротив меня, роль которого остается для нас загадкой на протяжении всего вечера, присоединяется к разговору и спрашивает, что такое колонна. Мы заинтересованно всматриваемся в лицо Бликсы и с волнением ждем реакции. По лицу пробегает короткое непроизвольное подергивание, после чего он вежливо просвещает молодого человека. «Безумие, — еле слышно усмехается Барбара в мою сторону, — как родительство меняет людей, уверена, что раньше он бы не спустил этого с рук».

Видимо, и у Бликсы Баргельда возникают похожие мысли, потому что вскоре мы переходим к теме

детей, и он с гордостью показывает на смартфоне фотографии своей крошечной дочери Анны. Он рассказывает, что ее второе имя — Миллисент, Миллисент Баргельд*, и весь стол от души смеется. Однако в нас, книготорговцах, просыпается профессиональное рвение, и мы говорим о том, что знаем лучше всего, — о книгах. Мы закидываем Бликсу рекомендациями по поводу замечательных детских книг, с которыми он просто обязан познакомить Анну. Мы меняемся ролями, и приходит наш черед выступать. Всю нашу компанию веселит этот рефлекс Павлова книготорговцев: «ребенок» равно «срочно нужна одна, две, а лучше много книг».

Наконец-то выпивается до дна последний бокал, и мы шумно покидаем ресторан, к этому моменту уже совершенно пустой, за исключением усталого официанта и его босса-зазывалы.

По безлюдному Санкт-Пёльтену мы, пошатываясь, бредем по снегу до своих машин, и уже далеко за полночь. Бликса возглавляет это шествие в пальто, которое выглядит так, будто он содрал его с Микаэля Нюквиста прямо на съемках фильма «Как на небесах». Интересно, может, у них один и тот же портной? Со спины он напоминает гигантского ворона, выпорхнувшего со страниц рассказа Лавкрафта на улицы пустынного Санкт-Пёльтена. Под мышкой он несет детское издание книги Эрнста Яндля «Мопс Отто», которое ему как признанному поклоннику этого писателя подарил издатель. Вдруг знакомый сценический голос разносится по

---

* На немецком Bargeld — наличные деньги. Millicent — $\frac{1}{1000}$ цента. Millicent Bargeld — $\frac{1}{1000}$ цента наличными. *Прим. ред.*

пустой улице: «Мопс врос в пол. Отто: во двор, мопс, пшел...» И мы доверчиво следуем за Бликсой, который продолжает декламировать Яндля, по лабиринту спящего города к нашим машинам. Я бросаю косой взгляд на Барби, которая идет рядом и курит. Она опережает мой вопрос и с улыбкой произносит: «Очень хорошо».

Знакомый менеджер по продажам сообщает, что в город приезжает Ти Си Бойл*. Крупное мероприятие в театре «Рабенхоф», нам нужно успеть достать билеты: народу будет много. Но есть кое-что еще — сверхсекретный ужин накануне, в узком кругу коллег-писателей, журналистов, друзей издательства. «Одна из твоих коллег — его большая фанатка. Думаешь, она хотела бы пойти?» Басистка дэт-метал-группы сидит за столом в подсобке и обрабатывает заказы по электронной почте.

— Ты бы хотела сходить на ужин с Ти Си Бойлом?

— Ничего себе, я? Одна?

— Нет, там будут и другие гости.

— А ты?

— Нет, вдвоем нельзя. Кроме того, я так плохо говорю по-английски, что мне стыдно.

— Одна я не пойду, мне не хватит смелости.

Проходит несколько недель, мы забываем об ужине с Бойлом, пока менеджер по продажам снова не звонит мне и не сообщает: «Первого мая, девятнадцать часов. „Штадтхойригер“. Приглашение на двоих».

Я набираю басистку:

— Какие у тебя планы на первое мая?

---

* Томас Корагессан Бойл — американский писатель. *Прим. ред.*

— Я думала, что у меня выходной.

В ее голосе слышится недовольство, и я почти читаю ее мысли: «Вы что, пытаетесь навязать мне очередной книжный стол?»

— У тебя ужин с Бойлом. Без паники. Я пойду с тобой.

— О боже!

Мы встречаемся на Йозефштедтерштрассе, и обе немного взволнованы. Я надеюсь, что компания будет не слишком маленькой, потому что у меня нет никакого желания выставлять напоказ свой плохой английский. В свою очередь, моя коллега так нервничает, что всю дорогу болтает без умолку, а как только мы входим в сад хойригера, то сразу замолкает. Она ничего не может из себя выдать, ничего не ест, залпом выпивает два белых шприцера. В какой-то момент к ней обращается маэстро, он обаятелен и остроумен, и они быстро находят общую тему — музыка. Она смущенно достает из сумки диск своей дэт-метал-группы, который случайно захватила с собой. Ти Си рад этому, и по дороге домой мы представляем, как он ставит его в проигрыватель в своем доме в Санта-Барбаре, там еще когда-то жил Френк Ллойт Райт, и слушает ее басовую партию.

Уже поздно, мы идем по улице Йозефштедтерштрассе к метро, вдохновленные этим классным, великим автором, чьи книги мы так любим и который, кроме всего прочего, так очарователен.

— Знаешь, когда я заболею Алыцгеймером и забуду все, совершенно все, я не смогу забыть этот вечер, никогда. Ты только подумай: я ужинала с Ти Си Бойлом в хойригере!

... **Н** у и правильно. В воскресенье он играет произведения Моцарта и Баха, а также Большую сонату си-бемоль мажор Шуберта в переполненной оперного театра. Ее можно услышать — вместе с четырьмя экспромтами, соч. 90 — на компакт-диске Шуберта, выпущенном Sony, которую сейчас представил Бухбиндер. Она была записана...

Вырванный из газеты клочок настолько маленький, что его можно убрать в кошелек не складывая. Он лежит на моем прилавке, херр Л. кинул его, проходя мимо, потому что он вечно куда-то торопится: «Закажите это для меня: позвоните мне!» Вечно суетливый, не особо вежливый, но мне удалось найти с ним общий язык: он сильно напоминает моего отца, всегда немного ворчливый и властный, но на самом деле он это не нарочно. По клочку размером три на два сантиметра нам нужно разобраться, чего именно хочет херр Л. К счастью, у нас невероятно много времени, и после утомительного поиска в интернете нам все-таки удастся четко определить нужный диск и заказать его. Хорошо еще, что мы на этом заработаем полтора евро.

Еще нас веселят пожилые люди, за завтраком заметившие по телевизору книгу, которую кто-то держит

перед камерой. «Она была зеленой! А автор — пастор или учитель, ну, что-то в этом роде. Разве вы не видели?» Нет, мы не можем позволить себе сотрудника, который будет сутки напролет смотреть все сорок каналов, но на помощь приходит интернет. Просто невероятно, что там можно раздобыть. У нас нет ни точного дня, ни точного времени, ни названия канала, знаем только, что книга была зеленоватая. В большинстве подобных случаев нам удастся отыскать издание, и мы радуемся этому не меньше, чем клиенты. Что только люди делали раньше, когда еще не существовало огромных каталогов, переплетенных в зеленую искусственную кожу, в которых все доступные издания были перечислены по алфавиту? Нужно было записать ISBN и заказать книгу по телефону. И это было не во времена молодости моей бабушки, а во время обучения Оливера по специальности. Тогда ни у кого не было мобильных телефонов и никто еще и не слыхивал об интернете. С одной стороны, книготорговцы радуются преимуществам интернета, с другой стороны, без него, наверное, дела бы шли гораздо лучше. Да, конечно, не ружье является злом, а тот, кто из него стреляет, не собака опасна, а хозяин, который ее натравил. И конечно, не интернет зло, а те, кто использует его для бесконечной прибыли.

Десять-пятнадцать лет назад все было относительно просто: врагами маленьких книжных лавок были большие книжные магазины. В первые несколько лет после нашего открытия мне снился один и тот же кошмар: на нашей улице открывается книжный супермаркет, и к нам больше никто не заходит. Толпы стекаются в огромный магазин с его автоматическими дверями, эскалаторами, метровыми стопками книг, разноцветными пластиковыми пакетами и специальными предложениями. Множество

специальных предложений. Нам приходится уволить весь персонал, аренда помещения становится непосильной, и мы устраиваемся на работу в один из таких больших книжных магазинов. Если повезет.

Со многими книжными магазинчиками, особенно в провинциальных городах, это происходило наяву. В нескольких минутах ходьбы открывается огромный магазин, еще несколько лет мелкий бизнес пытается держаться на плаву, но в итоге сдается и закрывается. Тем временем ситуация немного меняется, потому что крупные сети книжных магазинов, а точнее стоящие за ними акционеры и советы директоров, постепенно осознают то, что всегда знали мелкие книготорговцы: на книгах не заработаешь. Точнее, заработаешь так же, как мы. На этот доход можно жить, иметь теплую квартиру и, может быть, даже небольшой домик за городом, но не более. Ни огромной прибыли в конце года, ни выплаты дивидендов акционерам. И люди, стоящие у руля, реагируют на это, как и во всех отраслях: закрывают помещения, сокращают персонал и пытаются повысить показатели продаж, продавая товары с завышенной наценкой. И квалифицированным книготорговцам приходится занимать себя расстановкой садовых гномов и кофейных кружек или сортировкой лего по возрастным группам. Если бы нас только спросили. Владельцы маленьких книжных могли бы с самого начала объяснить, что на книгах не разбогатеешь; многие маленькие семейные бизнесы передают это знание из поколения в поколение. Звучит, возможно, банально и высокопарно, но разница между нами и «большими» состоит в том, что мы следуем за мечтой и пытаемся хоть как-то заработать ею на жизнь. Они же хотят получать прибыль, и чтобы с каждым годом все больше и больше. Книги мы развозим на собственной машине, для лыжных каникул мы снимаем

простую хижину без услуг, а летом позволяем себе недельный поход в Восточном Тироле. Правда, у нас есть загородный домик, а в прошлом году мы ездили в Лондон на пять дней, чего я не могла себе позволить в студенческие годы. Но все эти проявления роскоши влекут за собой угрызения совести и много-много сверхурочных часов работы, которые, конечно, не являются сверхурочными, потому что мы сами себе начальники. Но в большинстве случаев мы и не возражаем, потому что мы книголюбы, если не сказать книгоманы, и пусть это совсем не соответствует духу времени с его одержимостью развитием и стремлением нажиться: хотя мы и бизнесмены, сложно представить, что мы продаем что-либо, кроме книг. Время от времени закладку или мягкого дракончика Кокошу, но уж точно не стиральные машины, компьютеры, садовых гномов, автомобили или что-то еще.

Но теперь конкуренты поджидают не на больших улицах или в торговых центрах, конкуренция всех книготорговцев, больших и малых, — в интернете, называется «Амазон». Она питается ленью и легкомыслием людей, которые двумя-тремя щелчками мыши наполняют свои корзины и опустошают банковские счета, не покидая стен дома или офиса, потому что у них больше нет свободного времени или им кажется, что у них его больше нет. А через три дня к их порогу курьерская служба приносит книги, одежду, обувь, компакт-диски, тостеры и тому подобное.

Все началось с одного соседа. Он живет на третьем этаже, мы здороваемся на лестничной клетке, кажется, его зовут Андреас. В книжном магазине я его ни разу не видела, и вот однажды рядом с нашим

почтовым ящиком оказывается посылка с «Амазона». По размеру и форме она подозрительно похожа на книгу, и я теряю дар речи.

Я подкарауливаю его у контейнера для макулатуры.

— Почему ты заказываешь на «Амазоне», когда в доме есть книжный?

— Не знаю, так удобнее: я заказываю по ночам, раз-два — и готово.

— Ты можешь заказывать у нас!

— Всё?

— Всё. И на книги везде одинаковая цена.

— Я знаю.

— Отлично. Если тебе не хочется общаться при заказе, просто брось записку под дверь, и я оставлю книгу на коврике. Нет никакой необходимости вести беседы.

Это было очень просто. Я попыталась объяснить ему, и он понял. Вскоре после этого он переехал, но до сих пор заказывает у нас.

И я словно прозрела. Вдруг я начинаю замечать множество посылок с «Амазона», которые развозятся по нашему району: в руках курьеров или молодых людей, которые считают, что заказывать все через интернет — это очень круто. Те самые люди, которые только что окончили школу и были счастливы, что за углом есть книжный магазин, еще совсем недавно снабжавший их решебниками и справочниками по математике. На «Амазоне» такого нет. У нас их можно купить по стоимости менее пяти евро, учитывая десятипроцентную скидку от поставщика, мы зарабатываем с каждого экземпляра аж целых пятьдесят центов.

И всякий раз, когда я встречаю кого-то из них в очереди на почте, то завожу с ними разговор. Непокоримые. Знают ли они, что делают, когда совершают все покупки только в интернете? Интересно,

безразлично ли им, если в какой-то момент в их районе не останется ни одного магазина?

Я не помню, когда именно мы осознали, что наш враг — не крупная сеть книжных магазинов на другом конце города, а невидимый враг в веб-сети. Что вдруг стало круто заказывать щелчком мышки и неприлично отправляться в маленький магазинчик и говорить, чего бы тебе хотелось. И все чаще и чаще мы чувствуем, что нас недостаточно, испытываем стыд, когда у нас не оказывается нужной книги и ее невозможно доставить в течение дня. «Амазон» вдруг становится всемогущим: что бы там ни было написано — все воспринимается как истина, а мы вдруг превращаемся в маленьких пыльных дилетантов. Почему мы принимаем это на свой счет? В конце концов, «Амазон» не выдает книги тут же, как мы. Даже те, что в топе текущего списка бестселлеров! Их нужно заказать, а через день книгу доставит курьер, который не отдаст ее, если вас не окажется дома. Что в этом такого замечательного? И многие еще не усвоили, что интернет и «Амазон» — две разные вещи.

— У вас есть в наличии эта книга?

Заглядываю в компьютер:

— К сожалению, нет, и она распродана.

— Что значит распродана? У вас?

— Нет. «Распродана» значит, что ее нельзя заказать.

— Но она есть в интернете!

— Вы имеете в виду на «Амазоне»?

— Да, там ее можно заказать.

Мы вместе заходим на «Амазон»: книга «доступна у этих продавцов». Мы повторяем избитую фразу о том, что это частные продавцы, которые продают книги через маркетплейс, и в основном подержанные книги, кроме того, большинство из них не отправляет посылки в Австрию. Нам мало кто действительно верит, ведь «Амазон» утверждает, что товар «доступен».

Мы реагируем на весь этот интернет-ажиотаж, расширяя наш сайт и интегрируя в него интернет-магазин. Зарегистрировавшись, вы можете искать и заказывать самостоятельно, как и у крупных поставщиков. И можно выбрать между самовывозом и доставкой. Конечно, бесплатная доставка по всей Австрии. Мы не можем себе этого позволить, но нам хочется быть такими же хорошими, быстрыми и клиентоориентированными, как наш конкурент с миллионным оборотом. И мы нуждаемся в рекламе. Нам больше не приходится рассчитывать на то, что каждый, кто живет в нашем районе и время от времени покупает книги, автоматически будет делать это у нас. Раньше я считала это естественным, но теперь у меня появились серьезные сомнения на этот счет.

Необходимо собственное печатное издание! Ужин в ресторане, где все началось тем самым летом, когда представитель рассказал нам о закрытом книжном магазине. Нам повезло, что парень нашей сотрудницы Анны — графический дизайнер, и не просто профессионал в своем деле из тех, кто обычно работает с крупными компаниями, но и тот, кто знает, как что-то должно выглядеть, чтобы нам угодить. На столе тафельшпиц и шницель, пиво и шприцеры с белым вином, а еще бесчисленные газеты, брошюры, рекламные проспекты и журналы, рассортированные на две стопки по принципу «совсем не нравится» и «нравится». Основное ясно: мы все пишем сами, не хотим никакой рекламы и не поддаемся влиянию списков бестселлеров. В журнал попадет то, что посчитаем хорошим мы, и для каждого сотрудника найдется место на страницах. Обсуждение быстро подходит к концу, но вечер на этом не заканчивается, и на следующий день мы получаем набросок дизайна журнала. Он выглядит в точности таким, каким мы его себе представляли.

Через несколько недель в почтовых ящиках жителей нашего района лежит Hartliebs 01, и мы гордимся этим, как будто основали новую ежедневную газету. Нам кажется или в лавке вдруг появились новые лица? Я наблюдаю за одним из них: просесть на висках, дорогой пиджак, отличные джинсы, черная оправа, уверена, архитектор или графический дизайнер. Он просит календарь для вида, чтобы осмотреться. В какой-то момент он оказывается передо мной:

— Скажите, это вы разослали журнал по всему району?

— Ну да, видите, можем себе позволить!

Он смеется, мы перебрасываемся несколькими фразами, я спрашиваю его напрямую, как давно он здесь живет и бывал ли он у нас раньше. Он живет в трех минутах ходьбы от нас уже пять лет и однажды купил у нас открытку. До этого момента он придерживался мнения, что маленькая провинциальная книжная лавка не может соответствовать его литературным стандартам, поэтому он вообще не заглядывал сюда. Это уже ни в какие ворота! Ты лезешь из кожи вон, вкладываешь все свои деньги в квалифицированный персонал, делаешь ремонт за сто тысяч евро, пытаешься быть в курсе всех новых публикаций и тенденций, лично знаешь всех значимых австрийских авторов, а потом такие типы, как он, даже не заходят, потому что адрес, понимаете ли, недостаточно крут.

На рождественской вечеринке крупного издательства я общаюсь с одной знакомой журналисткой, и она предлагает написать в городской газете материал о книжной торговле как об исчезающей отрасли. Со мной на обложке в качестве борца с гигантами интернета. Я должна представлять интересы других

книжных, которые проходят через то же самое, что и мы.

Она расспрашивает меня, и я стараюсь отвечать честно, но не слишком плаксиво. Неделью спустя моя фотография красуется в газете: у меня изможденный и немного подавленный вид. Заголовок: «В одиночку против „Амазона“». Открыв на нужной странице, я осознаю, что статья понравится далеко не всем. И действительно, не успевает газета попасть в почтовые ящики, как раздается первый звонок: почему я заявляю, что представители отрасли ничего не делают против конкуренции в интернете? Почему я считаю, что никто ничего не делает, когда рабочая группа по этому вопросу существует уже три месяца?

О рабочей группе я ничего не слышала, и, в конце концов, это было просто интервью, меня спросили, и я ответила. Некоторые покупатели приходят в магазин и с гордостью заявляют, что они всегда понимали это и что покупают все книги, все до одной, только у нас. И нигде больше, и уж точно не в интернете.

Журналистка из городской газеты — настоящая провидица, у которой хорошая интуиция на горячие темы, потому что внезапно «Амазону» уделяют много внимания в СМИ. Где-то посреди ночи появляется репортаж об интернет-гиганте. Два репортера проникают в логистическую компанию а-ля Вальраф* и разоблачают в первую очередь плохие условия труда: большинство сотрудников набирается через агентства временного трудоустройства, люди приезжают из регионов с высоким уровнем безработицы, таких как Испания и Восточная Европа, их заманивают

---

* Гюнтер Вальраф стал известен благодаря своим поразительным методам журналистских расследований и нескольким крупным публикациям о низших сословиях.

ложными обещаниями, расселяют в неблагоприятных условиях, у них нет регламентированного рабочего времени, и за ними следит частная служба безопасности. И вот благодаря «Фейсбуку»[◊] и «Твиттеру» то, что пять лет назад заинтересовало бы лишь горстку увлеченных людей, поднимает настоящую шумиху. Репортажем делятся и ставят тысячи лайков, другие СМИ запрыгивают на этот мчащийся поезд. Внезапно интернет-магазин оказывается не таким уж крутым, плохо обращается со своими работниками, собирает огромные суммы субсидий, потому что располагается в районах с низким уровнем развития производства, не платит налоги в Германии и Австрии, потому что штаб-квартира компании находится в Люксембурге, а если сотрудники, нанятые в соответствии с немецким законодательством, объединятся в профсоюз, то у компании возникнут проблемы.

Коллега, обычно немногословная за утренним кофе, вдруг обращается ко мне:

— Ты заметила?

— Что именно?

— У нас много новых клиентов. Молодых.

Несколько месяцев назад мы поняли, что наши покупатели в основном преклонного возраста. Не все они действительно старые, но большинство из них относятся к категории «серебряных серферов» интернета. Для нас это не проблема. Они образованы, обладают высокой покупательной способностью и ценят наши советы. Проблема в том, что они значительно старше нас, а это значит, что в какой-то момент они уйдут, а мы останемся. Надеемся, что останемся. Мы видим не только то, как взрослеют дети, но и как энергичные дамы теряют рассудок, а спортивные старики — силу и энергию.

Самые преданные клиенты — это мамы. Им все равно приходится выходить по утрам на улицу, чтобы

проветрить своих отпрысков, поэтому бессмысленно заказывать книжку с картинками через интернет, к тому же у нас гораздо приятнее. А вот промежуточные возрастные группы — где они? Студенты, например. Или молодые, перспективные юристы, архитекторы, рекламщики. Похоже, они много сидят в интернете и в перерыве между онлайн-заказами зашли на «Фейсбук»[♦] и «Ютьюб», где и увидели этот репортаж об «Амазоне». И поскольку они в целом неплохие люди, просто немного ленивые, то им это не нравится, и они вспоминают о маленьком книжном, мимо которого уже проходили по пути в булочную или аптеку. И вдруг они оказываются на пороге магазина и нерешительно оглядываются по сторонам. Они радуются, если к ним обращаются, удивляются тому, как много всего можно найти на наших полках, и тому, что здесь работают не сварливые старухи с пучком на голове и очками на цепочке. Они окончательно сражены тем, что у нас можно заказать любые книги, даже справочники и учебные пособия для университета.

— В смысле заказать?

— Ну да, мы закажем книгу, и она придет завтра.

— В смысле завтра?

— Ну да, именно завтра. После обеда вы можете ее забирать.

— И так с любой книгой?

— Почти с любой. Некоторые доставляют в течение двух дней. Если она не распродана, то мы ее достанем, просто может понадобиться больше времени.

— И без дополнительной платы?

— Без. У книг везде одинаковая цена.

— Круто!

— Мы тоже так считаем.

Иногда мы задаемся вопросом, сколько денег было потрачено различными ассоциациями на кампании закона единой цены и как могло получиться, что так

много людей не знают, что в большом книжном или в интернете вовсе не дешевле.

Они идут к нам и в другие маленькие книжные, потому что испытывают угрызения совести, когда заказывают у интернет-гиганта. И они остаются с нами, потому что понимают, что покупать книги в настоящем магазине вовсе не глупо, не старомодно и даже круто. Здесь, помимо совета, можно услышать что-нибудь смешное, упаковать книгу в подарочную бумагу или получить информацию по телефону, если для доставки вдруг потребуется больше времени.

После того как покупателю десятилетиями внушали, что он король, причем без каких-либо ограничений, нам теперь приходят письма следующего содержания: «Поскольку я больше не хочу заказывать на „Амазон-не“, то хотел бы узнать, какую скидку вы мне можете предоставить». Приходится объяснять, что мы (как и «Амазон») не делаем скидок, потому что придерживаемся закона единой цены. Мы не берем плату за почтовые отправления, при необходимости упакуем все в подарочную бумагу и, если надо, даже станцуем для вас голыми на столе. Нет, конечно, этого мы не пишем, хотя мне бы очень хотелось. Когда-нибудь я точно так напишу.

Оборот нашего интернет-магазина неуклонно растет, и мы решаем перевести одного сотрудника на должность офисного работника. Оливер занимается почти исключительно бумажными делами — выставляет и оплачивает счета, готовит отчеты для бухгалтерии, обновляет сайт, составляет расписание смен, но за последние несколько лет объем настолько увеличился, что ему с трудом удастся справляться. Басистка, которая к этому времени с нами уже

восемь лет, назначается менеджером интернет-магазина, отвечает на электронные письма и разбирается со сложными заказами. Она довольна переменами, мы ласково называем ее мисс Манипенни*, и после стольких лет в одной и той же компании она рада заняться чем-то другим — для разнообразия.

Мы полгода всюду вкладываемся в рекламу, выпуская еще один журнал, третий по счету, рассказываем всем, даже если они не хотят этого слышать, что нет совершенно никакой надобности заказывать на «Амазоне». Наши продажи продолжают расти, на протяжении всего года в магазине появляются новые молодые покупатели и новые имена в нашей клиентской базе.

И снова наступает рождественский период. Медленно, но неуклонно растет ежедневный оборот, и наш ящик для сбора заказов все чаще полностью забит. Из факса постоянно вылетают заказы из интернет-магазина, а новая сотрудница бэк-офиса, которой и без того пришлось увеличить график с тридцати до сорока часов, постоянно перерабатывает. Наш ящик для заказов уже давно слишком мал, мы убираем в офис все, что туда только может вместиться, и делаем новый ящик, в три раза больше прежнего. В нашем магазине площадью шестьдесят квадратных метров люди терпеливо выстраиваются в длинную очередь, и иногда людей настолько много, что мы даже не можем пробраться через нее. Порой мы стоим за прилавком вчетвером, проблема в том, что у нас только один кассовый аппарат, около которого мы все одновременно крутимся, засовываем деньги, вынимаем сдачу, и настоящее чудо, что к вечеру все сходится. В первую неделю это кажется очень

---

* Мисс Манипенни — персонаж романов и фильмов о Джеймсе Бонде — секретарь М, главы МИ-6. *Прим. ред.*

веселым: сотрудники увлечены делом, теснота за прилавком нас не беспокоит, служит поводом для новых шуток, которые не обходят стороной и покупателей. Однажды, хотя в магазине и яблоку негде упасть, неожиданно становится тихо, почти благоговейно тихо.

— Невероятно, что здесь творится, — замечаю я в тишине.

И тут из самой глубины, из уголка детских книг, раздается голос:

— Ну, фрау Хартлиб, вы весь год проповедовали нам, что не нужно заказывать на «Амазоне», теперь получайте!

На второй неделе усталость дает о себе знать: пересказывая содержание книг, я время от времени путаю ту или иную историю, имена покупателей удерживаются в памяти ровно на пять секунд. Просто невероятно, сколько книг проходит через прилавок за день, сколько историй пересказывается, сколько подарков заворачивается. Наши постоянные покупатели приносят нам мандарины, домашнее рождественское печенье и столько шоколада, что в подсобке всегда есть запас. Трое поставщиков каждый день доставляют башни из книг, и лестничная площадка полностью загромождена, что вызывает не совсем необоснованную жалобу со стороны арендодателя. Мы стараемся побыстрее переносить все в наш офис, в результате чего иногда можно просто застрять между упаковочным столом и грудой коробок с книгами в человеческий рост. За прием товара отвечает Оливер. Проблема в том, что он не может приступить к большинству коробок до вечера, потому что бокс для хранения можно заполнить новыми книгами только тогда, когда в нем освободится место. Его ночные смены становятся все длиннее: сначала до двух часов ночи, через несколько дней уже до четырех утра. За неделю до Рождества у меня день рождения, уже много

лет не было ни подарков, ни торта, ни совместного ужина. Но в этом году мой муж будит меня с кружкой кофе и маленькой свечкой в руках: «С днем рождения, дорогая. Мне очень жаль. Тебе нужно вставать, я не успел убраться в магазине». Я с трудом выбираюсь из теплой постели, в которую погружается мой муж и мгновенно засыпает, спускаюсь по лестнице со своим большим латте и вхожу в свой книжный магазин, мечту всей моей жизни. В торговом зале стоят семь коробок, отсортированных в алфавитном порядке по именам покупателей, максимум половина из которых поместится в боксе для хранения заказов. Две высокие башни из коробок, набитых книгами, — пополнение ассортимента, которое тоже нужно куда-то девать. Сейчас половина седьмого, мы открываемся в девять, и тогда первые покупатели ворвутся в магазин. Я сажусь на небольшую красную скамейку в задней части книжного магазина и тихонько плачу. Все не так, как я себе представляла: мечта о моей маленькой уютной книжной лавке превратилась в кошмар. Мною овладевает чувство безнадежности: как же мы справимся? Призраки, которых я сама вызвала, поселились в голове: пути назад нет, как при восхождении на гору, когда на середине нельзя просто остановиться и заявить, что больше не хочется. В восемь часов приходят две сотрудницы, и, хотя Ева вообще-то работает с полдевятого, она, видимо, почувствовала, что не помешало бы прийти пораньше. Она на мгновение берет меня за руку: «Эй, мы справимся» — и отправляет на получасовую прогулку с собакой. Когда я возвращаюсь без пяти девять, большая часть коробок уже разобрана, остальное спрятано в офисе и вся команда на месте. Получилось. Покупатели радостно входят в магазин, мы встречаем их в хорошем настроении. Я снова в строю, до обеденного перерыва осталось всего пять часов.

В последнюю неделю мы пытаемся собрать остатки сил, поэтому у каждого сотрудника есть часовой перерыв и в идеале ему не нужно заботиться о поиске еды. Другими словами, мы обращаемся к хорошим друзьям, и они обеспечивают нас готовыми обедами, которые можно легко разогреть. Целый час можно спокойно сидеть за кухонным столом, есть, молчать, читать, и при желании еще хватит времени, чтобы прилечь на диван и немного вздремнуть до конца перерыва. Однажды к нам приходит подруга с огромной сумкой, набитой овощами, и варит суп для нас всех. Родители стажера проносят через весь магазин на нашу кухню две огромные еще горячие лазаньи, одну с мясом, другую вегетарианскую, в придачу — салат и десерт. Мы размораживаем все соусы для спагетти, заранее приготовленные осенью, а на ежегодной рождественской вечеринке издательства я снова встречаю журналистку, напроорочившую про «Амазон». Когда она спрашивает меня о рождественских делах, я просто отвечаю: «Отлично и ужасно одновременно, мы не справляемся. И это по твоей вине!» Я шучу, но, видимо, это прозвучало слишком серьезно, потому что она закрывает рот руками: «О боже! Я могу чем-то помочь?»

«Приготовить нам еду!» — мой ответ, и через три дня она появляется в книжном магазине с огромной кастрюлей домашнего карри. Один знакомый представитель приносит картофельный гуляш в двух вариантах — с сосисками и без, а чтобы мы не испытывали нехватку персонала во время обеденного перерыва, он сам встает за кассу. Мой муж всегда отправляет меня спать в полночь, ведь именно мне приходится стоять весь день и улыбаться, а с этим я могу справиться, только выспавшись. Мне снится,

что я стою у кассы и не могу понять, сколько сдачи получит покупательница, если ей нужно заплатить сорок евро восемьдесят центов, а она протягивает купюру в пятьдесят евро.

Пятнадцатичасовые смены теперь удастся вынести только с обеденным сном, и, если бы кто-то сообщил почти в час дня, что мой перерыв отменяется, я бы разрыдалась у всех на виду. Я опускаюсь в постель в затемненной комнате, натягиваю одеяло на голову, беруши помогают от шума стройки наверху. Но, к сожалению, не от назойливых голосов в моей голове. Я моментально засыпаю, а когда через двадцать минут звенит будильник, я понятия не имею, который час, и мне нужно несколько мгновений, чтобы осознать, что нужно возвращаться из тихой спальни в бурлящую жизнь. Брызги холодной воды в лицо, эспрессо на скорую руку — и снова в бой, и снова это доставляет удовольствие. Иногда приходится идти в подсобку, чтобы принести книгу с небольшого склада, и по пути удастся быстро засунуть в рот что-нибудь сладкое. Анна застает меня, когда я отчаянно тычу ножницами в упаковку конфет с пралине, потому что по-другому в спешке открыть не получается.

Когда мы ровно в шесть вечера закрываем дверь магазина, то принимаемся подсчитывать выручку, и Оливер может считать все что угодно из журнала кассового аппарата. Сколько книг мы продали. Сколько заказали. Сколько покупателей взяли хотя бы один экземпляр. В конце концов, это от пятисот до семисот человек за неделю перед Рождеством. То есть семьсот человек на шестидесяти квадратных метрах, и из этих семисот шестьсот девяносто были веселыми, дружелюбными и милыми. Оставшимся десятерым мы перемоем косточки за пивом после работы, немного посплетничаем, без этого никак, даже если это не совсем правильно. Отдельная

гордость — это друзья, которые когда-то были просто клиентами, а теперь покупают у нас все свои рождественские подарки, никогда не просят скидку и практически навязывают свою помощь. Например, юрист, которая взяла выходной, чтобы сходить за рождественскими покупками, и спонтанно предложила свою помощь, увидев, что мы погрязли в делах. Я отправляю ее в банк разменять деньги, а после этого она в подсобке заворачивает сорок две книги в белую папиросную бумагу, завязывая сверху бантики. Иначе это стало бы заданием для моей ночной смены: заказ кардиолога, рождественские подарки для его коллег. Только когда коробки уже готовы к доставке, я осознаю, что наша помощница, вероятно, знает кардиолога, поскольку ее муж когда-то работал вместе с ним в больнице.

Или пресс-секретарь научно-исследовательского института, которая забирает свои книги перед самым закрытием, а потом за бокалом вина вместе со мной до позднего вечера наводит порядок в книжном.

Или невролог, который любит приходить, едва мы только закроемся, и робко стучать в дверь. Мы с ним знакомы и обычно с радостью открываем. Главный врач — один из наших первых клиентов, когда мы еще почти никого не знали, и я вспоминаю, как однажды в субботнее утро он, сияя от радости, объявился на пороге нашего магазина с выпечкой из Trześniewski* и протянул ее поверх голов покупателей. «Поддерживаю культуру» — так он прокомментировал эту акцию. Но сегодня уже семнадцатое декабря, и за девять часов я успела пересказать, кажется, десять тысяч романов. Мне же хочется немного убраться, а затем лечь перед телевизором с красным вином, без которого никак. Разговаривать больше нет желания,

---

* Известная сеть булочных в Вене.

даже с очаровательным доктором. Конечно, мы его выпускаем. Конечно, помогаем выбрать рождественские подарки. Конечно, я заверну все в оберточную бумагу. А потом он спрашивает:

- Что вы сейчас будете делать?
- Разбирать товары, которые доставили сегодня.
- Но вам нужно что-нибудь поесть!
- Мы сделаем бутерброды и будем дальше работать.

— Так не годится, — бормочет он, достает из кармана мобильный телефон и заказывает такси по нашему адресу.

Через десять минут мы сидим в уютном фриульском ресторанчике неподалеку от ратуши, доктор, видимо, здесь завсегдатай, и нам выделяют столик, несмотря на большое количество рождественских гостей. Мы заказываем воду, вино и поленту, а также фрико с картофелем и панакоту на десерт. Примерно через час наш небольшой отдых заканчивается, и доктор, рассчитавшись, снова вызывает такси. И снова Оливер возвращается за стол для распаковки, а я сортирую книги в мягких обложках по алфавиту.

А еще есть милые соседи, которые кормят нашего ребенка ужином и выгуливают собаку в лесу по субботним утрам. Учителя дочери, которые все до одного закрывают глаза, когда декабрьская запись в дневнике в очередной раз остается без подписи. Люди, которые приглашают нас на ужин и не ожидают никаких бесед в ответ. Наш сын, который безропотно выполняет все поручения, хотя мы едва успеваем давать ему правильные адреса. И наша дочь, которая не жалуется, что квартира превратилась в склад, что ей часто приходится завтракать в одиночестве, потому что, когда она встает, ее отец только что лег спать, а мать уже на работе, и которая по-прежнему получает только «отлично», хотя мы даже не спрашиваем,

сделала ли она домашнее задание. Все они — часть чудесного и одновременно ужасного периода, который ожидает нас каждый год, и каждый год к февралю мы уже немного забываем, какими невероятно уставшими были в последнюю неделю декабря.

Если бы не этот период, то и книжного бы у нас не было: выручка за декабрь — это весь наш доход.

Оливер сделал для меня впечатляющий расчет: в первые одиннадцать месяцев деньги уходят на аренду, закупки, персонал, страхование, компьютерное обслуживание, социальное обеспечение, а наша выручка за декабрь и становится тем, что мы в итоге зарабатываем. Так что мы не жалуемся на семь сотен человек, которые проходят через наш магазин. Только иногда в декабре очень хочется один выходной или хотя бы полдня.

Зачастую то, с чем к нам обращаются, не имеет никакого отношения к книгам.

— Вы, случайно, не знаете, есть ли еще свободное время у няни, что живет через дорогу?

— Вы не слышали, как обстоят дела в детском саду на Гентцгассе?

— Можете ли вы порекомендовать уборщицу, учителя игры на фортепиано, носителя английского языка?

— Могу ли я оставить у вас ключи для моего отца, который сегодня приезжает из Штирии?

И множество пожилых людей, которые часто находят предлог, чтобы прийти к нам немного поболтать. Девяностосемилетняя фрау Ф. регулярно приносит список своих правнуков, рядом с их именами в скобках указан соответствующий возраст, и мы вместе подбираем книгу для каждого из них. Я уже знаю, что Мориц — классный парень и интересуется спортом, что Ибрагим родом из Индии и еще не очень хорошо знает немецкий, а маленькая Мари всегда рада чему-нибудь с пони.

Некоторые дети приходят сами, как маленький Фердинанд, который играет дома в «За покупками к семье Хартлиб» на коврике с дорожным движением, машинками Matchbox и фигурками Playmobil,

и второклассник, который звонит своей маме от нас из-за поломки трамвая. Многие дети осмеливаются честно раскрыть свои предпочтения, примерно так: «Моя мама хочет, чтобы я читал приличные книги, но я люблю „Дневник слабака“». Или одиннадцатилетняя девочка, которая пристаёт к моему коллеге с просьбой посоветовать книгу, и обязательно смешную. А когда ее спрашивают, что она любит читать, то она смущенно улыбается: «Ничего».

Особенно приятно, когда покупательница заказывает у нас книгу и через три дня одалживает ее мне почитать, потому что она ей очень понравилась, или когда пара приобретает у нас модную кулинарную книгу и через неделю приглашает нас на ужин. Ради этого мы отпираем двери магазина, рекомендуем книги и терпим некоторых невежливых, ворчливых и заносчивых покупателей. Тех самых, кто не здоровается, считает нашу упаковочную бумагу «абсолютно уродской», приходит в полный ужас от информации, что у нас нет в наличии книги четырехлетней давности о Габсбургах и что нужно подождать до следующего дня. Покупатели из разряда «А у вас есть», которые делают вид, что не замечают нас, и уж тем более не здороваются и недоумевают от того, что мы не держим в голове, пришла ли заказанная три дня назад книга. Те, кто в обязательном порядке просят скидки, хотя и покупают не более двух книг в год. И те, кого мы называем «позовите мне главного», потому что они считают, что моя рекомендация книги намного ценнее рекомендаций моих коллег, на самом деле разбирающихся в отведенных им областях намного лучше, чем я. Не говоря уже о совершенно нервных клиентах-эзотериках, которые почти готовы себя убить, если у нас в наличии не оказалось «Кода исцеления». Но мы их всех терпим, потому что знаем, что мы хорошие, и знаем, что большинство

наших клиентов тоже это знают. И что они приходят к нам не потому, что нас нужно поддерживать, как вымирающий вид обезьян в зоопарке, а потому, что мы им нравимся и здесь весело, а все наши сотрудники освоили принцип «покупатели, купившие этот товар, также купили...», только более человечно, чем алгоритмы «Амазона».

А еще есть те, для кого мы стали частью семьи, кто приносит нам печенье, шоколад и сладкое в рождественский период, цветы или фрукты с субботнего рынка. Молодая женщина с двумя маленькими дочками, которая в жаркий июльский день угощает нас мороженым.

Или незнакомец, который помогает мне убрать снег с навеса книжного магазина холодной февральской ночью. Было уже поздно, и валил густой снег, и я, явно перебрав с алкоголем, опоздала на последний трамвай из Шоттентора домой. Небольшое гамбургское издательство пригласило книготорговцев и журналистов: одни покупали книги, другие писали о них. Это был один из тех вечеров, когда кажется, что ты молод, умен, успешен и неотразим: беседа была такой приятной, обстановка — такой прекрасной, и, конечно, официант весь вечер, не спрашивая, подливал вино.

Но сейчас, на холодном ночном воздухе, я чувствую себя не умной и успешной, а пьяной. По крайней мере, я иду в правильном направлении, трамвайная остановка «Шоттентор» кажется еще уродливее, чем днем. Линия 40/41 завершила свою работу. Следующий поезд в 5:31. Это только через несколько часов.

Очень холодно, ветер завывает, я поднимаюсь по узкой лестнице на улицу Верингерштрассе.

Я просто двигаюсь по направлению на север, в сторону от центра. Насколько это длинная улица, я не знаю, но могу предположить, что около двух

километров. Пройдясь немного, я сажусь в такси. В какой-то момент заглядываю в сумку, бумажник на месте, но в нем только купюра в сто евро. Так не пойдет! Я не могу взять такси, чтобы проехать всего несколько километров! Мне придется расплачиваться своей сотней, и таксист меня обманет. Так и случится. Я в этом уверена. Об отсутствии у меня арифметических способностей ходят легенды, даже в трезвом состоянии я не могу пересчитать сдачу, а с несколькими лишними бокалами вина это вообще нереально.

Два километра — не все так плохо, и, когда мы подъезжаем к зданию Фольксоперы, я почти отрезвела. И вот передо мной мой книжный магазин!

Вообще-то, уже можно было привыкнуть к этому, в конце концов, магазин существует далеко не первый год, но время от времени у меня еще на мгновение захватывает дух при виде своего имени на белом навесе. Мой книжный магазин. Наш книжный магазин, конечно, но имя-то мое. Наше имя, конечно, но у меня оно было всегда, а мой муж любезно взял его тринадцать лет назад. Имя моих родителей, моей сестры, моих детей. Но вообще-то я не должна его видеть: навес должен быть убран. Поскольку именно я закрывала сегодня в шесть вечера, это может означать только одно: именно я забыла убрать навес. На него навалило не менее двадцати сантиметров снега, и он сильно провис. Уже два часа ночи, зато я протрезвела — по крайней мере, мне так кажется — и открываю магазин. Постукивая шваброй снизу, я пытаюсь освободить ткань от массы снега. Это получается, но медленно.

— Добрый вечер. Могу я вам помочь?

— Ой, здравствуйте, тоже так поздно гуляете?

Из такси выходит один из наших привычных субботних клиентов: прогуляться по рынку, затемкупить газеты, включая немецкий вкладыш, и наконец

заглянуть в книжный, чтобы приобрести литературные новинки. Хорошо одет, вежливый и сдержанный, расплачивается наличными.

— Да, я только что с затянувшегося заседания совета директоров. У вас есть еще швабра?

Он опускает свой портфель на пол, берет швабру из моих рук и начинает осторожными движениями — он в кожаных ботинках — стряхивать снег с навеса. Мы работаем бок о бок в тишине как минимум двадцать минут, он все равно умудряется поскользнуться, и к нам в куртки набивается чуть ли не по пять килограммов снега, в его модное зимнее пальто с узором «гусяная лапка» и в мою старую парку. В конце концов я сворачиваю навес, он проверяет, получается ли, и со словами «спокойной ночи» уходит. Вот такие они, наши клиенты. По крайней мере, большинство из них.

Иногда нелегко брать деньги с друзей. Несомненно, они получают что-то взамен — книги, а те стоят денег, и, в конце концов, мы тоже не даром их получаем. Тем не менее это кажется странным, и вообще превращать друзей в клиентов — сложно и чудесно одновременно. Обычно сначала они клиенты, регулярно заглядывают, беседуют о книгах, рассказывают о партнере, для которого ищут подарок, о детях, один из которых не любит читать, а другой проглатывает самые толстые книги. Иногда мы узнаем, что у клиента умерла мама или после долгих совместных лет ушел муж. Не из чистого любопытства, а потому, что таких разговоров не избежать, когда речь заходит о книгах. Вообще-то, книготорговцев необходимо обязать хранить служебную тайну, потому что выбор книг иногда говорит о человеке такое, что никому нельзя знать. Некоторые из покупателей совершенно не стесняются и наслаждаются нашим безграничным восхищением. Например, одна девушка, которая громко и четко спрашивает в переполненном магазине про «Идеальный оргазм». И на вопрос коллеги: «Вам он нужен прямо сейчас или можно заказать?» — она не краснеет и не сдается. Он нужен ей незамедлительно.

Или местный политик, который просит своего секретаря достать книгу «Говори как Обама». Я пробиваю сумму на кассе, беру оплату, вручаю книгу и тут же убегаю в подсобку, где заливаюсь смехом.

Конечно, есть и такие, кто регулярно покупает очень много книг, хотя нам известно, что они далеко не богаты, тем не менее их книжные полки, должно быть, ломятся. Поэтому иногда приходится отказывать, по крайней мере оттягивать время, как хороший хозяин ресторана, который может определить, когда гость уже достаточно выпил, и больше не подливает ему. «Сначала прочитайте то, что лежит на прикроватной тумбочке, а потом возвращайтесь».

Иногда объявляются друзья из прошлого и совмещают свой неожиданный визит с покупкой книги, и, конечно, это очень радует, даже если порой странно говорить другу: «С тебя пятьдесят шесть — пятьдесят. Пакет нужен?»

Некоторые люди, которые приходят «навестить» меня в магазине, забывают, что это мое рабочее место. Они громко кричат «Ку-ку» на входе и очень удивляются, если я не могу выслушать последние новости про их отношения. И когда однажды мама моего бывшего парня, которого я не видела одиннадцать лет, за вращающейся информационной стойкой издательства «Диогенес» со слезами на глазах произносит: «Столько времени прошло, я просто хотела тебя увидеть», то я жалею, что я не учитель, не президент или административный чиновник, которых нельзя так неожиданно посетить на рабочем месте.

Криминальный роман, который я в шутку начала писать с берлинским журналистом, действительно был закончен после долгой и напряженной работы.

Понятия не имею, как я это сделала. По ночам и вечерам, в выходные и в отпуске, в любом путешествии на поезде. Рукопись получилась больше трехсот страниц. Целые выходные мы вдвоем пересчитываем страницу за страницей, исправляем логические ошибки, переписываем переходы от одной части к другой. И что теперь? Ну, у нас есть два варианта. Либо признаться, что это было неплохое упражнение для пальцев, интересный эксперимент, и убрать текст в ящик... либо сделать краткое описание и попытаться найти для него издателя. Я выбираю последнее, а берлинский журналист отказывается: «Я не могу поставить под этим свое имя! Я литературный критик, меня все знают, не хочу выставлять себя на посмешище». В нашем дуэте я всего лишь продавец книг, мне нечего терять, поэтому поиск издателей я беру на себя. Я обзваниваю нескольких людей с просьбой взглянуть на книгу, издателям отправляю первые три главы, включая синопсис. Я не звоню повторно, не оставляю напоминаний. На это у меня нет времени. Только у одного издателя на Франкфуртской книжной ярмарке я интересуюсь, дошла ли почта, потому что именно туда я только что отправила без запроса свой манускрипт на анонимную редактуру.

Австрийский издатель, которого я давно знаю, звонит мне и сообщает, что текст ему очень нравится, но одновременно немного раздражает. «Если честно, в тексте полно стереотипов. С этим нужно что-то сделать». Я бы с радостью, поэтому мы и ищем издателя с хорошим редактором, но что не так со стереотипами? «Послушай, это криминальный роман. И история играет на стереотипах Германии и Австрии. Совершенно сознательно». Я рада критике нашего текста: уверена, что в нем есть криминологические ошибки, которые мы не заметили. Но стереотипы намеренные и очень даже неплохие.

«Вы знакомы с работами Донны Леон? Венецианские стереотипы. Вам они знакомы? И не сказать, что это не пользуется успехом. Мне бы и этого хватило».

Вена — значимая культурная столица, поэтому ей необходима собственная книжная ярмарка. Не маленькая выставка, а настоящая ярмарка — в выставочном центре, со стендами издательств и большим книжным базаром, где представленные книги можно сразу же приобрести. И конечно, мы не можем остаться в стороне: вместе с несколькими другими книжными магазинами мы организуем огромную ярмарку на четыре дня. Я сижу между тремя палетами на грязном полу зала и пытаюсь отыскать книги для ценников в моей руке, неожиданно звонит мобильный: неизвестный номер, незнакомый мне код города.

— Приветствую. Меня зовут С. Я бы хотел поговорить о вашей рукописи.

— Серьезно?

— Ну, точнее, не поговорить, а сообщить, что мы хотим ее издать.

— Очень смешно. С кем я разговариваю?

— Издательство «Диогенес». Слышали о таком? Я один из управляющих директоров.

Я приподнимаюсь, настороженно оглядываюсь по сторонам с уверенностью, что кто-нибудь из моих любимых коллег вот-вот выйдет из-за угла, смеясь, с мобильным телефоном у уха. Что-то вроде скрытой камеры, но, надеюсь, без камеры. Голос по телефону продолжает оживленно что-то рассказывать об авансе, контракте и о том, что все уже готово. У него действительно швейцарское произношение, все кажется правдоподобным. После разговора мне сначала надо

посидеть. Я должна позвонить берлинцу, но только после того, как отдышусь.

— Мне только что звонили из издательства «Диогенес»! Они хотят опубликовать нашу книгу!

— Спасибо! Но мне и самообмана хватает, — комментирует мой приятель из Берлина, и я вспоминаю, почему именно с ним я решила написать книгу.

Аванс переводится на счет, редактор еще раз все тщательно пересматривает, и мы летим в Цюрих. На редакционную коллегию! Меня селят в том же отеле, что и авторов «Диогенеса» в прошлые годы, я стою у стойки регистрации, где Лорио когда-то отпускал свои шуточки, может быть, Энтони МакКартен чистил зубы у той же раковины. Я разговариваю по телефону с пожилым издателем, он хвалит наш текст, что очень трогает меня. Ведь я продавец книг! Я продала за своим прилавком бесчисленное количество книг «Диогенеса». А теперь я автор в этом издательстве.

Книга выходит через девять месяцев, которые кажутся нам бесконечными. На протяжении этого времени нет и дня, чтобы утром под душем мне не пришло в голову: «Эй, ты написала книгу, по крайней мере полкниги. И ее публикует крупное издательство».

И в самый разгар рождественских дел приходит коробка с обзорами весенних новинок и экземплярами для чтения. И в ней — наша книга. Две страницы обзора, с которых на меня смотрит как будто незнакомая женщина. Но это моя фотография и моя первая книга. И в очередной раз нам на руку, что Австрия — маленькая страна и все друг друга знают. Почти во всех крупных СМИ появляются сообщения о «криминальном романе между Веной и Берлином», о писательском дуэте, разделенном тысячей

километров, о продавце книг, которая сама написала книгу. Коллеги по книжной торговле из солидарности размещают книгу в мягкой обложке на видном месте на столах с новыми изданиями или в витринах магазинов. Наши постоянные покупатели берут книгу, независимо от того, нравятся ли им криминальные романы или нет, и люди продолжают спрашивать произведение, которое было написано «вашей компанией». Мне нравится принимать участие во всех звеньях цепи продажи книг: писать, закупать, распаковывать, убирать, брать оплату, подписывать, упаковывать как подарок. В этом что-то есть.

Женщина долго бродит в отделе детективов, подходит к кассе с тремя книгами. Она показывает на мой роман и спрашивает:

— Хороший?

— Э-э, да.

— Так хороший или нет? — в ее голосе чувствуется некое недовольство, видимо, кто-то рассказал ей о наших рекомендациях, и она ожидает большего.

— Ну, это я его написала и не могу сказать, что совсем плохо.

— Что значит, вы его написали?!

Я указываю на свое имя, и она недоверчиво качает головой.

Или другой покупатель, который подходит к кассе с целой стопкой книг. Среди них как минимум три экземпляра моей книги.

— Их подписать? — вопрос вырывается почти автоматически.

— Что именно вы хотите подписать?

Боже, как неловко! Я слышу, как сотрудница рядом со мной хихикает, и мне становится ужасно стыдно.

— Извините, я написала этот роман, и обычно многие просят автограф. Всё в порядке, давайте забудем об этом!

— Что вы написали?

— Вот эту книгу. Я думала, вы это знаете, потому что покупаете сразу три экземпляра.

— Нет, она просто показалась классной, и у меня много друзей-немцев, так что это отличный подарок.

Никогда больше я не буду вызываться что-то написать. Определенно.

Со временем это превратилось в рутину, третья книга уже не вызывает такого восторга, как первая. Покупатели тоже привыкли, но мне все равно приятно, когда я слышу, что они с нетерпением ждут следующего расследования детективного дуэта. Однажды летом, когда я мою витрины, пожилой мужчина останавливается и интересуется:

— Когда выйдет новая книга вашей начальницы?

— Я точно не знаю, думаю, в конце августа.

На книжной ярмарке меня больше не спрашивают, пришла ли я сюда «как частное лицо», потому что теперь я автор, а для них поход на подобное мероприятие, видимо, дело привычное. Правда, автору здесь делать особо нечего, если только вы не Пол Остер или Арнольд Шварценеггер. Писателю нет никакого смысла идти на ярмарку, если у него не назначено кучи интервью и чтений. А их точно нет, если вы пишете серию детективов в мягкой обложке. Вам не нужно искать издателя для своей рукописи, и у главного редактора нет времени обсуждать с вами будущие проекты. Поэтому я продолжаю ходить на ярмарку «как частное лицо» в качестве книготорговца, по крайней мере до тех пор, пока не обрету мировую известность автора бестселлеров. И у этого есть свои преимущества: я могу спокойно завтракать с мужем вместо того, чтобы метаться туда-сюда по выставочным залам.

И мы по-прежнему любим книжную ярмарку, ездим туда вместе, посещаем одни и те же вечеринки, радуемся, когда встречаем старых знакомых. Это наш общий мир, то, ради чего мы все это делаем, и мы часто недоумеваем, когда кто-нибудь спрашивает, не тяжело ли нам работать вместе. Нет, совсем не тяжело, а если бы и было тяжело, мы бы не признались в этом. В конце концов, мы команда мечты в австрийской книготорговле, и по большей части за кулисами все проходит гладко.

В то время как я играю роль министра иностранных дел в нашей корпоративной империи, Оливер — министр внутренних дел, что, конечно же, включает в себя финансы и инфраструктуру, то есть замену лампочек, картриджей для принтеров, уборку снега зимой. Иногда его единственным контактом с внешним миром является наш налоговый консультант, с которым за последние десять лет у него сложились, по его меркам, дружеские отношения. Может показаться немного странным, когда в книжном магазине творится настоящий ад: мы с сотрудницами разрываемся между покупателями и звонящими телефонами, — а наверху мой муж сидит за столом, уставившись в экран, и постоянно слушает аудиокниги Томаса Манна. Вот это жизнь. Я имею в виду, что мы там выкладываемся по полной, а ему здесь хорошо. Правда, конечно, я бы не хотела поменяться местами, в конце концов, это разделение обязанностей не случайно: каждый занимается тем, в чем силен. Я хорошо говорю и плохо считаю, он хорошо анализирует и не очень хорошо общается. Я очень разговорчивая, а он — немногословный, я могу долго рассуждать о книгах, встречах, продажах, а из него едва выдавишь отрывистое «Всё в порядке». Сотрудники привыкли, что он не всегда здоровается при встрече, зато несколько раз в день делает всем кофе

(со вспененным молоком), покупает пиво для общих собраний и готовит вегетарианский чечевичный суп. И хотя мы постоянно видимся, нам все равно не удается договориться по многим вопросам, и наши сотрудники используют излюбленную подростками тактику:

— Можно я возьму выходной в понедельник?

— Спроси Оливера.

— Он сказал спросить у тебя.

Когда я отчитываю Еву за то, что мой муж сказал ей сделать часом раньше, она смотрит на меня круглыми глазами:

— А если вы разведетесь? То нам нужно будет выбирать?

Этот вопрос не встанет, потому что наш книжный магазин всегда будет нашим совместным проектом. Конечно, иногда я задумываюсь о том, что мой муж, переживая кризис среднего возраста, может сбежать с симпатичной клиенткой, сотрудницей, коллегой или представительницей издательства, и если это случится, то книжному магазину придет конец. Мы начали это вместе и закончим тоже вместе, но это займет больше времени, чем мы себе представляли, потому что ситуация с нашей пенсией выглядит удручающе. Так что мы состаримся здесь вместе, и, конечно, наш книжный магазин не самое плохое место для этого. Возможно, со временем управлять бизнесом станет сложнее, и в какой-то момент нам нужно будет разобраться с шестидесятичасовой рабочей неделей в рождественский период. Не думаю, что в восемьдесят лет она доставит нам удовольствие.

В девятом районе есть прекрасный книжный, который за последние годы несколько раз переходил из рук в руки. И каждый раз, когда мы прогуливаемся или проезжаем мимо него на трамвае, то заглядываем внутрь. Огромные витрины, деревянный пол, стеллажи до самого потолка, немного книг, мало света, не очень убрано.

— Мы ведь не хотим второй магазин?

— Нет, мы не хотим второй магазин.

— Да, и я не хочу, но такое хорошее помещение.

И так близко к Штрудльхофштиге.

Ах, вот откуда дует ветер. Тем не менее мой муж ищет предлоги, чтобы пройти мимо Штрудльхофштиге, и это в рабочее время.

Книжный магазин действительно хорош, но он не продается, а у нас нет ни денег, ни времени, и он все равно слишком большой.

В дождливый воскресный весенний день Оливеру приходит в голову идея разузнать через кого-либо, не думает ли нынешний владелец о продаже. Это может сделать мой родственник из Тироля, он работает финансовым консультантом, ему не будут звонить, как нам, никто не узнает, что это мы, и ни к чему не обязывающий запрос ничего не стоит. Мы разговариваем по телефону, родственнику идея кажется

забавной, и мы обещаем сообщить ему на следующей неделе имя и адрес нынешнего владельца, чтобы он написал ему письмо.

Через три дня на чтении в нашем книжном магазине. Снова милая представительница издательства. После формальной части она заговорщицким жестом машет мне рукой:

— Вам точно не нужен второй книжный магазин?

— Нет. А что?

— Вы бы могли купить тот, что в девятом районе, ну вы знаете, такой красивый.

Так и быть, напрямую. Мы звоним владельцу, который считает, что этот книжный магазин подходит под концепцию нашей компании гораздо лучше, чем под его собственную. Да, но в чем заключается концепция нашей компании? Большое количество книг на небольшом пространстве, много сотрудников, которые прилагают все усилия, чтобы продать каждую книгу. Его концепция скорее противоположная. Мало книг, только бестселлеры, и те в удобных стопках, и всего один сотрудник ко всему прочему. Возможно, именно так он зарабатывает, но это работает не во всех районах. В книжном должно быть много книг, много людей, много сотрудников-энтузиастов. На этом, как правило, зарабатывают меньше денег, зато с удовольствием. И обычно весело!

Мы довольно быстро соглашаемся, но готовы взять магазин только при одном условии: у Роберта, строителя, должно быть время на ремонт. Достаточно одного осмотра, и, конечно, у него находится время. И идеи, и, как мы уже знаем, нужные мастера. На этот раз Оливер отправляется в банк один, денежный заем стал привычным делом. Во вторник в девять утра передают ключи, в половине десятого мастера уже ждут у дверей: плотник из Штирии, слесарь из Каринтии, гипсокартонщик из бывшей Югославии и электрик из

Вены. Пока предыдущий хозяин выносит последние лампы и мебель, они уже разбирают потолок, а электрик даже начинает прокладывать кабель.

Поскольку мы можем с полной уверенностью оставить черновую работу мастеру, то приступаем к созданию бизнес-плана. Этот книжный магазин в два раза больше первого: что и как мы хотим здесь продавать, кто будет работать, сколько людей нам нужно и где их взять?

У нас есть симпатичная коллега, Сильвия, итальянка, мы почти ничего о ней не знаем, только то, что она любит ходить на вечеринки и ужины для книготорговцев, потому что именно там мы с ней познакомились. Год назад она поделилась с нами мечтой всей своей жизни: она хочет открыть итальянский книжный магазин в Вене. Вместе с подругой. Они посмотрели несколько помещений, сделали кое-какие расчеты, но не знали, за что взяться.

Достаточно одного телефонного звонка, где произносятся волшебные слова «новый книжный магазин», «итальянский отдел», «полный рабочий день», и она сразу же соглашается.

На ум приходит еще один друг, с которым мы уже давно знакомы, он в курсе всех окололитературных событий в Вене. С ним весело, но не всегда легко, зато у него спокойная жена, которая продавала книги. С тех пор как закрылся последний магазин, где она работала, она сидит дома, потому что ей за пятьдесят и «трудно устроиться». Она тоже соглашается.

В нескольких минутах ходьбы от нового места уже несколько десятилетий существует французский книжный магазин, и кто-то сообщает нам, что он закрывается.

Он находится рядом с Французским лицеем, спрятан в здании, которое каким-то образом тоже принадлежит школе, но мне ни разу не доводилось там побывать. Мы знакомимся с седобородым книготорговцем, который сидит в своем уже немного опустевшем книжном, обводит его усталым взглядом, курит «Голуаз» и пьет черный кофе. Он выглядит так, будто учился вместе с Сартром или Камю, и, вероятно, так оно и было. Здание, в котором находится его магазин, планируют перестраивать, и ему нужно освободить помещение, кроме того, он уже в пенсионном возрасте. Так что отныне наш новый книжный магазин находится по соседству с французской школой, и французский отлично сочетается с итальянским. Мы покупаем несколько коробок книг из его запасов, они слегка пахнут сигаретами и имеют определенный уклон в сторону философии. Старый книготорговец бросается в объяснения, как сложно приходится французскому книжному рынку, как ненадежны лицеисты, как требовательны французские покупатели и что нам все равно не удастся импортировать книги из Франции. Ведь это не так просто, как с немецкими, утомительный процесс, сроки доставки большие, а почтовые расходы огромные. Но нас это только мотивирует, и мы быстро решаем создать французский отдел в дополнение к итальянскому.

Так получилось, что у Сильвии есть подруга, которая занимается книготорговлей и изучала романские языки, поэтому прекрасно говорит по-французски. К сожалению, она работает в небольшом книжном магазине, где ее все устраивает, и, кроме того, сейчас она в длительной командировке, а значит, мы не можем пригласить ее и лично убедить, что с осени она должна работать у нас и что мы самые лучшие начальники. Сильвия посылает ей имейл, и после

возвращения франкоговорящая подруга оказывается за нашим кухонным столом. Мы описываем свое рабочее предложение. Она не проявляет особого энтузиазма, не хочет принимать решение спонтанно и просит время, чтобы все хорошенько обдумать. Выходные проходят в напряжении. Книжному магазину с солидным французским отделом нужен франкоговорящий продавец книг. Их не то чтобы как песку морского, и другого плана у нас нет. Через два дня она звонит. И соглашается.

Давным-давно к нам на работу пыталась устроиться француженка. Настоящая. Я точно помню и нахожу подтверждение в толстой папке с резюме. Тогда ее заявка привлекла наше внимание — французское имя, классная фотография, стюардесса в декрете, которая хотела бы продавать книги. Я звоню и приглашаю ее на собеседование. Она милая и с приятным акцентом. На мой вопрос, как именно она представляет себе работу с еще совсем маленькими детьми, она лаконично отвечает: «Что вы, *pas de problem*. Я ведь француженка». Через десять минут она получает место у нас. Пусть она и не продавец книг, но она француженка, а остальному научится.

Команда приступает к работе с большим энтузиазмом. Пока мастера трудятся на полную катушку, мы просматриваем французские и итальянские книжные каталоги, пытаемся наладить контакты с носителями языка, обзванивая всех подряд, и выяснить, как доставлять книги из Франции и Италии в Австрию. Ведь это не может быть так сложно, в конце концов, мы все в Евросоюзе! Но это сложно: требует много времени и денег. Две-три недели из Франции в Австрию, и если ускорить доставку, то почтовые расходы превысят стоимость книг. Тем не менее мы все пребываем в хорошем настроении, заказываем новинки и важные книги из бэк-листа, и когда

я держу в руках «Очень голодную гусеницу» и «Бабушку на яблоне» на итальянском языке, то меня охватывает гордость за свой международный книжный магазин. Дракончика Кокошу у нас теперь называют Nocedicosso, а роман Даниэля Глаттауэра получил название *Quand souffle le vent du nord*.

А потом появляются первые покупатели: они действительно говорят по-французски, я пробую свои силы в «*Bonjour, Merci и Voulez vous un sac?*» и радуюсь, что этого не слышит моя учительница французского.

Австрийские италюфилы тоже любят магазин, потому что здесь есть не только итальянские книги, но и Сильвия, которая радуется каждому произнесенному итальянскому слову. Где еще в Вене у вас есть возможность с пользой применить свои знания, полученные на курсе итальянского языка для взрослых? Раньше только в кафе-мороженом, а теперь еще и у нас.

Я кое-что понимаю, ведь свои летние каникулы в детстве я проводила в Бибионе. Оливер отдыхал на ферме в Альгой, поэтому по-итальянски не знает ни слова. Он спрашивает, что ему нужно отвечать, если кто-нибудь звонит, а он ничего не может разобрать.

— Как сказать: «Коллега из Италии работает завтра»?

— О, это просто! *Silvia domani!* — она завершает предложение, пантомимически вешая трубку дискового телефона.

Раз в неделю я работаю в новом магазине, и для меня это скорее отпуск. Во-первых, четыре сотрудницы привыкли обходиться без меня, а значит, хотя они и рады моему присутствию, но совершенно не страдают, когда я гуляю с собакой, болтаю с друзьями или ухожу пообедать. А во-вторых, гул иностранных языков значительно усиливает ощущение отпуска:

французская коллега с головокружительной скоростью пересказывает на французском свои любимые книжки-картинки, Сильвия громко разговаривает по телефону с кем-то из Брешиа о заказе, который уже давно должен был прийти, а лицеисты бормочут название книги, которую им велела прочитать мадам Прессар.

Новый книжный магазин вынуждает нас в очередной раз увеличить электронную базу данных. Все начиналось довольно просто. Ноутбук с дисководом для нового ежемесячного списка доступных книг, записанного на диск, и доступ в интернет для поиска и отправки заказов в электронном виде. Вскоре добавился второй ноутбук, который через некоторое время у нас украли — посреди бела дня, в магазине, набитом людьми. Просто выдернули провод и унесли.

Сейчас у нас целый компьютерный центр, всего одиннадцать ноутбуков, все они соединены между собой, где бы ни находились. В разных магазинах, в квартире, в домике для отдыха — отовсюду у меня есть доступ ко всему. Через так называемый туннель со сложным паролем, если он, конечно, открыт, я могу зайти куда вздумается. В идеале. Что не всегда получается. Такую сеть должен обслуживать специалист, потому что мы с Оливером только и умеем, что включить и выключить ее, ну и выдернуть шнур из розетки или перезагрузить.

Поэтому у нас уже много лет есть Макс, а теперь еще и Макс-Петер. Макс был соседом наших друзей-врачей: до маленького домика в Шафберге у них была квартира в огромном жилом комплексе

на Дунае, и там они подружились с семьей по соседству. Отец семейства, Макс, разбирается в компьютерах. И он действительно хорош в этом деле. Он мало говорит, а когда говорит, то обычно такими непонятными мне словами, как HSDPA, Switch, CPU и тому подобное. На самом деле он обслуживает компьютерные системы в крупном банке, но его хобби — оснащать нашу маленькую компанию все более сложными устройствами. Его глаза загораются, когда он объясняет, зачем нам нужен новый девайс и какая польза, если мы приобретем, подключим, модернизируем то-то и то-то. И когда мы даем ему зеленый свет, он узнаёт цены по всей Австрии, сравнивает предложения и отчитывается, почему выбрал именно это. Или он собирает что-то новое из запчастей, которые случайно оказываются у него дома. А если что-то не работает, мы звоним, и он всегда отвечает сразу и шепотом пытается выяснить, в чем проблема. Что не всегда легко, потому что чаще всего я не могу сказать больше, чем «Ева удалила интернет» или «Экран странно выглядит». Я думаю, что он добавил еще один уровень к своему рабочему месту в большом банке под столом, где он решает все наши вопросы. Немного напоминает седьмой с половиной этаж в фильме «Быть Джоном Малковичем». Параллельный мир, о котором никто не догадывается. Он пытается хоть как-то ввести меня в систему, и это, должно быть, все равно что идти со слепым по Бродвею и постоянно требовать, чтобы он открыл красную дверь слева или прочитал, что написано на той неоновой вывеске. Чаще всего ему проще войти в нашу систему через удаленный доступ, и, как по волшебству, окна на моем экране открываются и закрываются.

По мере того как данных становится все больше и больше, а вместе с тем и запросов, в игру вступает

второй Макс. Первый Макс называет его Макс-Петер. Вероятно, он умеет делать что-то, чего не умеет первый Макс, хотя раньше я не замечала, чтобы первый Макс чего-то не мог.

Во всяком случае, второй Макс говорит еще меньше, чем первый. В основном они общаются только между собой, и мы лишь частично их понимаем. Обычно они встречаются у нас поздно вечером и не уходят, пока все не заработает. Иногда компьютеры выключают только в два ночи. И нет никакой гарантии, что все будет исправно на следующий день, когда их снова включают. Но, к счастью, оба Макса всегда на связи, и я, конечно, ни с кем не делюсь их номерами.

Даже если может показаться, что мы в нашем магазине беспорядочно растолкали книги по полкам, на самом деле за этим стоит сложная и по большей части хорошо продуманная система. Некоторых книг у нас по многу экземпляров — и это не случайность, а часть изощренного плана. И раз уж есть второй книжный магазин, то мы должны использовать синергетический эффект: например, если в одном слишком много, а в другом слишком мало экземпляров, то перераспределяем книги, а не делаем новые заказы для одного филиала или отправляем излишки из другого. И поэтому нам нужна система управления товаром, система, в которой максимально все автоматизировано, в которой видно, что и где есть, которая самостоятельно выписывает накладные и счета-фактуры и облегчает прием товара в рождественский период. Именно такую программу мы приобрели. Это отличный новый продукт от немецкой компании, который должен облегчить жизнь книготорговцам.

Только, к сожалению, он настолько новый, что мы оказываемся первыми покупателями в Австрии, и все работает не так, как мы себе представляли. И возможно, не так, как представляли себе разработчики. Нам выделяют консультанта по работе с клиентами, которая хорошо знает свое дело и иногда бывает строга, если мы не сразу что-то понимаем. Она проводит в магазине три дня, постоянно за нашими спинами, и нам немного страшно получить по пальцам, нажав не туда.

Когда она уходит, остается куча вопросов и множество нерешенных проблем. Консультант часто недоступна, конечно, потому, что у нее много других клиентов, которым тоже продали продукт и у которых тоже возникают вопросы. Но иногда, мне кажется, она просто не берет трубку, увидев номер телефона с австрийским кодом. Программа по-прежнему в деле, и все ее боятся. Потому что постоянно происходят странные вещи: функции, которые прекрасно работали, в один прекрасный день вдруг исчезают, порядок выполнения, который мы освоили и поняли, вдруг перестает быть правильным.

Если мы не можем дозвониться до нашей специалистки, то набираем номер горячей линии, который выучили наизусть, и терпеливо пересказываем постоянно меняющемуся персоналу одни и те же проблемы.

Наши сотрудники немного нервничают, сколько еще мы можем кормить их обещаниями, что новая программа станет настоящим облегчением для их работы? Потому что, помимо всех недоработок, мы поняли, что новая система слишком сложна для нашего медленного интернета. Не доставляет никакого удовольствия за каждым заказом ждать, пока загрузится страница, так долго, что покупатель мог

бы успеть пересказать историю своей жизни. Оба Макса предлагают нового провайдера. Скачивание в шестьдесят раз быстрее. Что-то про загрузку, и еще есть скорость пинга — понятия не имею, что это такое.

Как и каждый год, я отправляюсь с дочерью на лыжную базу, а Оливер обычно в это время уезжает один в домик в Вайнфиртеле, чтобы восстановиться после рождественского стресса, подальше от коллег и семьи. В этом году мы не осмеливаемся это сделать. Мы не можем уехать одновременно. Оставить сотрудников одних. С новой системой управления товарами. С таким количеством вопросов. С незаконченной стройкой. Мы решаем: сначала в отпуск еду я, потом он, чтобы всегда кто-то оставался на месте, и, возможно, небольшая временная разлука нам не повредит. Потому что нервы у нас на пределе.

В лыжной хижине мобильная связь плохо ловит, мы время от времени созваниваемся, но разговор постоянно прерывается. Мне удастся выхватить только отдельные слова: интернет, сбои, смена провайдера, неработающий кассовый аппарат, — но я отодвигаю все подальше и погружаюсь в расслабляющие будни хижины с общей кухней на пятьдесят гостей. Какой интернет, когда нужно почистить двадцать килограммов картошки. Я хожу в одних и тех же спортивных штанах всю неделю, не упоминаю тему книжной торговли в целом и уж тем более наш книжный магазин, а вместо этого вяжу одну за другой шапочки по инструкциям из интернета. Жизнь может быть такой прекрасной.

Я возвращаюсь в пятницу вечером, и передача дел происходит буднично и без всякой романтики — в «Макдоналдсе» на вокзале Франца-Иосифа. Прежде чем Оливер отправится в недельное отшельничество, он докладывает мне о текущих проблемах и о попытках их решить. Безуспешных.

Суббота, девять часов утра. И я снова при деле. В душе я все еще в хижине на высоте шестнадцати сотен метров над уровнем моря, в действительности же я стою в своем магазине и пытаюсь обслуживать первых покупателей с помощью новой замечательной программы. Но теперь она работает не просто медленно, а настолько медленно, что каждый третий раз закрывается. Снова и снова, и так целый день. Единственное, что меняется, — это сообщения об ошибках: время истекло, страница не загружается, программа не отвечает.

Мы накапливаем горы бумажек с заказами и пытаемся их обработать за то короткое время, в течение которого программа нам это позволяет. Клиенты, кому мы уже три недели повторяем: «Извините, это займет немного больше времени, у нас проблемы с системой», начинают раздраженно вскидывать брови.

На выходных я наслаждаюсь своей временной холостяцкой жизнью, стираю грязную одежду, накопившуюся в лыжной хижине, долго гуляю с собакой и пытаюсь отогнать мысли о компьютерных проблемах этажом ниже. Может быть, за выходные все само собой утрясется?

Конечно, не утрясется, и мне приходится провести понедельник за всевозможными телефонными звонками: служба поддержки клиентов интернет-провайдера, горячая линия системы управления товарами, оба Макса, друг за другом. Я стараюсь как можно меньше беспокоить мужа, в конце концов, ему тоже

полагается неделя покоя. Все три задействованных лица по очереди объясняют, что проблема точно не в них: интернет якобы работает отлично, система управления товарами тоже, и во внутренней сети тоже нет сбоев. На следующий день в их голосе уже нет прежней убедительности. Снова и снова они заходят в наши компьютеры через удаленный доступ и своими глазами видят, что так работать невозможно.

Сотрудница просит несколько дней отгулов, нервы у нее на пределе. Я, конечно, даю добро. Первая встреча в среду: представитель издательства «С. Фишер» назначает на полдевятого. Я готовлю завтрак для дочери, упаковываю ей школьный обед и в четверть восьмого выхожу из дома с собакой под проливным дождем и в крошечной темноте. Когда мы возвращаемся через час, грязные и мокрые, представитель уже дожидается у двери. Я привожу себя в порядок, приглашаю его в подсобку и быстро включаю компьютеры и кассовый аппарат. К сожалению, касса не включается. На экране высвечиваются странные знаки, я снова звоню на горячую линию, но они работают только с девяти. Отлично, потому что мы тоже открываемся в девять часов, и обычно у дверей уже ждут первые клиенты. Оставшиеся двадцать минут я пытаюсь сосредоточиться на каталоге издательства «С. Фишер», а почти в девять вспоминаю о Еве, чей рабочий день должен начаться ровно через три минуты. Я звоню ей и после бесконечных гудков ощущаю тепло ее одеяла через телефонную трубку. «Будильник не сработал», — бормочет она в трубку, а терпеливый представитель издательства снисходительно улыбается и открывает магазин вместе со мной. И конечно, в две минуты десятого передо мной стоят первые покупатели, и, конечно, они хотят что-то купить, и, конечно, кассовый

аппарат не открывается. Двадцать минут спустя Ева стоит рядом, на ее лице еще заметны следы от подушки, она берет на себя горячую линию по обслуживанию кассы, я занимаюсь клиентами, одновременно надиктовывая заказы расположившемуся незаметно в стороне представителю. На самом деле он просто записывает то, что, по его мнению, нам может понадобиться, потому что я лишь время от времени пробегаюсь взглядом по обзорам. В этом году будет весело, когда издательство «С. Фишер» доставит свои новинки.

Через полчаса касса снова работает, представитель уходит, а компьютеры, как обычно, выходят из строя на каждом третьем покупателе. Я не продаю ни одной книги, снова звоню уже хорошо знакомым мне специалистам и пытаюсь донести до них, что так больше работать нельзя. Что это не просто компьютерная проблема, а существенная угроза для нас. Что с каждым днем покупателей становится все меньше и что это лишь вопрос времени, пока у сотрудников сдадут нервы; в подсобке уже несколько раз были слезы.

Вечером, когда стиральная машина застревает на середине отжима и издает странные звуки, я тоже пускаю слезу в ванной комнате, прежде чем открыть клапан, вытереть пол насухо и позвонить соседке, чтобы узнать, могу ли я достирать вещи у нее. На следующий день перестает работать телефон, но все дело в проводе, подобные мелочи меня больше не выводят из равновесия. Тем временем я начинаю верить во всемирный заговор или в то, что «Амазон» подложил нам троянского коня, чтобы медленно, но верно уничтожить нас, потому что я всегда так плохо отзываюсь о нем в СМИ. И правда, ему что, подвластна даже стиральная машина? Каким-то образом мне удастся пережить эту неделю. Я уговариваю

мужа не отменять отпуск, хотя сама уже на грани срыва. Все это время я пытаюсь посредничать между очень милым техником клиентской службы системы управления товарами в Штутгарте, горячей линией интернет-провайдера и обоими Максами, судорожно набрасывая технические термины на разных листках бумаги и пытаюсь пересказать одному то, что мне сообщил другой.

В выходные я еду за город, чтобы забрать мужа, которому не то чтобы удалось отдохнуть. Мы пытаемся наслаждаться полутора днями и делать вид, что у нас всё под контролем.

Но ничего не под контролем. История успеха книжного магазина вдруг оказалась под большим вопросом: мы настолько измотаны, что готовы все бросить. У нас не было перерыва с ноября, и, несмотря на успешный год, мы, можно сказать, на грани разорения, весь персонал сильно утомлен, и если бы мы могли, то просто все бросили. Всё. Оба бизнеса, наш брак, все, что мы построили. Мы просто хотим спать, желательно в одиночку, в собственной комнате, чтобы никто не беспокоил и только время от времени приносил книгу или тарелку супа.

Но, конечно, мы возвращаемся и, конечно, не сдаемся. Мы просто не можем: у нас двенадцать сотрудников и довольно много долгов перед банком, поэтому мы стараемся мотивировать друг друга и проявлять снисхождение, из последних сил засучиваем рукава. Оливер чинит стиральную машину, я в понедельник пытаюсь объяснить всем участникам этой дурацкой игры, что так больше не может продолжаться. А во вторник они наконец перебарывают самих себя и начинают общаться друг с другом. Три компьютерных специалиста, которые спустя несколько недель наконец додумываются решить проблему вместе,

путем разговора. Через совместное взаимодействие. Настоящая революция. Но они, должно быть, почувствовали, что мы больше не собираемся терпеть. Что терпению пришел конец и что теперь им придется прибегнуть к таким непривычным методам, как разговор друг с другом. Устанавливается конференц-связь, они входят в нашу сеть через удаленный доступ и на протяжении трех часов пытаются что-то предпринять. Они пробуют разные способы и пути, ставят в одном месте галочки, чтобы потом снять их в другом, делятся друг с другом новыми идеями, и почти в шесть вечера Макс, который участвует во всем этом, сообщает мне: «Можешь не благодарить. Мы нашли решение». Он звучит совершенно измученным, и его словам не хватает убедительности. Им уже несколько раз казалось, что проблема решена. Я и не думаю его благодарить, потому что не верю в хороший исход.

Весь вечер всеми возможными способами, которые только можно придумать, мы заказываем как сумасшедшие книги для вымышленных клиентов, генерируя невероятно длинные списки в корзине, которые и приводят обычно к краху системы. Система работает. И продолжает работать на следующий день утром, после обеда и вечером. Работает стабильно, без сбоев, и вдруг все снова налаживается. Мы снова с удовольствием идем на работу, радуемся, когда открывается дверь и входит клиент, а не вздрагиваем от страха, как в последние несколько недель. Сотрудники снова расслабляются, и все снова могут делать то, что им нравится и что у них получается лучше всего. Рассказывать истории, болтать с покупателями, упаковывать подарки, смешить.

Мы с Оливером справились. Мы не расстались. Мы по-прежнему разговариваем друг с другом и спим

в одной постели. Хотя и осталось несколько царапин, несколько ссадин, которые доказывают, что мы уязвимы, что самые банальные вещи могут полностью вывести нас из строя. Возможно, нам это было крайне необходимо, чтобы снова наслаждаться тем, что нас ждет впереди. Потому что на самом деле у нас классная жизнь.

Иногда, летом, когда суточный оборот небольшой, мы с Оливером сидим на деревянной скамейке позади нашего домика в Вайнфиртеле, пьем вино, смотрим на звезды и представляем себе, что делать, если в какой-то момент дела пойдут не так хорошо. Можно поселиться в деревне, в конце концов, через несколько лет мы полностью расплатимся за дом. Можно снова работать вдвоем, с помощником-студентом. Как и планировалось изначально. Но эта мысль мне не по душе. Мне нужна суета, множество людей и квартира в городе, и без моей команды все это не будет приносить радости.

Сейчас у нас двенадцать сотрудников — представители шести разных наций в возрасте от двадцати двух до пятидесяти шести лет. Вместе у нас десять детей, трое из которых, к счастью, уже выросли, что благоприятно сказывается на количестве больных. Их биографии столь же разнообразны, как и мотивы, побудившие стать книготорговцами, единственный общий знаменатель, пожалуй, определенная доля сумасшествия — одержимость книгами, которую можно понять, только если ты сам ею страдаешь.

В последнее время меня все чаще приглашают выступить на каком-нибудь мероприятии в книжной индустрии. Если за десять лет вам удастся открыть два небольших книжных магазина и выстоять, то это история успеха. А если книготорговец любит открывать рот и высказывать свою позицию, то в какой-то момент его номер телефона будет у всех. Вопросы не сильно отличаются. Есть ли у книг будущее? Будут ли и дальше существовать книжные магазины? Что я могу ответить на это? Конечно, у книг есть будущее, а книжные магазины будут существовать. Мне не остается думать ничего другого, потому что это все равно что спросить фермера, у которого в хлеву полно дойных коров, верит ли он, что в будущем люди все еще будут пить молоко или какао. Что фермеру, что книготорговцу — нам не остается ничего другого, как верить. Смогут ли и те и другие зарабатывать на жизнь через десять лет — вопрос спорный, но на это мы вряд ли можем повлиять.

Мы не повернем время вспять, и, как ни парадоксально, наш рецепт успеха заключается в том, чтобы притворяться перед покупателями, что в наших магазинах все «как раньше». Много книг на небольшом пространстве, переполненные книжные полки до потолка, увлеченный персонал, который в свободное время только и делает, что читает. Все как в старые добрые времена. Правда, быть хорошим книготорговцем уже недостаточно. Нужно быть по совместительству маркетологом, рекламщиком, графическим дизайнером, ревизором, веб-дизайнером, специалистом по организации мероприятий, художником по упаковке, психотерапевтом. Можно перечислять бесконечно. И признаться, именно это и побуждает нас продолжать, иначе бы нам наскучила наша работа. Продолжать в те времена, когда

каждую неделю появляются сообщения о закрытии таких старомодных книжных магазинов, как наш. Продолжать, потому что ничего другого нам не остается. Потому что это то, что мы умеем. Потому что это то, что мы любим.

МИ∞ Культура

ИСКУССТВО

АРХИТЕКТУРА И УРБАНИЗМ

БИОГРАФИИ И МЕМУАРЫ

ПУБЛИЦИСТИКА И ЭССЕИСТИКА

НОН ФИКШН ИСТОРИИ

МУЗЫКА, ТЕАТР, ТАНЕЦ

КУЛЬТУРА ДРЕВНОСТИ

ЛИТЕРАТУРА

СТРАНОВЕДЕНИЕ

#mifbooks

Подписывайтесь
на полезные книжные письма
со скидками и подарками:
mif.to/kultura-letter

Все книги по культуре
на одной странице:
mif.to/kultura

mifbooks

КУЛЬТУРА

Литературно-художественное издание

Хартлиб Петра

МЫ КУПИЛИ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

**Как исполнить мечту книголюба
и (почти) не сойти с ума от счастья и читателей**

Руководитель редакционной группы *Надежда Молитвина*

Ответственный редактор *Анастасия Устинова*

Литературный редактор *Алёна Чукарева*

Креативный директор *Яна Паламарчук*

Арт-директор *Анастасия Новик*

Дизайн обложки *August Ro*

Верстка *Анна Савостьянова*

Корректоры *Ольга Криворучко, Анна Быкова*

ООО «Манн, Иванов и Фербер»

123104, Россия, г. Москва,

Б. Козихинский пер., д. 7, стр. 2

mann-ivanov-ferber.ru

vk.com/mifbooks

В один день бросить упорядоченную жизнь и карьеру в Гамбурге и, поддавшись спонтанному порыву, купить маленький обанкротившийся книжный магазин в Вене? Почему бы нет!

Это уютная и вдохновляющая история о том, как Петра Хартлиб воплотила в жизнь тайную мечту каждого книголюбца и стала владелицей успешного венского книжного. Магазин превратился в настоящий дом для ее семьи с постоянными покупателями, которые становятся друзьями, и друзьями, которые заходят почитать и поболтать. Рассказ Петры пронизан юмором и самоиронией, и каждая строчка в нем — признание в любви к миру книг.

